

на грани:
роман-исповедь

УЭНДИ УОКЕР

18+

Я ВСЕ ПОМНЮ

*Дженни, ты хочешь вспомнить, что случилось
с тобой той ночью в лесу?*

Annotation

После жестокого изнасилования пятнадцатилетняя Дженни Крамер подвергается экспериментальному лечению, которое должно стереть из ее памяти болезненные воспоминания о произошедшем. Но избавит ли это девочку от страданий? Станет ли когда-нибудь жизнь Дженни и ее родителей такой, как прежде, или же боль, даже спрятанная глубоко в душе, навсегда отравит их существование? И как найти виновного, если ничего о нем не помнишь?..

- [Уэнди Уокер](#)
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
 - [Глава двадцать первая](#)
 - [Глава двадцать вторая](#)
 - [Глава двадцать третья](#)
 - [Глава двадцать четвертая](#)

- [Глава двадцать пятая](#)
 - [Глава двадцать шестая](#)
 - [Глава двадцать седьмая](#)
 - [Глава двадцать восьмая](#)
 - [Глава двадцать девятая](#)
 - [Глава тридцатая](#)
 - [Глава тридцать первая](#)
 - [Глава тридцать вторая](#)
 - [Глава тридцать третья](#)
 - [Глава тридцать четвертая](#)
 - [Глава тридцать пятая](#)
 - [Глава тридцать шестая](#)
 - [Примечание автора](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Уэнди Уокер

Я все помню

«ALL IS NOT FORGOTTEN» by Wendy Walker

Печатается с разрешения Midlife Productions II, Inc. и литературных агентств Wendy Sherman Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Copyright © 2016 by Wendy Walker

© Липка В. М., перевод, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Посвящается Энди, Бену и Кристоферу

Глава первая

Он пошел за ней в лес за домом. Почва там была усеяна зимним сором – листьями и веточками, которые опали с деревьев в последние полгода и теперь гнили под снежным покрывалом. Она, вероятно, слышала его приближающиеся шаги. Скорее всего, даже обернулась и увидела на его лице шерстяную маску, волокна которой потом нашли у нее под ногтями. А когда упала на колени, останки ломких веточек хрустнули, будто старые кости, и ободрали ее обнаженную кожу. Он с силой придавил ее лицо и грудь к земле, по всей видимости, тыльной стороной предплечья; вероятно, на нее упали капельки воды из дождевальной установки, орошавшей лужайку в каких-то двадцати футах в стороне. Когда ее нашли, волосы у нее были влажные.

Ребенком, дома, она охотилась за струями поливальной машины, пытаясь поймать их знойным летним днем или весело уворачиваясь прохладным весенним вечером. В такие моменты ее маленький братишка, щеголяя нагишом, гонялся за ней, выпятив живот и молотя в воздухе ручонками, еще не способными двигаться в такт с маленькими ножками. Иногда к ним присоединялся и пес – он лаял так оглушительно и неумолимо, что полностью перекрывал их смех. Акр зеленой, влажной, скользкой травы. Широкий небесный простор с пушистыми облаками. Мать наблюдала за ними в окно и высматривала отца, возвращавшегося домой с работы, запах которой прочно въелся в его костюм – дешевый кофе из салона по продаже автомобилей, новая кожа и резиновые покрышки. Теперь эти воспоминания причиняли боль, хотя она тут же обратилась к ним, когда ее спросили о струях воды и о том, били ли они в тот момент, когда она бежала через лужайку в лес.

Он насиловал ее около часа. То, что они узнали о продолжительности преступления, казалось невозможным. Данные о степени сворачивания крови в местах проникновения, состояние кровоподтеков на спине, руках и шее, когда он заставлял ее изменить позу. В течение этого часа вечеринка продолжалась как ни в чем не бывало. С места, где он повалил ее на землю, она видела лившийся из окон яркий свет, то угасавший, то вспыхивавший, когда тела перемещались из комнаты в комнату. Вечеринку устроили на славу, позвав не только почти весь десятый класс, но и ребят из девятого и одиннадцатого. Фейрвью Хай Скул, даже для пригорода Коннектикута, по всем стандартам была школой маленькой, и деление на классы,

существовавшее в других учебных заведениях, в ней ощущалось не так строго. В спортивных состязаниях, других соревнованиях и концертах принимали участие все – и кто постарше, и кто помладше. Иногда грань и вовсе стиралась, и ребята, наиболее способные к математике или к иностранным языкам, присоединялись к тем, кто пошел в школу на год раньше их. Дженни Крамер никогда не стремилась совершить подобный прыжок через класс, но при этом считала себя сообразительной и наделенной живейшим чувством юмора. К тому же она была прекрасной спортсменкой – плавание, хоккей на траве, теннис. Но при этом совершенно не задумывалась о явлениях, которые так важны для растущего подросткового организма.

Тот вечер обещал стать лучше любого другого. Я думаю, она даже сказала себе: «Это будет самый замечательный момент в моей жизни». После долгих лет пребывания в состоянии «подросткового кокона», как я его называю, она наконец почувствовала, что природа взяла свое. Жесткие брекететы на зубах, детский жирок, упорно не желавший уходить, груди, слишком маленькие для бюстгалтера, но все же предательски торчавшие из-под футболок, угри и непокорные волосы наконец остались в прошлом. Она была «сорванцом», другом и доверенным лицом мальчишек, неизменно интересовавшихся другими девочками. Но никогда ею. Это ее собственные слова, не мои, хотя мне кажется, что для пятнадцатилетнего подростка она описала все довольно точно. Дженни на удивление хорошо знала все свои слабые и сильные стороны. Несмотря на все, что ей, как и всем остальным, вдалбливали в голову родители и учителя, она, подобно большинству своих сверстниц, твердо верила, что для девушки из Фейрвью важнейшим достоинством всегда остается красота. И обладать ею, в конечном счете, было примерно то же самое, что выиграть в лотерею.

Там был тот парень, Дуг Хастингс. Он пригласил ее на вечеринку в понедельник, в школьном коридоре, между уроками химии и европейской истории. Для девушки это приглашение стало чем-то особенным, она запомнила и что в тот момент на нем было, и выражение его лица, и то, что он немного нервничал, хотя и пытался выглядеть безразличным. Всю неделю она только и думала о том, что надеть и какую сделать прическу, а когда в воскресенье утром вышла из дома с матерью, стала прикидывать, лаком какого цвета покрасить ногти. Меня это немного удивило. Исходя из сведений о Дуге Хастингсе, имеющих в моем распоряжении, я от него не в восторге. И полагаю, что в качестве родителя вполне имею право на подобное мнение. Да, ситуация в его семье вызывала чувство сострадания – тяжелый на руку отец и безвольная мать, жалкая в своих попытках

окружить его своей заботой. Но то, что Дженни не сумела его разглядеть, в некоторой степени меня разочаровывает.

На вечеринке было все, чего только можно пожелать. Родители уехали, и ребята, возомнив себя взрослыми, стали смешивать коктейли в фужерах для мартини, а из хрустальных бокалов пить пиво. Дженни увидела Дуга. Но он был не один.

Музыка орала во всю мощь, и она слышала ее с того места, где ее насиловали. Сплошные мегахиты, которые девушка, по ее словам, хорошо знала и слова которых намертво врезаются в память. Но даже сквозь музыку и приглушенный хохот, доносившийся из окон, она слышала другие звуки, звучащие намного ближе – извращенный хрип насильника и свои собственные сдавленные крики.

Когда он закончил и растворился в темноте, она подняла голову. Должно быть, почувствовала дуновение ветра на щеке и осознала, что кожа в этом месте влажная. Некоторые веточки прилипли к лицу, будто ее ткнули в клей, только-только начавший высыхать.

Она оперлась на руку и, видимо, услышала какой-то звук.

Кое-как сумев сесть прямо, девушка попыталась стереть грязь и провела по щеке тыльной стороной ладони. Остатки сухих листьев упали на землю. В этот момент она, вероятно, увидела, что ее юбка задралась, обнажив промежность. Опираясь уже на две руки, она, скорее всего, проползла некоторое расстояние, желая подобрать нижнее белье. Когда ее нашли, она сжимала его в руке.

Звук, по-видимому, нарастал, потому что его наконец услышали парень с девушкой, искавшие уединения неподалеку во дворе. Когда она вновь поползла к лужайке, веточки на земле под весом ее ладоней и коленок стали сухо потрескивать. Я очень хорошо представляю себе, как она ползла, пошатываясь, будто пьяная, как от шока время для нее будто остановилось и как потом наконец она села и попыталась оценить нанесенный ей ущерб, глядя на разорванные трусики и чувствуя обнаженными ягодицами землю.

Трусики были разодраны настолько, что носить их уже было нельзя. Она вся была забрызгана грязью и кровью. Услышанный ею звук нарастал, и она спросила себя, сколько времени провела в лесу.

Вновь встав на четвереньки, девушка поползла дальше. Но с каждым метром, который она преодолевала, звук становился все громче и громче. Должно быть, ей отчаянно хотелось от него убежать, добраться до мягкой травы, покрытой чистой росой, оказаться на той самой лужайке, по которой она шла в лес.

Девушка проползла еще пару футов, опять остановилась и, по-видимому, только в тот момент осознала, что этот звук, тревожный стон, раздается у нее в голове и срывается с ее собственных уст. Усталость затопила все ее естество, ноги и колени под ней подогнулись и она рухнула на землю.

Она рассказывала, что всегда считала себя сильной девочкой, спортсменкой, наделенной огромной волей. Сильной телом и духом. Отец внушал ей это с самого детства, когда она была совсем еще крохотулей. *Стань сильной телом и духом, и тогда жизнь твоя будет прекрасной.* Может, она велела себе подняться. Может, приказывала рукам и ногам двигаться, но здесь воля ее была бессильна, конечности отказались ей повиноваться, и обессиленная девушка, вместо того чтобы вернуться в дом, свернулась в позе зародыша на грязной земле.

По щекам катились слезы, голос вторил им этим жутким воем, который она наконец услышала – услышала и обрела в этом спасение. С той ночи она без устали спрашивала себя, почему ни одна клеточка ее естества, ни мышцы, ни разум, ни воля, не смогли положить конец происходящему. Ей не удавалось вспомнить, пыталась ли она бороться с насильником, кричала ли, звала ли на помощь или же просто сдалась и пустила все на самотек. Пока все не закончилось, ее никто не слышал. По ее словам, теперь она знает, что после каждого сражения всегда есть победитель и побежденный, триумфатор и его жертва, и что ей, в конечном счете, пришлось признать правду – она потерпела полное и безвозвратное поражение.

Впервые услышав историю изнасилования Дженни Крамер, я не мог сказать, что в ней правда, а что нет. Она была воссоздана на основе собранных улик, свидетельств очевидцев, криминально-психологических характеристик и разрозненных, обрывочных сведений, которые смогла предоставить память Дженни после проведенного лечения. Врачи говорят, что оно произвело поистине магический эффект, вытравив из человеческого мозга самую чудовищную травму, хотя на самом деле в нем не было ничего волшебного, как и в науке, которая занимается подобными вопросами – она тоже не особо впечатляет.

Но это я объясню позже. А вот сейчас, в самом начале нашей истории, мне хочется сказать, что никакого чуда для этой прекрасной юной девушки не произошло. То, что с корнем вырвали из ее головы, продолжало жить в теле, в душе, и я чувствовал, что просто обязан вернуть ей отнятое. Вам это может показаться очень странным, парадоксальным и опасным.

Фейрвью, как я уже говорил, городок маленький. Я видел фотографии

Дженни Крамер в местной газете, на объявлениях о школьных спектаклях и турнирах по теннису, вывешенных в витрине «Джайна'з Дели» на улице Ист-Мейн. Узнавал ее, когда она гуляла, когда выходила с друзьями из кинотеатра и появлялась на концертах в школе, в которую ходили и мои собственные дети. Ее окружала аура невинности, идущая вразрез со взрослостью, к которой она так стремилась. Даже в коротеньких юбочках и футболках до пупка, которые сейчас в большой моде, она была девочкой, но никак не женщиной. Глядя на нее, я думал, что в этом мире не все так плохо. С моей стороны было бы нечестно утверждать, что подобные чувства я питал ко всем подросткам, которые, как порой кажется, лишили нашу жизнь порядка, будто стая саранчи. Засевшим в своих телефонах, не проявляющим интереса ни к чему, кроме сплетен о знаменитостях да сиюминутных, мимолетных удовольствий в виде клипов, музыки и саморекламы во всевозможных «Твиттерах», «Инстаграмах» и «Снэпчатах». По своей природе подростки себялюбивы и эгоистичны. Мышление у них незрелое. Но некоторые из них, похоже, в переходном возрасте остаются милыми и приятными, резко выделяясь на общем фоне. Когда вы здороваетесь с ними, они заглядывают вам в глаза, вежливо улыбаются, пропускают вперед только потому, что вы старше, и понимают, какую роль играет уважение в развитом обществе. К таковым принадлежала и Дженни.

От потерянного вида этой девочки, в душе которой когда-то klokотали энергия и радость, я злился на все человечество. Зная, что случилось в том лесу, я с трудом сдерживался, чтобы мысленно не перенестись туда. Ужасы и насилие, в том числе сексуальное, притягивают каждого из нас. Мы притворяемся, что это не так, но подобные наклонности заложены в нас самой природой. Когда на обочине дороги стоит «скорая», водители притормаживают и ползут как черепахи, чтобы бросить взгляд на израненное тело. Что еще не делает нас воплощением зла.

Тело этого замечательного ребенка осквернили, над ним надругались. Лишили целомудрия и сломали дух. В моих устах это звучит как-то театрально. Напоминает заезженные штампы. Но этот человек вторгся в ее естество с такой силой, что потребовалось хирургическое вмешательство. Это надо учесть. Как и то, что он покусился на девочку, по всей видимости, надеясь, что она девственна. Так что он раздавил не только ее тело, но и невинность. Не забудем также о физической боли, которую она испытывала, когда он рвал в клочья самые сокровенные участки ее плоти. А заодно примем во внимание и то, что он искромсал за тот час, когда истязал ее, когда вновь и вновь вторгся в нее, при этом, не исключено,

глядя в глаза. Что выражало ее лицо, доставляя ему радость? Удивление, страх, ужас, агонию, безропотность и, наконец, полнейшую апатию – когда она отключилась от происходящего. Все эти чувства были частичками ее мира, которые монстр отнял и сожрал. Как и мечты о первых объятиях с любимым, об историях пылкой любви, когда-то витавших у нее в голове и заставлявших улыбаться при одной мысли о том, что ее обожают больше всех на свете, ведь даже после проведенного лечения она все равно помнила о том, что произошло. И что ей осталось, этой девочке, превращающейся в женщину? Ведь то самое сокровенное, чем живет человеческое сердце на протяжении всей жизни, для нее было утрачено.

Она помнила резкий запах, хотя и не могла его точно определить. Она помнила песню, хотя та, вероятно, звучала не раз. Помнила события, заставившие ее выйти на улицу через черный ход, пересечь лужайку и углубиться в заросли. Воспоминания о дождевальной установке в памяти не сохранились и вошли в ее рассказ только после того, как история была тщательно воссоздана. Эта установка, управляемая таймером, включалась в девять и выключалась в десять. Двое вышедших на задний двор влюбленных, которые ее нашли, сказали, что трава была мокрой, но в воздухе влаги уже не ощущалось. Значит, ее изнасиловали незадолго до окончания полива.

Дуг в тот момент был с другой девушкой, на несколько лет моложе его, которая использовала его, чтобы вызвать ревность у мальчика постарше. Вряд ли нам стоит тратить силы на объяснение бессодержательной мотивации этой странной особы. Для Дженни была важна лишь неделя фантазий, в которые она вложила все свои девичьи чаяния, но которые в мгновение ока развеялись как дым. Вполне предсказуемо, она попыталась утопить горе в спиртном. Ее лучшая подруга Вайолет вспоминала, что Дженни стала пить водку, но уже через час ее стошнило в ванной комнате. Кое-кому от этого стало весело, но ее подобное поведение лишь еще больше унизило. По всей видимости, для этой вечеринки с самого начала сочинили сценарий «шоу с участием убогой» из числа тех, что в последнее время буквально сводят всех с ума. Хотя то, что произошло потом, когда она убежала в лес, чтобы поплакать, в него не входило.

Я злился. Но просить за это прощения не собираюсь. Требовал, чтобы того, кто это сделал, постигло заслуженное наказание. Но с провалами в памяти, без надежных юридических доказательств, не ограничивающихся исключительно волокнами шерсти под ногтями девушки, потому как это чудовище приняло меры предосторожности, о правосудии речь больше не шла. Фейрвью городок маленький. Да, знаю, это я уже говорил. Но вы

должны понимать, что чужак не поедет сюда специально, чтобы совершить злодеяние. Когда по нашему крохотному центру идет незнакомый человек, все тут же поворачивают в его сторону голову. Не потому, что в чем-то его подозревают, а так, из любопытства – обращаю на это ваше внимание. Кто это? Чей-нибудь родственник? Или, может, новый житель города, приехавший невесть откуда? На праздники и соревнования, на торжества, спортивные состязания и ярмарки к нам приезжают гости. Прибывают из других городов, и мы всегда им рады. В массе своей мы люди дружелюбные и доверчивые. Но в обычную субботу или воскресенье чужаки неизменно привлекают к себе внимание.

Из всего этого напрашивается вполне очевидный вывод: если бы Дженни не подвергли лечению и оставили нетронутой ее память, она вполне могла бы его узнать. Волокна под ногтями ясно указывают на то, что она схватилась за маску. Может, сорвала ее, может, просто приподняла достаточно, чтобы увидеть лицо. Возможно, услышала голос. Или он весь час, когда насиловал ее, молчал как рыба? Маловероятно, правда? Она могла бы сказать, какого он роста, худой или упитанный. Может, у него были старые, морщинистые руки или же кожа на них, наоборот, была молодой и гладкой. Может, она видела у него кольцо, золотую цепочку или эмблему какого-нибудь спортивного клуба. Или заметила, во что он обулся, когда шел на преступление, – в кроссовки, мокасины или грубые ботинки военного образца? Какие они были – поношенные, начищенные, лаковые? Смогла бы она его узнать, стоя у палатки с мороженым, в кофейне или в очереди в школьную столовую? Или, может, почувствовала бы его нутром? Час – достаточно большой промежуток времени для того, чтобы узнать чужое тело.

Не исключено, что желать Дженни Крамер чего-то подобного было бесчеловечно. Упорствуя в своем желании, я, вероятно, проявлял по отношению к ней жестокость. Позже вы увидите, что это привело к весьма неожиданным последствиям. Но несправедливость произошедшего, гнев, который я от этого испытывал в душе, склонность переносить на себя ее страдания – все это заставило меня упорно идти к поставленной цели. И вновь погрузило Дженни Крамер в самый жуткий кошмар.

Глава вторая

Родителей Дженни вызвали на десять тридцать. В тот вечер их пригласили к себе на ужин друзья по загородному клубу. Шарлотта Крамер, мать Дженни, была этим недовольна и злилась, когда они ехали на машине через город. Говорила, что лучше было поужинать в клубе – по словам ее мужа Тома, ей нравилась царившая там атмосфера общения. Коктейли всегда подавали в большой гостиной и независимо от того, в какой компании вы планировали провести вечер, всегда был шанс поговорить с кем-то еще.

Том это заведение недолюбливал и посещал его только для того, чтобы в воскресенье сыграть традиционную партию в гольф со старым приятелем по колледжу и отцами двух участников школьной команды по легкой атлетике, в которую входила и Дженни. Шарлотта, в отличие от него, была очень компанейской и прилагала массу усилий для того, чтобы в следующем сезоне войти в комитет распорядителей фондов клуба. Поэтому каждую субботу, проведенную вне его стен, воспринимала как утраченную возможность. Это был один из многих поводов для разногласий в их семье, поэтому после традиционного обмена комментариями и замечаниями непродолжительная поездка на автомобиле закончилась гробовым молчанием и взаимным раздражением.

Они вспомнили об этом позже. Какими же мелкими показались им те проблемы после бесчеловечного изнасилования дочери!

Одна из прелестей маленького городка заключается в том, что люди на ходу меняют правила, если считают это уместным. Призрак страха перед необоснованным порицанием и даже осуждением здесь не нависает такой мрачной тучей, как в городах покрупнее. Поэтому детектив Парсонс, позвонив Крамерам, не сообщил им, что случилось, а сказал лишь, что Дженни, напившуюся на вечеринке, отвезли в больницу. И тут же успокоил их, сказав, что жизни девушки ничто не угрожает. Том потом был благодарен за то, что их избавили от мучительной агонии в течение тех нескольких минут, когда они ехали после ужина в больницу. После того, как они узнали о несчастье, каждая минута для отца Дженни превратилась в невыносимую муку.

Шарлотта, в отличие от него, не испытывала в душе такой благодарности и после всех недомолвок разозлилась на нерадение дочери. О случившемся тут же узнает весь город! Что подумают об их семье?! По

дороге в больницу они обсуждали, как наказать Дженни – посадить ее под домашний арест или же отнять телефон. Когда они узнали правду, в душе Шарлотты, как водится, пробудилось чувство вины, в результате тот факт, что им с самого начала не сказали всего, вызвал в ее душе бурю негодования. Но это вполне объяснимо, особенно когда человеку сначала дают повод злиться на ребенка, а потом вдруг сообщают, что он стал жертвой столь чудовищной агрессии. Но в этом деле я, скорее, отождествлял себя с Томом. Может, потому что и сам являюсь отцом, а не матерью.

Когда они приехали, в холле никого не было. В последние несколько лет в больнице на собранные средства велся ремонт, и его результаты, в глазах многих не столько основательные, сколько косметические, были налицо. Деревянные панели на стенах, новый ковер, мягкий свет и классическая музыка, лившаяся из скромно висевших по углам беспроводных динамиков. Шарлотта тут же «гневно ринулась» (по выражению Тома) к дежурной медсестре. Том тоже подошел и встал рядом. Затем закрыл глаза и подождал, пока музыка не утихомирила бушующую кровь. Он боялся, что Шарлотта поведет себя слишком грубо, и поэтому хотел немного ее урезонить. Дженни нуждалась в сне и отдыхе, ей обязательно нужно было знать, что папа с мамой ее по-прежнему любят и что с ней все будет в порядке. Последствия подождут до тех пор, пока они оба не протрезвеют и в головах у них не прояснится.

Крамеры прекрасно знали свои роли в семье. Приучать дочь к дисциплине было делом Шарлотты. Что же касается их сына, то здесь амплуа менялись местами в силу как возраста, так и пола. Том описывал подобную схему как нечто совершенно обычное – так должно быть, на сходных принципах строится каждая семья. И теоретически был прав. Человеку всегда приходится играть ту или иную роль, рушить одни союзы и создавать другие, прикидываться то хорошим полицейским, то плохим. Однако в случае с Крамерами все естественные приливы и отливы отступали перед требованиями Шарлотты, в то время как остальным доставалось лишь то, что она не объявляла сферой своих исключительных интересов. Иными словами, «нормальность», которую Том так старательно приписывал их семье, на самом деле была абсолютно ненормальной и напроць лишенной состоятельности.

Открывая дверь, ведущую в палаты, медсестра сочувственно им улыбнулась. Крамеры ее не знали, но то же самое относилось почти ко всему младшему персоналу больницы. Низкооплачиваемые медицинские работники редко жили в Фейрвью и по большей части приезжали на работу

из соседнего Крэнстона. Ее улыбка Тому запомнилась. Она стала первым намеком на то, что с дочерью произошло несчастье пострашнее, чем их до этого уверяли. Люди склонны недооценивать скрытые послы в мимолетных выражениях лица. Ну подумайте о том, как бы вы улыбались другу, чей несовершеннолетний ребенок напился в стельку. Сочувствие, которое сквозило бы в вашей мимике, имело бы скорее комичный характер. «С подростками так тяжело, порой они бывают просто невыносимы. Достаточно вспомнить, какие мы сами были в этом возрасте!» – говорила бы она. А теперь поразмыслите о том, как бы вы улыбались, если бы подросток подвергся жестокой агрессии. Все ваше естество наверняка говорило бы: «Боже праведный! Я так вам сочувствую! Бедная девочка!» Это присутствовало бы в глазах, в пожимании плечами, в изгибе губ. Увидев улыбку медсестры, Том тут же забыл о жене, которую до этого все пытался утихомирить, и захотел немедленно увидеть дочь.

Миновав череду бронированных дверей, они оказались в приемном покое и подошли к другой круглой стойке с компьютерами, где медсестры вели документацию. Там их встретила другая женщина и другая встревоженная улыбка. Она сняла телефонную трубку и позвонила доктору.

Вполне могу себе представить их в тот момент. Шарлотта в бежевом платье для коктейлей с волосами, аккуратно заколотыми шпильками в пучок, и сложенными на груди руками, рисуется и злится. Как на Дженни, так и на персонал, который, по ее мнению, осуждает дочь и перебивает ей кости. И Том, на полфута выше жены, переминается с ноги на ногу, засунув руки в карманы брюк цвета хаки, все больше и больше нервничает по мере того, как его инстинкты льют воду на мельницу проносящихся в голове мимолетных мыслей. Потом они оба сойдутся во мнении, что те несколько минут, когда они ждали врача, показались им долгими часами.

Будучи женщиной восприимчивой и ранимой, Шарлотта сразу засекала трех полицейских, потягивавших в углу кофе из бумажных стаканчиков. Они говорили с медсестрой, повернувшись к Крамерам спиной. Потом сестра увидела Шарлотту, послышался шепот, они повернулись и взглянули на нее. Том смотрел в другую сторону, но и от него не ускользнуло повышенное внимание, которое они к себе привлекали.

Ни один из них впоследствии не помнил, какие конкретно слова произнес врач. Шарлотта наверняка быстро констатировала, что они знакомы – дочь доктора училась в той же начальной школе, что и Лукас, только на класс младше, поэтому теперь ее все больше и больше волновала запятнанная репутация Дженни и то, как случившееся отразится на их сыне. Доктор Роберт Бейрд. Под сорок. Тучный, с жидкими светло-

каштановыми волосами и добрыми голубыми глазами, сужавшимися в щелочки когда он произносил определенные слова, от которых щеки его поднимались вверх. И Шарлотте, и Тому запомнились какие-то обрывки фраз, когда он стал говорить о травмах.

Внешние повреждения промежности и ануса... разрывы тканей в области влагалища и прямой кишки... кровоподтеки на шее и спине... хирургическое вмешательство... швы... улучшение состояния.

Слова вылетали из его рта и парили где-то рядом, будто произнесенные на иностранном языке. Шарлотта качала головой и с безразличным видом твердила «нет». Она решила, что их спутали с родителями какой-то другой пациентки, и пыталась остановить доктора, стараясь уберечь его от последующего смущения и замешательства. Женщина еще раз себя назвала и сказала, что ее дочь привезли в больницу только потому, что она «перебрала» на вечеринке. Том потом вспоминал, что в тот момент хранил молчание, будто полное отсутствие звуков с его стороны позволяло остановить время перед тем, как оно двинется дальше по пути, который он уже разглядел.

Доктор Бейрд умолк и бросил взгляд в сторону полицейских. Один из них, детектив Парсонс, направился к ним – медленно и с явной неохотой. Том с Шарлоттой отошли в сторонку. Парсонс заговорил с Бейрдом. Доктор покачал головой и посмотрел на свои черные туфли. Затем вздохнул. Парсонс пожал плечами с таким видом, будто за что-то извинялся.

Потом Бейрд повернулся, подошел к Крамерам и, сложив на груди руки, будто в молитве, сказал всю правду – сжато и без обиняков.

Вашу дочь нашли в лесу за домом на Джанипер Роуд. Ее изнасиловали.

Доктор Бейрд запомнил звук, который в тот момент издал Том Крамер. Не слово, не стон, не сдавленный крик – что-то такое, чего он раньше никогда не слышал. Он звучал отголоском могилы, будто какая-то частичка естества Тома умерла насильственной смертью. Колени у него подогнулись, он стал заваливаться на Бейрда, но тот подхватил его под руки и не дал упасть. На помощь тут же бросилась медсестра, предложила Тому сесть в кресло, но он отказался.

Где она? Где моя девочка? – спросил он, оттолкнув от себя доктора. Потом рванулся к занавескам палат приемного отделения, но сестра схватила его сзади и непустила.

Ваша девочка там, – сказала она. – С ней все будет в порядке... она спит.

Они подошли к палате, и сестра отдернула занавеску.

Поскольку у нас тоже есть дочь – наш первенец, ее зовут Меган,

сейчас она уехала и учится в колледже, – жена как-то призналась мне, что не раз примеряла на себя подобные ситуации. Когда увидела, как Меган впервые выехала со двора за рулем нашей машины. Когда она уехала в Африку по программе летнего отдыха. Когда мы застали ее взбирающейся на высокое дерево, что теперь кажется нам событием далекого-далекого прошлого. И таких примеров можно было бы привести великое множество. Жена закрывала глаза, в ее воображении рисовались то груды искореженного металла вперемешку с изуродованными человеческими останками, то вождь дикого, воинственного племени с мачете в руке, перед которым наша дочь, рыдая, стоит на коленях. Или безжизненное тело со свернутой шеей, лежащее на траве. Родители живут со страхом в душе, и то, как мы с этим страхом справляемся, как перебарываем его, зависит от слишком большого количества факторов, перечислять которые здесь нет никакой нужды. Моя жена вынуждена проходить через все это, видеть перед глазами подобные образы и испытывать в душе боль. Затем она складывает все это в коробочку, ставит на полку, а когда ее неотступно начинает одолевать беспокойство, смотрит на коробочку, пропускает тревогу через себя, не позволяя ей поселиться в глубинах ее естества, и продолжает радоваться жизни.

Она описывала мне подобные образы, иногда немного всплакнув у меня на груди. В основе каждого ее рассказа неизменно лежало тесное соседство чистоты и порочности, добра и зла, и это постоянство меня в немалой степени интриговало, потому как что может быть чище и прекраснее ребенка?

В палате Том Крамер взглянул на дочь и увидел то, что моя жена только рисовала в своем воображении. Небольшие косички, стянутые резинками, разбитое в кровь лицо. Потeki черной туши на щеках, все еще пухлых, как у ребенка. Розовый лак на сломанных ногтях. Одинокaя серьга в ухе с камешком, соответствующим ее знаку зодиака, вторая мочка порвана и окровавлена. Эти серьги он купил дочери на день рождения. Вокруг – металлические столы с инструментами и пропитанными кровью тампонами. Врачи еще не довели свое дело до конца, поэтому в палате пока не убрано. Рядом с Дженни на стуле сидит женщина в белом халате и меряет ей давление. У нее стетоскоп, она достаивает их лишь мимолетным взглядом и тут же возвращается к шкале тонометра на гибком резиновом шланге. В углу, стараясь никому не мешать, стоит женщина-полицейский, в руках у нее открытый ноутбук.

Подобно тому, как на пороге смерти «перед глазами человека проходит вся жизнь», Том вдруг увидел Дженни новорожденной, завернутой в

розовое одеяло. Вновь ощутил теплое дыхание на шее, когда она засыпала у него на руках, почувствовал крохотную ручку в своей ладони и тельце, крепко обнимавшее его за коленку. Услышал радостное хихиканье, доносящееся из пухлого, мягкого животика. Его отношения с дочерью не были омрачены подводными камнями неправильного поведения. Это, скорее, был удел Шарлотты Крамер, и в этом отношении, должен заметить, она, сама того не сознавая, сделала им обоим подарок.

Ярость и гнев к насильнику пришли, но не в тот момент, а позже. В ту минуту Том видел, слышал и чувствовал только одно – собственную неспособность защитить свою маленькую девочку. Отчаяние его не поддается ни измерению, ни сколько-нибудь адекватному описанию. Он расплакался как ребенок – рядом с медсестрой, рядом с дочерью, безжизненно лежащей на кровати.

Шарлотта Крамер стояла за его спиной вместе с доктором. Каким бы шокирующим это вам ни показалось, но изнасилование дочери она воспринимала как проблему, которую нужно как-то решать. Для нее оно было чем-то вроде лопнувшей трубы, грозившей затоплением подвала. Или даже пожара, после которого дом сгорел дотла, но они выжили и теперь стояли посреди развалин. Причем последний момент, то, что они выжили, в этой истории был ключевым. И мысли ее постоянно обращались к вопросу строительства нового дома взамен старого.

Шарлотта скрестила на груди руки и посмотрела на доктора Бейрда.

Как это произошло? – спросила она.

Врач на мгновение застыл в нерешительности, не понимая, что она имеет в виду.

От Шарлотты его замешательство не ускользнуло.

Кто это сделал? Какой-нибудь мальчишка, присутствовавший на вечеринке и потерявший голову? Вы же знаете, как это бывает.

Бейрд покачал головой.

Мне об этом ничего не известно. Спросите детектива Парсонса, он, должно быть, знает больше меня.

Шарлотта огорчилась.

Я имею в виду результаты обследования. Вы сделали соответствующие анализы?

Да. Этого от нас требует закон.

Может, нашли что-нибудь особенное?

Миссис Крамер, – сказал Бейрд, – давайте вы сначала взглянете на Дженни, а потом мы с вами и вашим мужем обсудим это в более спокойной обстановке.

Шарлотте его предложение не понравилось, но она все же сделала так, как он просил. Ее нельзя назвать трудным человеком, и если в моем повествовании я описываю ее иначе, то категорично заявляю, что делаю это непреднамеренно. К Шарлотте Крамер я питаю огромное уважение. У нее была непростая жизнь, в детстве она тоже получила травму, но оправилась после нее удивительно легко, что нашло отражение в силе духа и ее характере. Думаю, она на самом деле любила мужа, даже когда изводила его и мучила. И любила детей, причем одинаково, даже если и поднимала выше планку для Дженни. Но ведь любовь – категория искусства, а не науки. Каждый из нас может описывать ее разными словами и по-разному ощущать внутри своего естества. Одних она заставляет плакать, других смеяться. Одни от нее печалются, другие злятся. Одних она будоражит, другим приносит удовлетворение и убаюкивает.

Шарлотта воспринимала любовь через некую призму. Объяснить это так, чтобы мои слова не звучали осуждающе и чтобы вы не прониклись к ней неприязнью, очень трудно. Но Шарлотта отчаянно нуждалась в модели, вынесенной из детства, – в традиционной (полагаю, она даже сказала бы «скучной») американской семье. Она любила свой город, потому что в нем жили люди, работающие не покладая рук, разделяющие ее воззрения и исповедующие высокие моральные принципы. Любила свой дом, потому что он воплощал в себе Новую Англию в тихом, спокойном окружении. Ей нравилось быть замужем за Томом по той простой причине, что он был человек семейный и имел хорошую, хотя и не выдающуюся работу, ведь если человек занимается чем-то исключительным, то ему уже не до семьи. Том руководил несколькими автосалонами и, что важно, продавал такие престижные марки, как «БМВ», «Ягуар» и им подобные. Мне говорили, что это совсем другое дело, чем «торговлишка» какими-нибудь завалящими «Хендэ». О том, любила ли бы Тома Шарлотта без всего этого, не ведали ни он, ни она. Она любила Дженни и Лукаса, потому что они были ее детьми, а еще потому, что воплощали собой все, что только должны воплощать дети. Сообразительные, спортивные и послушные (по большей части), но также шумные, озорные, глупые, неустанно требующие упорного труда и массы усилий, что позволяло Шарлотте с пользой проводить время, да еще часами обсуждать поведение сына и дочери с подругами по клубу за ланчем. Каждый фрагмент этой картинки она любила страстно и глубоко. Поэтому когда Дженни «сломалась», она отчаянно бросилась ее «чинить». Как я уже говорил, ей хотелось как можно быстрее построить новый дом.

Привезя Дженни в отделение «скорой помощи», ее тут же напичкали успокоительными. Ребята, которые ее нашли, говорили, что она то теряла

сознание, то вновь приходила в себя, хотя это, скорее всего, было результатом не столько опьянения, сколько шока. Глаза ее оставались открытыми, она могла сидеть и даже дошла через лужайку до кресла в гостиной почти без посторонней помощи. По их словам, порой она узнавала их, понимала, где находится и что с ней случилось, но уже несколько секунд спустя совершенно не могла ответить на их вопросы. Кататония. Дженни позвала на помощь. Стала плакать и кричать. Затем побелела как мел. О тех же симптомах говорили и врачи «неотложки», но давать человеку успокоительные не в их правилах. Истерика охватила Дженни уже в больнице, когда ее начали осматривать. Чтобы облегчить ее страдания, доктор Бейрд сделал назначение. Крови было вполне достаточно, чтобы персонал встревожился и прибегнул к использованию седативных препаратов для проведения обследования пациентки без чьего-либо согласия.

Несмотря на напускное спокойствие Шарлотты, вид дочери поразил ее до глубины души. По сути, у меня было такое ощущение, что в первый момент она испытала примерно те же чувства, что и Том. Хотя они почти не прикасались друг к другу за пределами спальни (а там только чтобы выполнить рутинный супружеский долг), она обеими руками схватила Тома за предплечье. Затем спрятала лицо в рукав его рубашки и прошептала: «О боже!» Плакать Шарлотта не стала, но Том чувствовал, как ее ногти все сильнее впивались в его кожу по мере того, как она старалась овладеть собой. Женщина попыталась проглотить застрявший в горле ком, но вдруг обнаружила, что во рту у нее совершенно пересохло.

Детектив Парсонс наблюдал за ними из-за занавески. Он запомнил их черты в тот момент, когда они глядели на дочь. Лицо Тома исказилось и было мокрым от слез, на нем явственно читалась агония. Шарлотта, на какое-то время потерявшая самообладание, теперь выглядела решительной. Парсонс назвал ее гримасу «одеревеневшей верхней губой». Потом он говорил, что чувствовал себя не в своей тарелке, глядя на них в тот глубоко сокровенный момент, хотя взгляда все равно не отвел. Рассказывал, что слабость Тома и сила Шарлотты произвели на него неизгладимое впечатление, хотя любой другой, отличающийся не столь примитивными представлениями о человеческих эмоциях, тут же понял бы, что все было как раз наоборот. Чтобы выразить эмоцию, нужно намного больше сил, чем для того, чтобы ее подавить.

Доктор Бейрд стоял рядом с ними и вчитывался в карту, прикрепленную металлическим зажимом к спинке кровати Дженни.

Может, поговорим в комнате для родственников и близких? –

предложил он.

Том кивнул и вытер слезы. Затем склонился над дочерью и поцеловал ее в макушку. Из его груди вырвалось еще несколько сдавленных рыданий. Шарлотта отбросила с лица Дженни непокорную прядку волос и погладила по щеке тыльной стороной ладони.

Милый мой ангелочек... милый, славный мой ангелочек... – прошептала она.

Вслед за доктором Бейрдом и детективом Парсонсом они направились к веренице закрытых дверей. За ними оказался еще один коридор, который привел их в небольшую комнату с телевизором и кое-какой мебелью. Бейрд спросил, не принести ли Крамерам кофе или что-нибудь поесть, но те отказались. Бейрд закрыл дверь. Парсонс сел рядом с ним – напротив четы Крамеров.

Теперь приведем слова Шарлотты о том, что произошло дальше:

Они не ходили вокруг да около и устроили нам форменный допрос. Интересовались друзьями Дженни, спрашивали, знали ли мы о предстоящей вечеринке, не было ли у нее проблем с какими-нибудь мальчиками, не упоминала ли она о том, чтобы ее кто-то донимал в школе, в городе или же в социальных сетях. Том отвечал будто в тумане, мне казалось, что он никак не может понять, что мы просто избегаем того, что должны обсуждать. Я не говорю, что эти вопросы были не к месту или что мы не должны были на них отвечать. Но я смертельно устала и была на грани отчаяния, понимаете? И хотела, чтобы мне самой кто-нибудь что-то рассказал. Я прилагала невероятные усилия для того, чтобы Том «оставался мужчиной», потому как знаю свою склонность все держать под контролем. Ни один человек не станет жаловаться, когда в доме царит идеальный порядок, когда в холодильнике есть все необходимое, когда одежда выстирана, выглажена и разложена в шкафу. В то же время... я действительно стараюсь, потому что знаю насколько важно для мужчины оставаться в браке мужчиной. Но в тот раз с собой не совладала. Просто не смогла.

Я их перебила, всех этих мужчин, и сказала: «Кому-то из вас придется рассказать, что случилось с нашей дочерью». Доктор Бейрд и детектив переглянулись с таким видом, будто ни один из них не хотел быть первым. Жребий достался врачу. И тогда он рассказал нам все. Рассказал, как она была изнасилована. Совсем не то, на что я надеялась. Насильником был отнюдь не мальчик, в которого Дженни была влюблена и который потерял голову. Боже мой, я прекрасно понимаю, как мерзко это звучит. Феминистки за что-нибудь подобное оторвали бы мне голову, да?

Я отнюдь не хочу сказать, что подобное преступление не является изнасилованием или что за него не надо наказывать. Поверьте мне, Лукас, когда подрастет, убедится, в какой ситуации можно оказаться, если парень не уверен, что девушка согласна. Я действительно считаю, что мужчины несут ответственность и должны понимать, что когда дело доходит до секса, они с женщинами находятся в неравных условиях. И не только по причине физиологических различий. Здесь также задействована и психика – тот факт, что на девушек оказывают давление, заставляя делать то, чего они не хотят, а парни, мужчины, плохо понимают, через что женщине приходится проходить. Как бы там ни было, это было совсем не то, на что я надеялась. По сути, случилось то, чего я больше всего боялась. Об этом рассказал детектив Парсонс. На насильнике была маска. Он сбил Дженни с ног и прижал к земле лицом вниз. А потом... Простите. Мне трудно произнести это вслух. Слова звучат у меня в голове, но вымолвить их – совсем другое дело.

Шарлотта на мгновение умолкла, чтобы собраться с мыслями. У нее был собственный метод, которым она неизменно пользовалась. Закрывать глаза, медленно сделать глубокий вдох, тряхнуть головой и так же медленно выдохнуть. Вновь открыв глаза, она сначала посмотрела вниз, затем кивнула в знак того, что полностью овладела собой.

Я просто скажу все как есть, и на том покончим. Ее насиловали и спереди, и сзади, обычным и извращенным способом в течение часа. Да. Я это произнесла. Дело сделано. Врачи провели все необходимые анализы, обнаружив следы спермицида и латекса. Этот... эта тварь использовала презерватив. Не нашли ни единого волоска, и судебные эксперты, прибывшие позже из Крэнстона, сказали, что он, скорее всего, предварительно все себе выбрил. Представляете? К этому изнасилованию он готовился, как пловец к Олимпийским играм. Но золотой медали ему не видать, правда? Физические раны затянутся, не оставив после себя ни малейших следов. Дженни, по ощущениям, даже не будет отличаться от других женщин. А вот эмоционально...

Она вновь умолкла, на этот раз не столько, чтобы овладеть собой, сколько чтобы немного подумать. Потом голосом, в котором отчетливо слышалось пренебрежение, продолжила:

Я помню, что подумала: «Слава тебе, Господи, что моей девочке обеспечили надлежащий уход. Все, что он с ней сделал, нашими стараниями пройдет без следа». Поэтому прошу прощения за бедность речи, но мысль, которая тогда пришла мне в голову, можно выразить так: «Да пошел он!» Для нас его больше нет.

Глава третья

Шарлотта и Том не пришли к общему мнению касательно лечения Дженни. Верх в этой битве одержала Шарлотта.

Медицинское сообщество до сих пор изучает проблемы формирования и сохранения памяти. Исследования в этой области набирают обороты, то и дело возникают новые направления. Человеческий мозг обладает долгосрочной и краткосрочной памятью, он способен сохранять воспоминания и извлекать их из ячеек, в которых они хранятся, причем процесс этот, по мнению ученых, значительно масштабнее, чем предполагалось ранее. Давайте не забывать, что в течение нескольких десятилетий нейробиологи полагали, что воспоминания хранятся не в самих клетках головного мозга, а в синапсах, которые их соединяют. Теперь это утверждение опровергнуто, и на сегодняшний день принято считать, что история человека хранится в нейронах. Кроме того, мы обнаружили, что память нельзя называть статичной. По сути, воспоминания претерпевают изменения каждый раз, когда человек извлекает их из хранилища.

Метод лечения, целью которого является частичная антероградная амнезия, лишаящая человека воспоминаний о травмирующих событиях, был разработан в результате целой серии экспериментов как на животных, так и на людях, осуществлявшихся в течение многих лет в самых разных условиях. Первоначально для этих целей стали использовать морфин. В самом начале 1950-х годов врачи обратили внимание на тот факт, что при назначении на ранних стадиях морфина в больших дозах симптомы посттравматического стрессового расстройства идут на убыль. Это открытие носило случайный характер – морфин назначался детям, ставшим жертвами пожара и получившим ожоги, исключительно с целью облегчить их страдания. Пациенты, получавшие большие дозы морфина сразу после пожара, демонстрировали значительное снижение симптомов ПТСР по сравнению с теми, кому этот препарат назначался в малых дозах либо не назначался вообще. В 2010 году был составлен официальный документ, описывающий благотворное влияние морфина на детей, получивших ожоги. Этот препарат, наряду с другими наркотическими веществами, в течение долгого времени использовался для лечения военнослужащих в полевых условиях, и ученые, исследовавшие взаимосвязь между травмирующим событием, морфином и ПТСР, установили, что это

лекарство, если назначать его сразу после ранения, способно в значительной степени снижать симптомы ПТСР в случае как с мужчинами, так и с женщинами.

И вот почему: каждую секунду, когда человек бодрствует, он что-то испытывает – видит, слышит и чувствует. Мозг обрабатывает эту информацию и сохраняет в памяти. Данный процесс называется консолидацией памяти. Каждое фактическое событие содержит в себе определенную эмоциональную составляющую, приводящую в действие определенные химические соединения мозга, которые заносят воспоминания об этом событии в соответствующую, с позволения сказать, «ячейку». Все, что происходит впоследствии, их отнюдь не замещает, поэтому их можно без труда извлечь. Менее значимые события, например воспоминания о том, что мы готовили на ужин в четверг, могут быть отправлены в какой-нибудь архив. Со временем они могут быть вытеснены другими «архивированными» воспоминаниями, и воскресить их в ряде случаев уже будет нельзя. Они даже могут отправиться непосредственно в корзину. Некоторые исследователи полагают, что морфин снижает эмоциональную реакцию на событие за счет блокировки норадреналина, в результате чего оно из категории «значимого» тут же низводится до уровня «архивированного». Это первый компонент лечения.

Идем дальше. Поскольку сохранение воспоминаний о событиях требует взаимодействия различных химических соединений в мозгу, можно наблюдать, как этот процесс может быть нарушен воздействием на эти соединения в тот момент, когда мозг пытается сохранить в ячейке соответствующую информацию. Именно поэтому бурно проведенная ночь с обилием алкоголя приводит к «отключке». По той же причине такие препараты, как «Рогипнол», получивший прозвище «наркотика изнасилования», позволяют человеку жить нормальной жизнью и совершенно не помнить о событиях, произошедших в тот момент, когда это вещество находилось в его организме. Микроклеточный «персонал» мозга, ответственный за воспоминания, в этом случае устраивает себе обеденный перерыв. Ничего не сохраняется, события для человека теряются, будто их никогда не было вообще. Но это относится лишь к фазе кратковременной памяти. Вторая часть лечения подразумевает использование революционного препарата, призванного устраивать подобные «обеденные перерывы» во время консолидации долгосрочной памяти – за счет подавления необходимых протеинов на этом этапе он блокирует синапсы и таким образом позволяет человеку избавиться от краткосрочных воспоминаний. Называется он «Бензатрал».

В случае с травмой наибольшую сложность представляет хронометраж. Строго определенного промежутка времени между консолидацией краткосрочной и долгосрочной памяти попросту не существует. Каждый тип памяти подразумевает обращение к своему участку мозга в зависимости от характера события. Что это было – вздох, звук, ощущение? Музыка, математическая формула или встреча с незнакомым человеком? Когда человек получает травму, его мозг работает, сохраняя воспоминания. Поэтому лечение нужно начинать в последующие несколько часов, хотя даже в этом случае его стопроцентная эффективность не гарантирована, если события успели записаться в долгосрочной памяти.

Дженни в этом отношении оказалась в наилучших условиях. Когда ее начали насиловать, она пребывала в состоянии сильного алкогольного опьянения, а потом тут же впала в шоковое состояние. В течение получаса после этого ее напичкали успокоительными, а в последующие два часа начали лечение. Когда спустя двенадцать часов девушка проснулась, в голове у нее остались лишь смутные, обрывочные воспоминания, о которых я уже говорил.

Том Крамер тоже запомнил разговор в комнате для родственников и близких. Я не в состоянии воспроизвести эмоции, охватившие его, когда он об этом рассказывал, поэтому ограничусь лишь тем, что приведу его слова и добавлю, что он при этом не плакал. Полагаю, что к этому моменту у него просто не осталось слез.

Что точно мне говорили, я не помню. В моих ушах снова и снова звучало одно и то же слово – «изнасилование». Могу сказать, что это было грубое, безжалостное нападение. Что подозреваемых у полиции не было. Что насильник соблюдал осторожность, воспользовался презервативом и, по всей видимости, сбрил со своего тела волосяной покров. Они решили, и позже этот вывод подтвердили судебные следователи, что на нем была черная шерстяная маска, полностью закрывающая голову и лицо, наподобие тех, которые носят лыжники. По словам полицейских, он издевался над ней в течение часа. Я заиклился на этой мысли, думая об этом больше, чем следовало. Когда через восемь месяцев после беды Дженни вновь попала в больницу и мне стало ясно, что изнасилование не прошло бесследно, я вернулся домой и лег на пол лицом вниз, придав телу позу, в которой, как мне сказали, издевались над ней. И пролежал так в течение часа. Для пыток один час – это очень долго, намного дольше, чем можно себе представить. Это я вам гарантирую.

Как бы там ни было, ей назначили лечение. Мне объяснили механику процесса. Сказали, какие лекарства ей пропишут. Как Дженни примерно

на сутки впадет в некое подобие комы, а потом, если повезет, обо всем забудет. Но если даже нет, то мучительные симптомы ПТСР, по меньшей мере, пойдут на убыль – это врачи утверждали наверняка. Мне сказали, что симптомы ПТСР подрывают здоровье и для их лечения могут понадобиться долгие годы. Доктор Бейрд спросил, не хотим ли мы побеседовать с психиатром, чтобы он объяснил нам механизм лечения, а заодно рассказал, какой будет жизнь Дженни, если мы на него не согласимся. А потом добавил, что каждая минута промедления снижает его эффективность.

Глаза Шарлотты расширились так, что чуть не вылезали из орбит. «Да! – сказала она, даже не взглянув в мою сторону. – Приступайте! Чего вы тянете?» Затем вскочила на ноги и указала на дверь, будто они оба должны были тут же броситься вон из комнаты выполнять ее приказ. Но я схватил ее за руку. Я, может, и не самый умный, но для меня ее слова прозвучали как-то неправильно. Если Дженни все забудет, то как мы сможем найти эту сволочь? Как сможем засадить его за решетку, где он получит все, чего заслуживает? Детектив Парсонс кивнул головой и устался в пол, будто точно знал, что я сейчас скажу. Затем наконец признал, что это будет очень и очень трудно. Даже если после лечения у нее и сохранятся какие-то воспоминания, все ее показания в суде будут оспариваться как не заслуживающие доверия. Ну разумеется, разве я спорю? То есть я хочу сказать приступайте. Все кончено. Послушайте, я совсем не говорю, что больше желал наказания этому парню, чем выздоровления собственной дочери. Но если мать считала, что для исцеления нужно все забыть и сделать вид, будто ничего не произошло, я полагал, что ради этого лучше взглянуть в лицо дьяволу, понимаете? Посмотреть ему прямо в глаза и взять обратно то, что он отнял. В конечном счете я оказался прав, не так ли? Боже правый, как бы я хотел, чтобы это было не так! Но я оказался прав.

Тогда я задал ему следующий вполне логичный вопрос: «Если вы чувствовали свою силу, то почему согласились?»

Том на несколько секунд задумался. Думаю, он задавал себе тот же самый вопрос тысячу раз, но до этого его просто не вынуждали отвечать на него вслух. Когда же ему все же пришлось это сделать, он побледнел и посмотрел на меня так, будто и без того все понятно. Том так и не осознал, что динамика отношений в их браке была вполне очевидной – или нормальной, коли на то пошло.

Потому что если бы я ошибся и Дженни с этим бы не справилась, во всем обвинили бы меня. Почему я согласился? Потому что был трусом.

Глава четвертая

Что я пока обошел вниманием, так это странный порез на спине Дженни. До последнего времени он для нашей истории были не важен, но теперь я считаю своим долгом рассказать о нем перед тем, как двигаться дальше. В ту ночь, когда была изнасилована Дженни, все происходило очень быстро. Через час после того, как ее нашли, она уже была в больнице. Там ее накачали успокоительными. Буквально через полчаса приехали родители, и их тут же поставили перед необходимостью принимать решение относительно лечения. Вливать лекарства должен был психиатр – через капельницу, иголку которой медсестра воткнула в тыльную сторону ладони. Пришлось подготовить и подписать целый ряд бумаг, гарантирующих, что лечение будет оплачено, потому как данный случай страховкой не покрывался. Наконец, девочку стали готовить к хирургическому вмешательству и тщательному обследованию судебными экспертами.

Том оставался с дочерью до тех пор, пока ее не увезли в операционную. Потом он рассказывал, что в тот момент у него было ощущение, будто она оказалась на заводском конвейере. Подобное производство он видел несколько раз в Детройте, когда еще торговал «Фордами». Металлические детали, гайки и болты, пластмасса и резина, компьютерные чипы и тысячи рабочих, руки которых не знают покоя и собирают все это в одно целое. Этот образ возник у него в голове, когда он смотрел, как пять человек работали с ее телом, каждый на своем участке, в то время как мозг пребывал под действием лекарств, заставлявших Дженни спать, – возник и глубоко встревожил, как и собственное благоговейное поведение. Тому хотелось схватить ее, поднять с каталки, замахнуться кулаком и приказать всем оставить ее в покое. Но ничего такого он, конечно, не сделал.

Мне не хотелось бы лишний раз говорить о том, насколько родители Дженни были разными, но Шарлотте в тот момент очень хотелось последовать примеру дочери, впасть в забытие, уснуть и напрочь забыть о случившемся. Она не стала наблюдать, как профессионалы делают свое дело, а вернулась вместо этого домой, отпустила няню, выпила снотворное, подоткнула одеяльце на кровати спящего Лукаса и свернулась калачиком на диванчике в нескольких футах от него. А затем прислушивалась к его дыханию до тех пор, пока ее не сморил сон. Позже я узнал, что она делала

так часто – чтобы не спать в одной постели с Томом.

Когда разрывы половых органов и прямой кишки Дженни были зашиты, ее отвезли в палату интенсивной терапии. После этого доктор Бейрд, вместо того чтобы лечь спать, отправился посмотреть, как там Том. Вскоре к нему присоединился и детектив Парсонс. Именно в этот момент отец девочки впервые услышал о странном порезе у нее на спине. Детектив Парсонс потом объяснял:

Мы получили предварительные результаты обследования, проведенного судебными экспертами. Они взяли образцы жидкостей и волосков, чтобы подвергнуть их тщательному анализу, хотя, как мы знаем сегодня, впоследствии ничего так и не было обнаружено. Во время осмотра был найден странный порез. Он очень отличался от обычного, в первую очередь своей глубиной. Длиной всего в дюйм, но чтобы зашить его, пришлось наложить семнадцать швов. Поначалу его никто даже не заметил, потому что тело Дженни покрывала грязь и на нем было множество царапин, но когда ее помыли, то сразу обратили на него внимание. Он один продолжал кровоточить. Бригада, обследовавшая заросли, где Дженни подверглась нападению, обнаружила небольшую палку, с одного конца заточенную ножом, подобно дротику. Длиной около фута. Следов кожи, кроме той, что принадлежала Дженни, на ней найдено не было, но эксперты выявили волокна, впоследствии оказавшиеся неопреном. Из такого материала изготавливают спортивные перчатки. Эксперты решили, что эту палочку насильник использовал в качестве стамески для резьбы – только не по дереву, а по коже.

Детектив Парсонс – молодой мужчина, ему тридцать один год, что объясняет бесцеремонность, с которой он сообщил Крамерам о Дженни в ту самую ночь, когда ее изнасиловали. Молодость неразрывно связана с неспособностью предвидеть последствия принимаемых решений. Один из величайших недостатков нашего земного существования в том и заключается, что к тому времени, когда человек понимает, как ему нужно себя вести, жить ему остается всего ничего.

Детективы в Фейрвью не сказать чтобы очень востребованы. Работа в этом городке представляет собой либо трамплин, позволяющий прыгнуть, перейти в разряд более «активных» полицейских и добиться перевода хотя бы в соседний Крэнстон, либо ступеньку вниз – к пенсии. Парсонс – детектив неплохой. Но его неопытность, пусть даже и относительная, ведет к тому, что, рассказывая о более «интимных» подробностях изнасилования, он начинает запинаться и краснеть. Его страстное желание выглядеть крутым, бесстрастным профессионалом на самом деле лишь подчеркивало

то, насколько лично его задело происшедшее. Это действовало на нервы. Но как я уже говорил, похоть еще не делает человека злым. Мы без конца предпринимаем отчаянные попытки, чтобы это утаить. И детектив Парсонс, продолжая, сделал точно то же самое.

Когда мы обратились за помощью к экспертам по изнасилованиям из Крэнстона, они забросали нас вопросами о временном интервале. Для нападения в общественном месте час – это непривычно много. Увидеть их ночью в зарослях действительно было трудно. Тем более что луна была на ущербе и к тому же пряталась за плотным слоем облаков. Но каждый, кто шастал из дома и обратно во время вечеринки, вполне мог их услышать, особенно если бы вышел во двор, как та парочка, которая, в конечном счете, нашла Дженни и пришла ей на помощь. Но оспаривать медицинские факты специалисты не стали. А когда узнали о заостренной палочке и странном порезе, то сказали, что в этом случае ситуация обретает более конкретный смысл. Они считают, что насильник многократно (в этом месте была какая-то долгая, странная пауза) насиловал девушку, а затем прерывался, чтобы вонзить ей в кожу импровизированную стамеску. Порез располагался в нижней части спины. В этом месте девочки любят наносить себе татуировку. Эксперты полагают, что таким образом он ее «метил», а может, просто наслаждался циклами смены страха и облегчения, когда на какое-то время оставлял девушку в покое, а потом вновь брался за свое, или же приходил в восторг, когда вонзал острое в ее плоть и при этом чувствовал дрожь в ее теле (здесь еще одна пауза, на этот раз скорее задумчивая). После этого наши мысли потекли в совершенно ином направлении. Насильник оказался бóльшим социопатом, чем предполагалось ранее, и в своих предположениях на этом пути мы уже заходили очень далеко.

Восстановление физического здоровья Дженни проходило не без осложнений. Защитные разрывы затягивались с трудом, из-за этого ей постоянно и каждый день приходилось терпеть боль. Девушка даже попыталась перестать есть, чтобы уменьшить количество испражнений, положенных ей природой. За те две недели, когда ее организм приходил в себя, она потеряла десять фунтов и по большей части провела это время либо в постели, либо на диване, заваленном обезболивающими средствами. По поводу того, стоит ли ей возвращаться в школу, в семье существовали разногласия. Когда она в достаточной степени поправилась, до окончания занятий оставалось каких-то три недели и школьное начальство вместе с учителями великодушно предоставило ей все учебные материалы, а экзамены разрешило сдать летом.

Мне было чрезвычайно любопытно узнать, как Крамеры в конечном итоге решат этот вопрос. Интерес вызывал тот факт, что Шарлотта хотела запереть дочь дома и никуда не пускать, в то время как Том желал, чтобы она опять как можно быстрее оказалась «на коне». Я никак не мог понять, обусловлена ли мотивация Шарлотты тем обстоятельством, что Дженни на тот момент выглядела далеко не лучшим образом. Она не только исхудала, но и побледнела, а лицо приобрело землистый оттенок. От обезболивающих под глазами залегли черные круги. Если же говорить в целом, девочка напрочь утратила присущую ей раньше живость, энергию и совершенно разучилась улыбаться. Мне кажется, Шарлотта, будучи честной по отношению к себе самой, не желала, чтобы дочь увидели до тех пор, пока изнасилование не будет изгнано из внешности Джейн точно так же, как его изгнали из ее памяти.

В этом сражении победа тоже осталась за Шарлоттой.

Крамеры сняли летний домик на Блок-Айленд. Шарлотте пришлось отказаться от места в комитете распорядителей фондов клуба, что стало для нее огромной жертвой. Впрочем, это была ее собственная идея, которую она считала чем-то вроде кнопки «перезагрузка». Полагаю, что, помимо прочего, это еще и была желанная возможность отдохнуть друг от друга. Изъяны в их отношениях на тот момент уже всюду заявляли о себе, и что Шарлотта, что Том боялись разрыва, казавшегося им неизбежным. Том приезжал только на выходные, но в августе провел на Блок-Айленде целых две недели. Лукас посещал местный летний лагерь. Ему рассказали о нападении на сестру (слово «изнасилование» при этом не звучало), но он не придавал этому особого значения, а если и придавал, то только в свете того, как подобное обстоятельство отразится на его собственной жизни. Для его возраста это вполне нормально. Дженни выполнила все школьные задания, сдала экзамены и закончила десятый класс. А потом пригласила погостить на недельку Вайолет. Они пошли на пляж и отметили шестнадцатилетие Дженни. Было даже несколько улыбок, хотя Том и видел, что они натянутые. Шарлотта посчитала их искренними и настоящими, а поскольку внимательно наблюдать за дочерью, подмечать ее настроение, особенности поведения, следить за тем, что она ест и как спит, стало для нее почти что работой, она остро чувствовала каждый момент, так или иначе связанный с эмоциональным восстановлением дочери. Как бы там ни было, лето закончилось без эксцессов. Но это, конечно же, было всего лишь затишьем перед бурей.

Об изнасиловании Дженни рассказали в больнице, сначала психолог, потом психиатр. Диспансерного наблюдения специалисты по душевным

расстройствам за ней практически не вели. Ни лечения, ни советов, лишь рутинные дежурные проверки. Врачи, конечно же, их рекомендовали, но и Шарлотта, и Том были против. Шарлотта не понимала, какой прок говорить об изнасиловании, если они приложили столько усилий для того, чтобы о нем забыть? Том же, с самого начала не считавший, что все приоритеты должны быть отданы лечению, рассматривал подобные процедуры чем-то вроде возможности не искать преступника, то есть не делать того, что должно быть сделано.

Встретившись в самом начале учебного года, врачи и Крамеры пришли к выводу, что лечение было на редкость успешным. Дженни и в самом деле ничего не помнила об изнасиловании. Она вновь стала нормально есть и спать. Родители очень надеялись, что дочь с головой окунется в водоворот приготовлений к получению высшего образования, столь характерный для последнего класса, – к прохождению стандартизованных тестов для поступления в колледж, к занятиям в рамках учебной программы подготовки к поступлению в университет, к волонтерской работе и занятиям спортом. У девушки не было ни симптомов ПТСР, ни рецидивов болезни, ни кошмаров, она не боялась оставаться одна и вполне адекватно реагировала на прикосновение других людей. Лечение в случае с Дженни считалось настолько успешным, что ее карту запросила даже одна женщина, военный врач из Норвича, занимавшаяся проблемой лечения психических расстройств в полевых условиях.

Беспокоило только одно – странный шрам на спине, оставшийся после пореза.

Как дела в школе?

Этот вопрос Шарлотта Крамер задала Дженни одним зимним вечером восемь месяцев спустя после изнасилования. За ним последовала неловкая тишина, что случалось каждый раз, когда за ужином они оставались вдвоем. В тот понедельник, как и в другие зимние вечера, Лукас ушел на хоккейную тренировку. Он показывал себя прирожденным спортсменом, и мать записала его сразу в три секции, являвшиеся для пригородов Коннектикута чем-то вроде святой троицы – осенью он ходил на футбол, зимой на хоккей, весной на лакросс. В результате Шарлотта, Том и Дженни оставались одни, причем находиться в такой компании после случившейся беды им было непросто. Без юношеских рассказов Лукаса о состоянии школьного мужского туалета, о его выдающихся спортивных достижениях и о том, что его другу нравится некая девочка, во главе стола Крамеров неизменно восседала тишина, заполонившая собой все уголки их дома.

Потом Дженни вспоминала, что на ужин подали ее любимые блюда –

жареного цыпленка, картофель с розмарином и французскую стручковую фасоль. Но аппетита не было, этот факт она тщательно скрывала и от отца, и от матери. Девушка поковырялась вилкой в тарелке и ответила:

Отлично!

Отец бросил на нее взгляд. Я совершенно уверен, что сам Том ничего не замечал, но Дженни говорила, что после возвращения с Блок-Айленда он делал это постоянно. Ей казалось, что в поисках улики он внимательно изучает ее мимику. Она стала контролировать выражение лица, зная, что каждый раз оно повлечет за собой определенный вывод. Что это за незаметная улыбка, притаившаяся в уголке рта? Может, сегодня произошло что-то хорошее? Вот у Дженни чуть дернулось веко, что бы это значило? Она гримасничает? Неужели их вопросы ее раздражают, как любого другого подростка, который сидит за столом с родителями? Но главное, нет ли в лице девушки чего-нибудь такого, что свидетельствовало бы о тревоге, от которой она так и не смогла избавиться? Дженни научилась очень хорошо скрывать свои чувства.

Она подняла глаза, чтобы подарить отцу то, чего он так хотел, – милую улыбку. В ответ он ей тоже улыбнулся, и Дженни, когда он это сделал, увидела беспокойство, поселившееся в его глазах с той ночи в лесу. И тут же подумала, обращает ли он внимание на ее собственную тревогу. Если так, то они оба улыбались друг другу, делая вид, что ничего не замечают.

Но Дженни не знала, что отец не изучал ее лицо. Да, он смотрел на нее, но только чтобы не подать виду, что от его внимания опять не ускользнуло, как она трет рукой небольшой шрам на спине, в том месте, где насильник пометил ее, будто трофеем.

Мать продолжила начатый разговор:

Я сегодня видела у Таггера премилое платье! Может, сходим в субботу и посмотрим его? Если, конечно, ты не собираешься куда-то идти с очередной подружкой. Ты что-нибудь планируешь на этот день, милая?

Дженни полагала, и, на мой взгляд, совершенно справедливо, что мать прекрасно справилась со свалившимся на них несчастьем. Хотя незначительное повышение голоса в такие моменты, как этот, с головой выдавало ее досаду, вызванную нервной обстановкой, которую создавали Дженни и Том, она вела точно такую же насыщенную жизнь, как раньше, оставаясь неунывающей и общительной. Занятия йогой, ланчи, волонтерская работа в школе. Она никогда не замечала, что Дженни потирает шрам, и даже когда этот вопрос стал обсуждаться в открытую, утверждала, что никогда не обращала внимания на эту особенность

поведения дочери.

Сама Дженни тоже не отдавала себе отчета в происходящем, хотя Вайолет несколько раз ее об этом спрашивала. В ее случае это было сродни детской привычке грызть ногти или сосать палец. Что-то в подсознании посылало ей сигнал протянуть руку к тому месту на спине, где насильник оставил ей шрам. В моих глазах это стало первым признаком того, что лечение было далеко не таким успешным, как полагали врачи.

История о том, что в тот вечер произошло в лесу за домом, была тщательно продумана и подавалась надлежащим образом, но главы, посвященной шраму, в ней попросту не было. Все знали, что Дженни изнасиловали. Но никто не ведал, ни каким образом, ни как долго над ней издевались. Потеря памяти объяснялась шоком и эмоциональной травмой. Эту версию рассказывала Шарлотта. Том, будучи мужчиной, удовлетворялся тем, что вообще никому ничего не говорил, а Дженни рассказывать и вовсе было нечего, за исключением того, что она прошла курс лечения, в результате которого частично утратила память. Она неизменно прилагала массу усилий для того, чтобы держать все в себе.

История была продумана скрупулезно, но так же аккуратно в естестве Джейн нашел пристанище монстр другого рода, укравший все хорошее и поселившийся в душе девушки тревогу, вскоре ставшую острой и мучительной.

Что ты сказала, милая?

Мать хотела съездить в магазин купить хорошее платье. Отец бросил на нее сердитый взгляд. О той ночи никто не произнес ни слова, но у Дженни, по ее словам, сложилось впечатление, что те события сквозят в каждом вздохе, вырывавшемся из груди родителей. Отец, как она знала, сожалел о том, что с ней сделали врачи, лишив воспоминаний. Он жаждал мести, правосудия, его не устраивало проведенное расследование, результаты которого, как показало время, были ничтожными. Но мать никогда не оглядывалась назад. Если использовать аналогию, к которой я уже прибегал ранее, дом был отстроен – и на этом точка. Выбирая между напряжением, царившим в его стенах, и воспоминаниями Дженни о той ночи, Шарлотта с радостью определилась в пользу первого варианта.

Вечером Дженни, сидя у себя в комнате, слышала, как они ссорились, как отец плакал, а мать называла его «отвратительным слабаком». И чувствовала, что все это из-за нее, из-за ее неспособности изгнать монстра и отправиться в субботу за платьем. Девушка чувствовала, что внутри нее царит полная разруха. А еще у нее было стойкое ощущение, что из-за нее рушится их семья. Раньше она никогда не замечала разломов,

избороздивших отношения между родителями. Дети на такие вещи никогда не обращают внимания.

Конечно, мам, – ответила она Шарлотте. – Звучит здорово. Но сначала мы могли бы пообедать.

Она заставила себя проглотить еще один маленький кусочек.

Шарлотта улыбнулась:

Вот и отлично, – сказала она и взглянула на Тома с видом, недвусмысленно выражавшим ее удовлетворение тем, что дела идут на лад.

Поковырявшись в тарелке достаточно долго, чтобы убедить родителей, что с ней все в порядке, Дженни извинилась и встала из-за стола. Затем убрала за собой посуду и сложила ее в раковину, добавив, что хочет пообщаться по интернету с друзьями.

После чего пошла к себе.

Полагаю, что я уже достаточно подробно описывал Дженни. Но что такого я упустил, чтобы вы могли себе ее представить? Длинные белокурые волосы. Голубые глаза. Стройная, спортивная фигура. Лицо уже перестало быть детским, но и взрослым его назвать пока было нельзя – на нем более явственно проступили скулы и как-то заострился нос. Его усеивали веснушки, а у правого уголка рта образовалась маленькая ямочка. Говорила она хорошо и выразительно, без всех этих вечных «э-э-э...», столь характерных для подростков. И еще она очень естественно пользовалась «языком глаз» – мастерством, которое человеку еще только предстоит изучить. Некоторые люди смотрят очень долго, прежде чем отвести взгляд и переключить внимание на что-нибудь другое. Другие, наоборот, делают это слишком быстро. У Дженни на это уходило ровно столько времени, сколько нужно, что мы, взрослые, считаем само собой разумеющимся, потому как каждый из нас, или по меньшей мере большинство, усвоило этот аспект акклиматизации в обществе.

Хотя она и утратила свою невинность (за неимением лучшего выражения я скажу так), это не мешало ей оставаться все такой же очаровательной и красивой. Свои мысли она описывала примерно в таком ключе. Голос девушки был ровный, она оставалась на удивление бесстрастной.

Я присела на краешек кровати и посмотрела по сторонам. Все вокруг было так знакомо, вся обстановка, которую я подбирала и помогала оформить. Стены были цвета красной звезды. Розовыми их назвать было нельзя, потому как в них присутствовало слишком много красного. Именно об этом говорила продавщица в хозяйственном магазине. Я не помню, как точно называется этот цвет, что-то вроде красно-розового.

Ярко-белые книжные полки, уставленные моими книгами, хотя теперь я стала читать намного меньше. И не только из-за того, что случилось. Глотать книгу за книгой я перестала в возрасте двенадцати лет. Думаю, из-за того, что сейчас мне приходится читать очень много по школьной программе. Да и потом, если в других классах было принято обсуждать прочитанное, то теперь, в выпускном, это больше не практикуется. Так что большинство моих книг либо школьные, либо и вовсе детские.

Еще у меня есть коллекция чучел животных. Я и сейчас, когда куда-нибудь еду, привожу новый экземпляр. Хотя вру, сейчас уже нет. С Блок-Айленда я ничего не привезла. Но почему – объяснить не могу. Сама знаю, но выразить словами не в состоянии. И если бы мне пришлось это сделать, я чувствовала бы себя лгуньей, потому как была бы вынуждена выдавать себя за человека, которым больше не являюсь. Это примерно то же, что продолжать носить голубое, потому что оно нравилось вам раньше, хотя теперь вы не уверены, что и дальше любите этот цвет, но считаете необходимым по-прежнему отдавать ему предпочтение. Бессмыслица? Все, что я раньше любила, мне больше не нравилось. Поэтому я продолжала делать все чисто механически – мне казалось, что, откажись я от этого, мир вокруг развалится на части. Продолжала сидеть на кровати со всеми этими вещами, которые когда-то любила и которые теперь оставляли меня совершенно равнодушными – мне попросту хотелось бросить их в огонь. И в тот самый момент я поняла, что никогда уже не смогу полностью прийти в норму.

Потом она объяснила, почему приняла такое решение. То, что люди вообще делают подобный выбор, меня всегда поражало. Но я человек не религиозный и для меня единственная надежда заключается в том, чтобы жить. К тому же такие слова, как «подросток» и «выбор», нельзя вносить в один и тот же словарь.

Здесь я испытал в душе досаду от того, что знаю так мало об устройстве мозга. Пить, принимать наркотики, заниматься любовью, водить машину, голосовать или идти воевать несовершеннолетним нельзя в силу ряда причин. И дело не в том, что мы велим им так не поступать или что они слишком «неопытные» для принятия правильных решений. Мозг подростка еще не завершил своего развития. При взгляде на их тела, которые выглядят такими зрелыми, представить себе это очень и очень трудно. Мне не раз доводилось видеть шестнадцатилетних юношей с бородой, волосатым телом и накачанными бицепсами. Они выглядят на все двадцать шесть. А девочки с большой, развитой грудью, широкими бедрами и количеством макияжа, вполне достаточным для того, чтобы

работать на какой-нибудь выставке промышленных товаров в Лас-Вегасе? Я уж не говорю о том, какие баталии вел с дочерью, когда она решила от скуки уйти из дома, или с сыном, когда он клялся, что по дороге на футбольный матч не станет заезжать за своими шестерыми друзьями и покупать пиво по фальшивым удостоверениям личности.

Несмотря на внешние данные, заглянув подростку в мозг, вы не обнаружите в нем ни малейших признаков зрелости. Даже близко. Именно неопытность заставляет их принимать ошибочные решения. Для этого у них попросту нет надлежащей базы. Вы только подумайте, какие мысли крутились в голове Джейн в тот вечер, когда она сидела на кровати?

Я просто закрыла глаза и впустила монстра внутрь своего естества. Нарисовала его в своем воображении. Он был похож на сгусток тьмы, на черную кляксу, и в действительности я не могла определить его форму, которая менялась с каждым его движением. Но при этом явственно ощущала его грубую кожу, испещренную ямками и бугорками. Помню, как ощутила его в животе. Внутри, казалось, взорвалось то самое чувство, которое испытываешь, когда сильно нервничаешь, когда стоишь на старте перед командной эстафетой в ожидании выстрела стартового пистолета – то самое, только в тысячу раз хуже. Я просто не смогла с этим смириться и стала тереть шрам. Помню, как я тогда его чесала. Всю ночь. И не могла остановиться. Мне хотелось кричать, но я знала, что это не поможет. После того, как меня изнасиловали, я делала это много раз. Говорила родителям, что отправляюсь на пробежку, действительно бежала, но только до тех пор, пока не оказывалась в парке, за теннисными кортами подальше от дома. И тогда из груди вырывался крик. Я все кричала и кричала. Стоило убрать руку, как зуд тут же возвращался. Не помогало ничего – ни бег, ни сон, ни алкоголь, ни лекарства. Мне буквально хотелось содрать с себя кожу. Так продолжалось почти восемь месяцев. Для меня это оказалось слишком долго.

Чтобы справиться с тревогой, Дженни стала принимать лекарства. Пыталась глушить ее алкоголем, а потом марихуаной и таблетками. Препаратами, которые ей удавалось найти в ваннных комнатах подруг, – всем, что можно было раздобыть. И продолжала принимать «Оксикодон» даже тогда, когда физическая боль прошла. Родители ничего не знали, удивительно, но такое случается сплошь и рядом. Они замечали, что у дочери появились новые друзья и подруги, видели, что она стала хуже учиться, но решили не устраивать по этому поводу сцен.

Непростительно, но врачи, отстаивавшие необходимость подобного

лечения в случае с Дженни, да и любого другого, оказавшегося в сходной ситуации, к сожалению, не учли следующего. Независимо от того, записались ли фактические события в памяти и претерпели ли изменения эмоции в момент их сохранения в долгосрочной памяти под воздействием морфина, физические реакции человека в любом случае программируются в нашем мозгу. «Бензатрал» их не устраняет. На пальцах это можно объяснить примерно так: если вы обжигаетесь о горячую плиту, но потом вас искусственно заставляют об этом забыть, страх организма перед ожогами все равно остается. Только вот движущей силой его уже выступает не жар и не раскаленная докрасна горелка плиты. Он заявляет о себе когда заблагорассудится, и человек понятия не имеет, как его остановить. Именно по этой причине традиционные методы лечения ПТСР предполагают, что извлекать воспоминания из хранилища и вновь их переживать пациент должен в состоянии эмоционального покоя. Со временем взаимосвязь между эмоциями и фактическими воспоминаниями претерпевает изменения и теряет интенсивность, в результате воскрешение в памяти травмирующих событий становится не таким болезненным. Сами эмоциональные страдания тоже идут на убыль, хотя это, конечно же, очень трудная работа. Куда проще просто взять и уничтожить в памяти факты! Это примерно то же самое, что популярные в 1950-е годы вибрационные пояса, якобы сжигавшие жиры без всяких физических упражнений или диет. Никакую травму таблетками не вылечишь.

Об изнасиловании Дженни ничего не помнила, но в ее теле продолжал жить ужас. Физическая память и эмоциональные реакции, теперь запрограммированные в ее естестве, не могли восполнить собой образовавшуюся пустоту – для этого попросту не было подходящего набора фактов. Поэтому страх свободно разгуливал по телу девушки. И единственным осязаемым отголоском беды был шрам, оставшийся на том месте, где насильник ее пометил.

Теперь проще просто сказать, что ей нужно было обратиться за помощью. Но ведь эта девочка – подросток. И для ее мозга, детского и еще не возмужавшего, восемь месяцев оказалось «слишком долго».

Она пошла в ванную и открыла ящичек под раковиной. Затем взяла розовую одноразовую бритву. Используя маникюрный набор, выковырляла лезвия. После чего положила их на край раковины, ушла к себе в комнату, села на кровать и стала ждать.

Глава пятая

Похоже, я несколько опережаю события. Позвольте мне вернуться немного назад.

Том Крамер жил в собственном аду. Чувство вины за то, что он не сумел защитить дочь, не покидало его ни днем, ни ночью.

Это не имело под собой никакого рационального обоснования. Мы не в состоянии контролировать детей ежесекундно двадцать четыре часа в сутки, и поэтому с ними случаются всякие неприятности. Такова реальность. За историю своего существования общество не раз переживало периоды, когда родители усиленно опекали своих чад. У меня такое ощущение, что в основе последнего из них лежало обилие информации, распространяемой по интернету. Что бы ни случилось – кого-то похитили, к кому-то приставал сексуальный маньяк, кто-то утонул в бассейне, получил травму, катаясь на санках, упал с велосипеда или удавился, – все тут же становилось известно родителям от Мэна до Нью-Мексико. И у них возникало ощущение, что подобных инцидентов становилось все больше и больше. Ширились кампании, посвященные безопасности, на телевидении изобиловали ролики, на рынок в рамках этой проблематики выбрасывались все новые товары, повсюду появлялись предостерегающие надписи. Грудничкам больше нельзя было спать на животике, школьникам ходить пешком в школу или в одиночку дожидаться автобуса на остановке. Мысль о том, чтобы моя мать *когда-либо* подвезла меня к остановке, а затем припарковала автомобиль и вместе со мной стала дожидаться автобуса, вызывала хохот. Когда я пацаном ходил в школу, она даже с постели не вставала. Но ведь точно так поступают и сейчас, не правда ли?

Все это не замедлило вызвать бурную реакцию, появилось движение «фри-рейндж»^[1], зазвучали голоса, предупреждающие об опасности «тотального» контроля. С риска, которому подвергаются дети, предоставленные сами себе, акценты в спорах сместились в сторону вреда, наносимого тем, кого родители окружили тотальной опекой.

Но это всего лишь трескотня. Если кто-то на самом деле захочет обидеть ребенка, он найдет способ это сделать.

Летом после изнасилования Тома неотступно преследовала мысль о том, как найти насильника. Уехав с семьей на Блок-Айленд, он проводил время в поисках. Не виделся с друзьями. Не ходил в спортзал. Перестал смотреть телевизор. С восьми утра до шести вечера работал, но навязчивая

мысль не отпускала его и в автосалоне. Там перед ним каждый день мелькали новые лица. Крэнстон – город небольшой, но в нем все же живут восемьдесят тысяч человек. Добавьте к этому и тот факт, что у компании «Салливан Лакшери Карз», выступавшей в роли его работодателя, в радиусе шестидесяти миль был всего один салон по продаже «Ягуаров» и «БМВ», и вы тут же поймете, что каждый новый день Том Крамер видел перед собой новые лица, и одно из них, по мнению отца Дженни, могло принадлежать насильнику.

Полиция сделала все от нее зависящее, конечно же, в рамках своих возможностей. Всех, кто присутствовал на той вечеринке, опросили. Юношей, в частности, вызвали в полицейский участок. Многие пришли вместе с адвокатами. Том хотел, чтобы их всех подвергли тщательному обследованию. Взяли образцы ДНК и кожи. Он желал, чтобы их автомобили обыскали в поисках шерстяной маски и перчаток. А заодно проверить, не сбрил ли кто-нибудь из них с тела волосы. Ничего этого, конечно же, сделано не было.

Соседей допросили тоже, и тех, кто в тот момент был дома, и тех, кто уезжал. У всех были алиби. Эти алиби подвергли проверке. В тот день двенадцатилетний соседский мальчик по имени Тедди Дункан в восемь сорок пять вышел погулять с собакой, любознательным биглем по кличке Месси (названным так в честь известного футболиста). Так вот этот бигль обнаружил в заборе дыру и сбежал, что вполне в характере представителей этой породы. Они роют лапами землю, охотятся и устраивают погони. По всей видимости, Тедди был в лесу незадолго до того, как изнасиловали Дженни. Но с учетом расположения дома взял далеко вправо, а не углубился в заросли. Потом мальчик вновь вышел на Джанипер-роуд и стал искать своего питомца уже на улице. Тедди вспомнил припаркованный автомобиль, показавшийся ему каким-то не таким. «Не такой» в его представлении означало, что машина не была навороченной, что это не был огромный внедорожник со спортивными наклейками сзади. С помощью Парсонса и фотографий из Гугла Тедди пришел к выводу, что это была модель «Хонда Сивик».

Большую часть лета поиски насильника из Фейрвью сосредоточились на этой темно-синей «Хонде Сивик». Базы данных транспортных средств сопоставили со списком осужденных за преступления сексуального характера и других уголовников. В штате Нью-Йорк обнаружили тысячи таких темно-синих «Хонд». А Тедди Дункану только «казалось», что номера на машине были нью-йоркские, бело-голубые. И кстати, пока ваш мозг не стал двигаться в неправильном направлении, Тедди нашел пса

рядом с соседским домом и в девять с четвертью уже вернулся к себе. При этом не забывайте, что мальчику всего двенадцать лет.

Учитывая уровень его опыта и мастерства, детектив Парсонс проделал хорошую работу. Вначале он не испытывал недостатка в энтузиазме, все факты, касающиеся изнасилования, представляли для него неподдельный интерес, и в этом плане он действительно выглядел «настоящим» полицейским. Но при этом сфокусировал свои поиски за пределами Фейрвью. Детектив связался с полицейскими участками по всему штату и поинтересовался, не было ли у соседей аналогичных изнасилований – девочка-подросток, лыжная маска, полное отсутствие биологических следов на месте преступления, синяя «Хонда Сивик». Ну и, конечно же, «метка» на спине. Десятки изнасилований имели много общего с расследуемым случаем. Но ни одно из них не совпадало полностью. Коллеги из других округов пообещали держать руку на пульсе. Проблема заключалась в том, что все пойманные насильники отбывали срок в тюрьме. А тех, кто пока разгуливал на свободе, отследить было нельзя. Точное число изнасилованных женщин в Соединенных Штатах назвать невозможно, потому что из всех преступлений против личности о сексуальном насилии заявляют реже всего. По экспертным оценкам, раскрываются лишь двадцать пять процентов изнасилований, жертвы которых обратились в полицию.

В случае с Дженни ситуация складывалась не лучшим образом, и к Рождеству Том остался единственной движущей силой в своем неумном стремлении к справедливости.

Каждый год на Рождество их навещали родители Тома, и в семье было решено, что и на этот раз все будет как всегда. Бабушка с дедушкой приехали посреди недели, сразу после начала школьных каникул. Милли, мать Тома, была умной женщиной, наделенной очень острым чутьем. Шарлотта, которой в ее присутствии было трудно хранить свои секреты (мы о них еще поговорим), от этого чувствовала себя не в своей тарелке. Его отец, Артур, жил больше разумом, чем сердцем. Раньше он работал преподавателем в Коннектикут-Колледже, но давно вышел на пенсию. Человек этот слыл стойким и в этом качестве прекрасно ладил с невесткой.

О том, как они в тот раз гостили, Том вспоминал так:

Я вновь почувствовал себя ребенком. Хотелось броситься маме на грудь, долго плакать, а потом сесть к папе на колени и посмотреть хоккей. Я желал услышать от них, что все будет хорошо, чтобы мама провела комплексный анализ ситуации, а отец взглянул на произошедшее под углом, который позволил бы моей дерьмовой жизни прийти в норму,

как бы плохо все ни обстояло на самом деле. Дженни с ними было так здорово. Мать взяла ее походить по магазинам и разговаривала с ней о будущем, об учебе в колледже, о карьере. Спрашивала о друзьях, о том, чем она занимается и что собирается делать летом. Отец тоже старался принести пользу. Благодаря ему Лукас не сидел без дела, они то ходили на лыжах, то сооружали в подвале очередную модель из «Лего». Ребячество. Но понимаете, я наблюдал за ними будто извне. Потому что не мог участвовать в их играх. Для меня это было слишком нормальным... слишком... спокойным, что ли. Если бы я к ним приобщился, то потерял бы над собой контроль, стал бы стенать и сетовать на судьбу, ниспосланную небесами моей семье. Я с этим не смирюсь. Да, мне не удалось защитить дочь, но здесь я проявлю стойкость. В то же время я прекрасно знал, что шансы найти эту тварь с каждым днем становились все призрачнее и призрачнее. Мне хотелось быть мужчиной. Я вновь хотел ощутить себя им. И поэтому молча ходил по городу с каменным лицом, притворяясь сильным. Но внутри оставался ребенком, которого охватил приступ гнева. При этом какая-то частичка моего естества отчаянно нуждалась в том, чтобы мама с отцом обратили на это внимание.

В те дни Шарлотте начал сниться сон. Она знала, что в основе его лежит документальный фильм о волках, из жизни дикой природы, виденный ею за несколько недель до этого. В одной из его сцен одинокий волк преследовал антилопу через лес до тех пор, пока не загнал ее на скалу. Антилопа, ловкая и даже не думавшая оступаться, медленно поднималась по каменному склону, в то время как волк яростно бегал у его подножия и поглядывал на добычу, такую близкую, но для него недостижимую. Он не сдавался целый час.

Во сне Шарлотта наблюдала за этой сценой на расстоянии. И хотя концовка была ей известна, она все равно каждый раз переживала, опасаясь, что хищник схватит антилопу в лесу до того, как она окажется в безопасности, или же что волк на этот раз дерзнет взобраться на скалу, найдя надежную опору. Заканчивался сон всегда одинаково – мать Дженни просыпалась в холодном поту, барахтаясь во влажных простынях и объятиях страха, сердце ее буквально выпрыгивало из груди.

Сон не давал покоя и ставил много вопросов. Что в нем можно было усмотреть? Охотника и его жертву? Тома и насильника? Тома и несправедливость? Насильника и Дженни? Семейю Тома и тайны Шарлотты?

Я спросил женщину, кем она была в этом сне: волком, упустившим добычу, или же антилопой, которая мудро избежала зубов хищника, но

никогда больше не будет чувствовать себя в безопасности, когда спустится со скалы на землю.

Не знаю. На этот счет у меня не было четкого понимания. Я имею в виду, что всегда наблюдала за обоими животными со стороны. Антилопа бежала, чтобы спасти жизнь, волк – чтобы убить. Поэтому я не могу ничего сказать ни о чувствах, ни о мыслях, которые меня в эти моменты охватывали. Я об этом не задумывалась. Сон мучил меня каждую ночь, когда Крамеры гостили у нас на Рождество, а потом еще несколько недель после их отъезда. Полагаю, что вполне могла быть волком, подвергая опасности и свою семью, и всю жизнь, которую я вокруг себя создала. Но не исключено, что и антилопой, спасающей свою жизнь. У меня и правда такое ощущение, что еще чуть-чуть – и тайна станет явью. Конечно же, это звучит параноидальным бредом, но думаю, что мать Тома все знала – я видела по глазам. И ненавидела ее за это. Мне известно, что она помогала Дженни. Надо бы было попросить ее погостить подольше. Но и в Рождественский сочельник, и когда мы на следующий день пели песни и смотрели подарки, и в церкви, и потом за столом я думала только об одном – чтобы она убралась из моего дома к чертовой матери.

У Шарлотты были свои секреты, но мне казалось, что у нее были и другие причины не любить родителей Тома, особенно его мать. Выше я уже упоминал о детстве этой женщины. Полагаю, сейчас самое время внести ясность, поэтому прошу вас набраться немного терпения.

Шарлотта выросла в Нью-Лондоне. Для тех из вас, кто плохо знает этот регион, объясню, что в Нью-Лондоне располагается Академия береговой охраны Соединенных Штатов и база подводного флота. Городок этот в высшей степени военный. Ее мать Рутанна была юной дамой, неразборчивой в своих связях и в двадцать три года ставшей матерью-одиночкой. Вместо того чтобы учиться в колледже, она работала на небольшом предприятии, выпускавшем декоративные свечи. Шарлотте навсегда запомнился запах ароматизированного воска, неотступно следовавший за Рутанной, когда она после работы переступала порог их квартиры. Семья Рутанны жила там же. Родители, несколько пересмотрев свои планы касательно младшей дочери, поначалу им помогали. Но вели явно нездоровый образ жизни – пили, курили и заплыли жиром. Они умерли, когда Шарлотте не исполнилось и десяти. А еще через два года Рутанна, наконец, вышла замуж. Его звали Грег.

Это был первый секрет Шарлотты, и хранила она его очень тщательно. А открыла его мне только после того, как я завоевал ее доверие. Что было совсем не просто.

Я была красивая девочка. Белокурые волосы, голубые глаза и вполне сформировавшаяся к тому времени фигура. Что же до лица, то стоит вам взглянуть на фотографии, и вы сразу поймете, что Дженни моя дочь. Мать на свечном заводе доросла до должности менеджера. Они работали круглосуточно и без выходных, в дневную и ночную смены. Наверное, у них было много покупателей, если им приходилось без конца изготавливать все эти свечи. Уверена, что им приходилось решать вопросы с нелегалами, которых они нанимали, вероятно, зная, что в ночную смену никаких проверок не будет. Мать нередко упоминала две ведомости, одну официальную, вносимую в бухгалтерский отчет, и вторую, предназначенную исключительно для расчетов наличными. Грег работал на заводе плотником и часто говорил матери тщательно следить за расходом средств и никому не доверять. Особенно нелегалам. На его теле было несколько татуировок. В том числе змея, а под ней – несколько слов. «Не наступай на меня» – гласила надпись. Он не любил правительство и называл его членов «мужланами». «Мужланами» для него были все, кто обладал властью. Он считал их кем-то вроде хиппи. Суший идиот.

Первый раз это случилось ночью, когда мать ушла на работу. Мне тогда было семнадцать. Мы жили в убогой, грязной квартирке с одной ванной и тоненькими стенами. Вся кухня состояла из единственной электрической конфорки да микроволновки. Плиты как таковой и то не было. И одна ванная с душем в полструи, в котором по утрам никогда не было горячей воды, потому что соседи наши тоже были нелегалами – в крохотной квартирке их набилось человек шесть, а может, даже семь. Нелегалов Грег ненавидел почти так же, как правительство. Он любил расхаживать по квартире, разговаривая с собой. Они с матерью обосновались в спальне, а я спала на диванчике, поэтому когда он выходил из их комнаты, деваться было некуда. Мне доводилось слышать много дерьма, вылетавшего из его уст.

Если бы я утверждала, что не понимаю, к чему все идет, это было бы неправдой. Женщины такие вещи просто чувствуют. Мужчины, может, тоже, хотя я в этом не уверена. Мы можем точно сказать, когда в голове у мужчин происходит сдвиг и они решают с нами переспать. Я чувствовала, когда об этом думали ребята из числа моих друзей по колледжу. Чувствовала в переполненных барах. Чувствовала с коллегами. И с Грегом тоже чувствовала. Я делала все возможное, чтобы не путаться у него под ногами. Стала натягивать на себя больше одежды, надевать вместо юбок брюки, надевала туфли без каблука и носила свитера под горло. Но все было напрасно. Оно ведь всегда так, не правда ли? Как я уже

говорила, если мужчина решил переспать с женщиной, ничто уже не в состоянии заставить его отказаться от этого намерения. И одной ночью это случилось. Я пришла домой с работы. Пару вечеров в неделю мне доводилось подрабатывать официанткой в закусочной. Помню, что из-за одного клиента я была не на шутку расстроена. По правде говоря, в памяти запечатлелась каждая минута того вечера – как этот посетитель орал на меня за то, что я принесла ему пирог с мороженым, хотя он просил без мороженого. Он был прав, я перед ним извинилась, но он потребовал позвать управляющего, вновь начал кричать и заявил, что теперь его должны накормить бесплатно. Я заплакала. Мне показалось, что меня уволят. Босс велел идти домой. Боже мой, как же глупо это выглядит сегодня. Оказалось, что этот парень постоянно устраивал скандалы, чтобы не платить за ужин.

– Будь на вашем месте любая другая семнадцатилетняя девушка, она бы тоже расстроилась, – сказал ей я.

Надо думать. Как бы там ни было, к себе я вернулась в слезах. Грег был дома. Мы сели на диван, я стала рассказывать, и он долго меня слушал. Потом принес пива. И сказал, что все будет в порядке. Он и правда меня утешил, и я утратила бдительность.

Оставшаяся часть рассказа требует некоторых визуальных подробностей, которые я считаю очень важными. Поэтому прошу прощения, если вам будет трудно их читать.

Грег улыбнулся Шарлотте и погладил по голове. Думаю, он убедил себя в том, что она тоже его хочет, несмотря на брюки и водолазку. Люди охотно верят в придуманные ими сказки. Сердце Шарлотты бешено заколотилось в груди, но она даже не сдвинулась с места. Грег погладил девушку по щеке и тихо застонал. Звук напоминал протяжное «ааааах». Он пристально, как любовник, заглянул Шарлотте в глаза. Затем залез под свитер и прикоснулся к груди. После чего застонал опять, склонился ее поцеловать, и она ощутила на лице его горячее дыхание.

По воспоминаниям Шарлотты, все ее чувства будто застыли. Он ее утешил, и ей хотелось большего. Но не так, не через тело. Однако ничего другого не предполагалось, и она замерла, разрываясь между потребностью в утешении и любви с одной стороны и отвращением с другой. Она говорила, что Грег выглядел как дикий зверь, схвативший свою жертву. В точности антилопа и волк. Он больно укусил ее за мочку уха и засунул между ног руку. Шарлотта почувствовала, как ей в бедро уперся его напряженный член. Его палец оказался внутри нее. Ее охватило блаженство, никогда не испытываемое ранее. До этого Шарлотта даже ни с

кем не целовалась.

– Ты мокрая! – со смехом сказал он. – Ты вся там мокрая, маленькая шлюшка.

Грег потянулся к ней и с такой скоростью стащил с Шарлотты брюки, что ей показалось, будто он обрел силу двух мужчин, а руки его превратились в щупальца осьминога. Его колени оказались у нее между ног, а торчащий член уперся в живот. Затем он медленно развел в стороны ее бедра, провел мужским достоинством по внутренней поверхности одного из них и скользнул внутрь. Ей запомнилось протяжное «ааааах». Проникнув в нее, он прижался к ней бедрами. А когда все было кончено (наверняка через несколько секунд), вышел из нее, лег рядом, поцеловал в шею, застонал и стал теребить пальцами клитор. Несмотря на отвращение, она испытала оргазм. Человеческое тело – та же машина, хотя порой мы об этом и забываем.

Они стали тайными «любовниками». Эти встречи, заполнявшие собой царивший внутри Шарлотты вакуум, заслонили собой совесть, затмили волю и мораль. Грег покупал девушке подарки и водил в кино. За ужином они обменивались взглядами, а когда Рутанна работала в ночную смену, занимались любовью на диване. Шарлотта понимала, что это плохо, что во многих отношениях она Грегу отвратительна, но, как она объяснила это мне, само по себе это прекратиться не могло.

Мне очень стыдно, но это так. Чувствовать рядом с собой человеческое тело. Чувствовать кожей прикосновение кожи другого. Чувствовать, как тебя целуют и сжимают в объятиях. Да и потом, там присутствовало и сексуальное наслаждение, которое я была не в состоянии контролировать. Не знаю. Может, это был только секс, может, я действительно была маленькая шлюшка, но тогда это воспринималось как любовь.

Рутанне потребовалось полгода, чтобы осознать и принять для себя то, что она видела и чувствовала, оказываясь в их компании. К тому времени Грег остался без работы и всецело зависел от жены. Полагаю, в дальнейшем исходе событий никто не сомневался, но Шарлотту охватило такое чувство, будто у нее из груди вырвали сердце.

Рутанна отправила дочь в Хартворд, к тетушке Пег. Тетушка, старшая самой Рутанны на шесть лет, с успехом пристроила супруга в страховой бизнес. У них было трое детей, все они на тот момент уже учились в закрытом частном пансионате, и она скрепя сердце согласилась отдать туда и племянницу. Домой Шарлотта больше не вернулась.

О том, как она жила с матерью и Грегом, Том ничего не знал.

Теперь вы понимаете, почему Шарлотте так хотелось побыстрее «отстроить» дом. Полагаю, что некоторые из вас пойдут в своих рассуждениях дальше и решат, что настойчивое желание матери подвергнуть Дженни лечению было продиктовано ее собственными сексуальными извращениями в прошлом. Но это ошибка. Ту ночь на диване Шарлотта считала актом желания, соблазна и страсти, началом любовного романа. Но при этом понимала, что ее отношения с отчимом «выходили за рамки условностей» и «порицались общественной моралью». Именно по этой причине она не поведала об этом ни одной живой душе, даже мужу.

Но Шарлотта боялась, что свекровь проникнет в другую ее тайну.

Глава шестая

А теперь давайте вернемся к Дженни и к той ночи, когда она сидела на краешке кровати.

Том работал у Боба Салливана. У того было двенадцать автосалонов по всему штату Коннектикут. Стоимость его активов оценивалась в двадцать миллионов долларов. Лицо Боба красовалось на всех рекламных щитах вдоль трассы I-95 от Стэмфорда до Мистика, а заодно в каждом городе, который позволял размещать у себя его рекламу. Вы без труда вспомните его массивную голову и черные волосы, решительные глаза, широкую белозубую улыбку и мясистый нос. Боб Салливан добился всего сам и принадлежал к категории тех, о ком любят писать журналы. Тип настолько взрывной, что казалось удивительным, как он не лопается, подобно пиньяте^[2], и не рассыпает по небосводу конфетти. Жил Боб Салливан в Фейрвью. У него была дородная жена и трое сыновей, призванных впоследствии обеспечить преемственность семейного бизнеса. Сэм всегда ездил на последней модели «БМВ», «Феррари» или «Порше». Придерживался палеодиеты и без удержу пил красное вино. Человек великодушный, но в то же время амбициозный, баллотирующийся в законодательный орган штата.

И при этом он состоял в любовной связи с Шарлоттой Крамер.

Считается, что мы знаем, почему люди становятся любовниками. Кому-то не повезло в браке, но он не может уйти из семьи, не желая бросать детей. Кто-то не может удовлетворить свои сексуальные потребности. Другие становятся жертвами соблазна, а их самоконтроль уступает перед натиском человеческих страстей. К Шарлотте не относилось ни то, ни другое, ни третье.

В миссис Крамер уживались две женщины. Одна была выпускницей Смит-Колледжа, имела диплом филолога, работала заместителем редактора в журнале «Коннектикут», вышла замуж за Тома Крамера, теперь сидела дома с двумя очаровательными детьми, а семьей ей были ученики и учителя. Входила в совет загородного клуба Фейрвью, члены которого славились безупречными манерами и прекрасным словарным запасом. Свой дом – хороший, высокоморальный и восхитительный – она выстраивала с особой тщательностью.

Другую Шарлотту Крамер, девушку, которая спала с отчимом и которую выгнали из дома, не знал никто. Ни одна живая душа не ведала,

что она водила знакомство с полуграмотными алкоголиками, которые едва сводили концы с концами и умирали совсем молодыми. Что почти каждую ночь снимала с себя одежду ради мужчин вдвое старше ее по возрасту, от которых несло табаком и давно не мытым телом. Об этом не знал никто – кроме Боба Салливана. Шарлотта посадила эту девушку в клетку. Но со временем та стала трясти прутья с таким грохотом, что игнорировать ее запросы дальше было просто нельзя. Боб Салливан для Шарлотты стал орудием, позволявшим признать существование этой девушки и спокойно держать ее дальше взаперти. Связь позволила ей сохранить целостность натуры, потому как в обличье почтенной Шарлотты Крамер из Фейрвью она жила только наполовину.

С Бобом я вновь становлюсь той девушкой. Потаскухой, заставляющей меня заниматься самыми грязными делами. Боб хороший человек, но мы оба состоим в браке, и то, что мы делаем, конечно же, плохо. Не знаю, как это объяснить. Я очень упорно трудилась, чтобы вести «правильную» жизнь. Понимаете? Не думать ни о чем плохом и не совершать скверных поступков. Но этот соблазн не отпускает меня никогда. Понимаете, это что-то вроде курильщика в туалете, человека, по большому счету, спокойного, который скорее умрет, чем признается, что неравнодушен к табаку, но при этом все равно будет выкуривать сигарету в день. Одну-единственную. Которой вполне хватит, чтобы утолить жажду. Такой сигаретой для меня стал Боб.

Вы вполне можете осуждать Шарлотту Крамер за эту «сигарету». За то, что у нее есть тайные страсти, которые она не в состоянии контролировать. За то, что она не говорила всю правду. Что не посвятила мужа в подробности своей жизни. Но если вы станете ее судить, я обвиню вас в лицемерии.

Никто, ни одна живая душа не раскрывается до конца перед другим человеком. И если вы думаете, что к вам это не относится, задайтесь следующим вопросом: вы когда-нибудь лукавили, называя приготовленное женой блюдо прекрасным, в то время как на самом деле оно было просто отвратительным? А дочери говорили, что она выглядит отлично в уродливом платье? А занимаясь любовью, издавали охи и вздохи, в то время как мысли ваши блуждали далеко-далеко, составляя список продуктов, которые нужно купить в магазине? А посредственной работой какого-нибудь коллеги восторгались? Утверждали когда-то, что все в порядке, хотя на самом деле все было хуже некуда? Уверен, мы все не без греха. Невинная ложь, наглый обман, маленькая ложь тысячу раз в день – каждый из нас врет в любом месте и в любое время. Все мы от кого-то что-

то да скрываем.

От этого вы вполне можете впасть в уныние. Может, даже умолкнете и немного задумаетесь, когда жена скажет, что вы получите повышение по службе или когда муж станет уверять вас, что вы очень понравились членам школьного родительского комитета. Истина заключается в том, что вы никогда не узнаете правды, а если бы даже узнали, то вам, не исключено, пришлось бы прилагать невероятные усилия для того, чтобы сохранить брак. Потому как голая, неприкрытая и всеобъемлющая правда не в состоянии выдержать ни один союз. Ни один. Как только близкие люди признаются в чувствах, которые на самом деле питают друг к другу, будь то в личной беседе или в разговоре с друзьями, не умеющими держать язык за зубами, все, пиши пропало. Разве вы этого не понимаете? Разве не знаете в самых глубинах своей души? Мы любим других за то, что они такие, как есть, а не другие, за то, что они внушают нам именно те, а не иные чувства. Как правило, мы терпим их недостатки и даже никогда не ставим их им в вину. Но стоит нам увидеть в их глазах отражение самих себя, чего, избегая отрицательных эмоций, не желает видеть никто, фундамент любви тут же дает трещину.

У Тома не было никаких шансов. Отражение Шарлотты в его глазах никогда не было достоверным, ведь он знал, что жена открыла ему только одну свою ипостась. Обоих знал лишь Боб Салливан, только он и никто другой.

Днем Шарлотта и Боб встречались в небольшом домике у бассейна на самом краю двора дома Крамеров. К нему вела грязная, почти полностью скрытая деревьями дорожка, которой пользовалась компания, обслуживавшая бассейн. Боб даже зимой мог поставить машину так, чтобы ее не было видно с дороги. Двор огородили забором. Им обоим было что терять.

В тот вечер, когда мать приготовила курицу с розмарином, Дженни ушла к себе, не в состоянии больше оставаться за столом ни минуты, и села на краешек кровати. Она слышала, как мать вышла из дому, чтобы съездить за Лукасом и как они потом вдвоем вернулись. Хотела дожидаться, когда родители отправятся спать, но те завели очередной нескончаемый разговор. Девушка решила воспользоваться запасом таблеток, тайком позаимствованных в ваннах подружек, и выбрала небольшую белую. Такие всегда оказывались либо «Ксанаксом», либо «Лоразепамом», либо «Валиумом». Она таких названий не знала, но я узнал эти препараты по приведенному Дженни описанию – как по внешнему виду, так и по оказываемому ими действию. Двадцать минут спустя девушка уже спала. А

на следующее утро отправилась в школу на автобусе. Мать на прощание махнула ей рукой. Первый урок был в классе, второй в кабинете химии, третий в кабинете истории. После ланча она отправилась домой.

Как я уже говорил, Боб Салливан баллотировался в законодательный орган штата. По этой причине его жена, Фрэн, наняла детектива, чтобы следить за ним и собирать о нем сведения. Я обнаружил, что люди знают, когда что-то идет не так. Даже если интимная составляющая из брака уже исчезла, скрыть другие перемены бывает очень и очень трудно. Счастье, к примеру, очень не любит, когда его прячут в тени. В случае с Бобом жена просто слишком хорошо знала своего мужа.

В тот день, когда Дженни пошла домой, Шарлотта и Боб встретились в домике у бассейна. Он был совсем небольшой – раздевалка размером двенадцать на двенадцать футов с примыкающей к ней ванной. В комнату вела раздвижная дверь с жалюзи, внутри стоял диван, пол был выложен плиткой, на полках лежали полотенца, солнцезащитные кремы, лосьоны и прочие принадлежности для купания. И небольшая, включающаяся от голоса коробочка, которую установил нанятый Фрэн Салливан детектив.

И вот что она записала:

[звук закрывающейся двери и опускаемых жалюзи, слышен игривый женский смех]

«Рррр, иди сюда, сладкий мой».

[поцелуи, прерывистое дыхание]

«Сколько у нас времени?»

«Полчаса, поэтому снимай быстрее с себя одежду и ложись на пол».

[опять смех, вздохи, шорох снимаемой одежды]

«Сегодня тебе нужен мой ротик, да? Хочешь, чтобы я тебя полизал?»

«Да».

[женские вздохи, мужской стон]

«Будь ты моей женой, я бы каждый вечер съедал тебя на ужин».

[возбужденные женские охи]

«Подожди, остановись...» [взволнованный женский голос]

«Что такое?» [встревоженный мужской голос]

«Дверь в ванную... Она закрыта, но под ней... Мне кажется, я вижу полоску света». [женский шепот]

[тихое шуршание, затем становится тихо]

[громкий женский крик]
«Боже праведный! Боже праведный!» [испуганный мужской голос]
[женские крики]
«Ей надо помочь! Моя девочка! Моя маленькая девочка!»
«Она жива? Черт! Вот черт! Возьми полотенце и перевяжи ей запястья! Да потуже!»
«Моя девочка!»
«Перевязывай! Тяни! Туже! Боже праведный! Здесь столько крови... Пульс прощупывается! Дженни! Дженни, ты меня слышишь? Дай мне вон те полотенца! Боже мой! Боже праведный! Боже праведный!»
«Дженни!» [отчаянный женский голос]
«Звони 911! Дженни! Дженни, очнись!» [мужской голос]
«Где мой телефон?» [женский голос, шаги]
«На полу! Быстрее!» [мужской голос]
[шаги, женский голос звонит в Службу спасения и называет адрес, в нем пробивается истерика]
«Уходи! Немедленно! Иди!» [женский голос]
«Но я не могу! Боже праведный!»

Рассказ о событиях того дня давался Шарлотте с трудом. Но как-то утром, когда я нашел обходной путь, чтобы преодолеть возведенные баррикады, она собралась с мыслями и поведала мне следующее:

Обнаружив в ванной истекающую кровью Дженни, Боб повел себя как герой. Позвонив в Службу спасения, я сказала ему уйти, но он отказался. Ему было наплевать. В тот момент я увидела в нем мужчину, которого, кроме меня, не видел никто. Что бы там ни говорили о его жадности и прочих пороках, он рискнул всем, чтобы спасти моего ребенка. Боб разорвал пополам полотенце и обернул его вокруг запястья Дженни. Потом велел мне схватить один конец и потянуть на себя. Полотенце было пушистым, и туго его затянуть оказалось очень трудно. Он закричал мне: «Тяни!» Я сделала, как он велел, полотенце, наконец, было затянуто туго, и Боб завязал узел. Ту же операцию мы проделали и со вторым запястьем. Боже мой, мы оба были все в крови. Буквально пропитались ею. Ноги скользили по полу. Когда мы перевязали оба запястья, я позвонила в Службу спасения. Я сказала ему уйти, но он отказался. Я заплакала, нет, ни криков, ни истерики у меня не было, просто из глаз катились слезы, понимаете? Боб тоже плакал. Он

переводил взгляд с меня на Дженни с таким видом, будто не знал, что же доставляет ему большую боль. Затем погладил ее по лицу и пристально посмотрел на меня.

«А теперь слушай! – сказал он. – Она выкарабкается! Слышишь? Обязательно выкарабкается!» До нас донесся вой приближающихся сирен. Я опять заорала, чтобы он ушел. Взмолилась перед ним. Он по-прежнему твердил свое «нет», но потом все же понял. Мне было плевать на его карьеру, жену и репутацию, в тот момент меня волновала лишь собственная семья и Дженни. К моменту приезда полиции его там быть не должно. Он зарыдал сильнее, встал и сделал несколько шагов по окровавленному полу. «Я люблю тебя», – сказал Боб. И ушел.

Дженни и в самом деле выкарабкалась. И вот тогда на сцену вышел я.

Глава седьмая

Меня зовут доктор Алан Форрестер. Я психиатр. На тот случай, если вы не разбираетесь в дипломах специалистов, занимающихся проблемами душевного здоровья, я отношусь к тем, кто заканчивает медицинские вузы. Я доктор медицины, закончил с отличием Университет Джона Хопкинса, а потом прошел интернатуру в Пресвитерианской больнице Нью-Йорка, тесно связанной с Колледжем врачей и хирургов Колумбийского университета и Медицинским колледжем Вейла Корнелла. За двадцать два года практики был удостоен различных наград и знаков отличий, хотя у меня и нет «алтаря» всевозможных сертификатов наподобие тех, которыми наверняка увешаны стены врачей, которых вы посещаете. Кремовая бумага, выписанные каллиграфическим почерком латинские изречения, изящные деревянные рамки – все это напоминает мне трофеи, которые мой сын привозит домой после каждого спортивного сезона. Дешевка, отражающая единственно стремление обеспечить себя пациентами в будущем. Ничто так не привлекает клиентов, как обещание награды. Это не более чем реклама, и тот, кто выставляет подобные вещи напоказ, представляет собой что-то вроде человеческого «билборда».

Моя профессия – это бесконечный вызов. Любые достижения человека, по определению, относятся к прошлому. Вполне возможно, что они никак не будут способствовать лечению следующего пациента, переступившего порог вашего кабинета. Да, опыт действительно помогает нам стать лучше на избранной стезе, и моя профессия в этом отношении тоже не является исключением. Сейчас я, конечно же, намного точнее ставлю диагноз, чем в начале своей карьеры. Но по тому же опыту знаю, что диагноз – не самое трудное. Главная проблема, вечно бросающая врачу вызов, требующая безропотности и мастерства, это лечение – тщательная, сбалансированная, подобранная с умом комбинация медикаментов и психотерапии. Мозг каждого человека уникален и неповторим. Столь же уникальным и неповторимым должно быть и лечение. Я никогда не могу с уверенностью сказать наперед, что этот подход сработает, а вот этот нет. Говоря «сработает», я имею в виду «поможет», ведь цель, к которой мы стремимся, как раз и заключается в том, чтобы помочь человеку справиться с болью, причиняемой ему собственным мозгом.

Можете считать меня хвастуном, но я оказал эффективную помощь всем моим пациентам – всем, кроме одного. Это относится и к частной

практике, которой я занимаюсь в Фейрвью, на Черри-стрит, 85, и к школе более суровой закалки – работе в мужской тюрьме Сомерса.

Кроме меня, других практикующих психиатров в Фейврю нет. Доктор Марковиц, назначивший Дженни Крамер лечение, живет в Крэнстоне и частной практикой не занимается. Да, в нашем городе есть немало психологов, психотерапевтов, социальных работников и тому подобных, но ни один из них не вправе выписывать лекарства и не обладает специальными знаниями в области психофармакологии. Это первая причина, по которой Крамеры прибегли к моим услугам.

Вторая – это моя работа в Сомерсе. Раз в неделю я на добровольных началах на целый день (восемь часов, за которые в других обстоятельствах мне заплатили бы четыреста долларов) отправляюсь на север штата лечить преступников, страдающих от психических отклонений. Отбывающих наказание в Северной исправительной колонии Коннектикута. Это тюрьма самого строгого режима, пятого уровня безопасности. Чтобы вы не путались, объясню: те, кто сидит в Сомерсе, осуждены за совершение преступлений к тюремному заключению. Некоторые из них, по случаю, страдают от душевных расстройств. Преступников, признанных невиновными по причине их невменяемости, в тюрьму не отправляют. Им уготован собственный ад – в одной из психиатрических больниц штата. Иногда их после минимального и явно недостаточного лечения отпускают. Ирония заключается в том, что точной корреляции между степенью невменяемости преступника и его умением использовать эту невменяемость в свою защиту попросту не существует. Если человек, во всех остальных отношениях вполне «нормальный», зарежет любовника жены, застукав их на горячем, то это можно считать временным помутнением рассудка и за ним надо признать право на законную защиту. Но вот серийный убийца, а все они, заявляю это со знанием дела, клинические социопаты, рано или поздно неизменно окажется в камере смертников. Да-да, это гораздо сложнее, чем может показаться. Если вы адвокат по уголовному праву, то мои упрощенческие рассуждения, вероятно, заставят вас подпрыгнуть на месте. Но подумайте вот о чем: был ли Чарльз Мэнсон «нормален», когда отдавал членам своей «семьи» приказ совершить семь убийств?^[3] А со Сьюзен Смит, утопившей своих детей, все было в порядке? Или Берни Мэдофф – не безумен ли он был, когда накопил денег на три жизни, но при этом все равно продолжал строить свою финансовую пирамиду?

Помешательство – это не более чем слово. Преступники, с которыми я имею дело, совершили тяжкие преступления против личности, отклонения

в их психике варьируются от депрессий до тяжелых психозов. Я лечу их методом психоанализа, хоть и не в том объеме, который для этого необходим, подкрепляя его медикаментами. Администрация тюрьмы хотела бы, чтобы я всецело отдавал предпочтение лекарственным препаратам. По сути, они, будь у них такая возможность, позволили бы мне закормить психотропными веществами всех своих заключенных. От осужденного, если он пребывает под действием транквилизаторов, проблем не будет. Но это, конечно же, запрещено. В то же время вы вполне можете понять, почему они с таким рвением направляют ко мне каждого, кто вписывается в рамки их критериев. В течение дня заключенные выстраиваются в очередь у двери моего кабинета. Порой эта очередь разрастается, и тогда мне, чтобы принять всех, приходится уделять каждому из них меньше времени. Да, я так и делаю и от этого чувствую на душе тяжесть. По дороге домой перед глазами стоят их лица – и тех, с кем мне так и не удалось поговорить, и тех, кого я принял в спешке, выписав на прощание горсть таблеток. Бухгалтера ежеквартально проверяют расходы на выполнение моих предписаний, но оспаривать их они не могут. Как ни противно проводить дни в обществе тех, кто совершил тяжкие насильственные преступления, моя задача представляется мне жизненно важной. В наших тюрьмах полно людей, страдающих расстройствами психики. Определить, лежали эти нарушения в основе совершенных ими преступлений или же болезнь развилась уже на фоне их пребывания в атмосфере пенитенциарного заведения, очень и очень трудно. Хотя с точки зрения целей, которые преследую я, это не так уж и важно. Для меня главное то, что мышление преступника доступно моему пониманию.

Третья причина, по которой я стал лечить Дженни Крамер, связана с неким молодым человеком по имени Шон Логан. Расскажу об этом в самых общих чертах.

Исполозовав запястья, Дженни ночью пришла в себя. Отец сидел в палате – уснул в кресле. Когда она потом описала мне этот момент, у меня не осталось ни малейших сомнений, что она действительно хотела покончить с собой.

Мои глаза вдруг открылись, и я вновь увидела перед собой бледно-голубую занавеску. Она держалась на металлических кольцах, скользящих по металлической трубке вдоль стены палаты интенсивной терапии. Они положили меня в ту же палату, что и в ту ночь, когда назначили лечение. В ночь, когда меня изнасиловали. Ненавижу это слово. Мне говорят, что я должна произносить его вслух и вообще думать о случившемся, потому как это якобы поможет смириться с тем, что произошло, и тогда мне

станет легче. Но прогнозы врачей не сбылись, да?

Дженни подняла перевязанные руки.

Не знаю, чем они меня там пичкали, но я никак не могла стряхнуть с себя оцепенение и пребывала в какой-то эйфории.

– Ощущение было сродни тому, которое ты испытывала, когда принимала таблетки, найденные в домах подруг? – спросил я.

Ага. Затем на меня навалилось все и сразу. Будто лавина. Я умерла. Я живу. Прошедший год существовал только в моем воображении, и сегодня ночь, когда меня изнасиловали. Я почувствовала облегчение от того, что весь этого год оказался всего лишь дурным сном. Но потом накатил ужас, что все придется пережить еще раз. А затем во всех своих очертаниях проступила реальность – я порезала себе вены. Потом в голове закружились другие мысли. Поначалу повторился шок, через который я прошла, когда полосовала вены, а потом пришло облегчение от того, что ничего не получилось, потому как я, вероятно, сошла с ума, если пожелала такое с собой сотворить. Но вслед за этим в памяти всплыл мотив, заставивший меня это сделать, и мне стало ясно, что никакая я не сумасшедшая. У меня были причины, самые что ни на есть весомые, и сейчас они тоже никуда не делись. Меня переполняла мерзость, которую я последнее время ощущала каждый день. Ощущение было такое, будто я отталкиваюсь от дна бассейна, всплываю и оказываюсь в том же самом месте, где была перед тем, как нырнуть. Понимаете? Я оказалась в том же месте, что и раньше. Попыталась прижать руки к животу, как всегда, когда думала о той мерзости, которую ощущала внутри, но запястья были привязаны к кровати. И в тот момент поняла, как же меня взбесило то, что я не довела начатое до конца.

В этот момент Дженни заплакала. Уже не впервые. Но на этот раз это были слезы ярости.

Знаете, мне было трудно. Я сидела в ванной и все плакала и плакала. В основном думала о Лукасе, об отце и о том, как все это на них отразится. О маме тоже, но она сильнее их. Мне казалось, что мой поступок приведет ее в бешенство. Я уже почти передумала, но потом сказала себе: просто сделай – и все будет кончено! Лезвие действительно было острым, и мне было больнее, чем я думала. Самое мучительное было не когда я резала, а когда в вены проник воздух. Ощущение страшной язвы или ожога. Я перерезала вены на обоих запястьях. Вы даже не представляете как это тяжело. Поранить одну руку, но потом повторить то же самое с другой, зная, как тебе будет больно. Говорят, что смотреть на кровь нельзя, потому что в этом случае человек инстинктивно пытается себя спасти.

Но не смотреть я не могла. Это оказалось правдой. Сердце выпрыгивало из груди, и в голове заходился криком голос: «Остановись! Остановись!» Я осмотрелась вокруг в поисках чего-то такого, чем можно было бы перевязать руки, но перед тем, как приступить к осуществлению задуманного, я убрала из ванной все. Я ведь знала, что попытаюсь остановиться на полпути, что предприму что-то подобное. И мне пришлось с этим упорно бороться. Вы понятия не имеете, насколько это было трудно. Я была вынуждена закрыть глаза и сосредоточиться на смутном чувстве, которое воспринималось чем-то вроде радости. Мне казалось, что я попросту все от себя отпускаю. Я так и сделала – закрыла глаза, позабыла о мучительной боли и перестала замечать обращенные ко мне крики. Просто все от себя отпустила. Да, я все это проделала, прошла через мучения, но все равно ничего не добилась.

– Ты злишься? – спросил я ее.

Дженни кивнула, из глаз ее брызнули слезы и покатались по щекам.

– На кого?

Чтобы ответить, ей потребовалось некоторое время. А заговорив, она не стала называть имя, а лишь намеком обозначила предмет своего гнева. Что она там делала? Та ванная – последнее место, где она могла оказаться. Бассейн еще даже не функционировал. А на земле кое-где белели островки снега. Как ее, в конце концов, туда занесло?

Дженни ничего этого не сказала, когда открыла глаза и увидела отца. Предпочла оставить эмоции при себе. Однако Том Крамер был достаточно восприимчивым человеком, чтобы заполнить своими чувствами всю больницу. Он склонился над кроватью.

Слава Богу! Я повторял это вновь и вновь. Попытался обнять дочь, но она была такая хрупкая, запястья ее туго перехватывал толстый слой бинтов, к тому же ее привязали к кровати. Я прижался к Дженни щекой, ощутил запах ее волос и кожи. Увидеть, что она пришла в себя, мне было мало. Нужно было еще чувствовать ее, вдыхать ее аромат... Боже праведный, какое бледное у нее было лицо. Совсем не такое, как в ту ночь, когда на нее напали. Тогда она выглядела безжизненной. А сейчас, утром, когда за окнами едва занимался рассвет, – мертвой. Я никогда не думал, что между двумя этими понятиями может быть разница. Но она есть. Она существует на самом деле. Открытые глаза Дженни смотрели на меня и на потолок. Но рядом со мной ее не было. Моя милая дочь витала где-то далеко-далеко. В палату вошел доктор Бейрд, его сопровождал доктор Марковиц. Вновь оказаться в больнице вместе с двумя этими врачами для меня казалось фантастикой. Незадолго до этого я стал

принимать на веру слова жены, утверждавшей, что Дженни идет на поправку. Что она выздоровеет и этот мрачный период нашей жизни наконец закончится. Должно быть, я действительно ей поверил. Размышляя об этом сейчас, я понимаю, что надо было не отбрасывать сомнения, а примерять их на себя. Будто я, единственный в семье, не сумел справиться с бедой. Будто проецировал на дочь собственное отчаяние, в то время как на самом деле с ней все было в порядке. Я один никак не мог смириться с тем, что этого монстра так и не найдут. Боже мой, не могу поверить, что вот-вот произнесу это вслух. Мне даже кажется, что я страшно злился на Дженни за то, что она ничего не помнила. За то, что не могла помочь полиции найти его и наказать за то, что он сделал. Может, это безумие, когда человека неотступно преследует мысль о мести?

– Нет, – заверил я его. – Вы ее отец. Это инстинкт.

Я сознательно произнес эти слова, чтобы немного облегчить снедавшее его чувство вины, пусть даже рискуя поощрить его на поиски насильника Дженни. Сейчас я немного жалею, что не отговорил его слепо следовать инстинктам. Инстинкт может объяснить ту или иную реакцию, но это еще не означает, что эта реакция является лучшим образом действия. Как бы там ни было, Тому стало легче.

Все правильно! Я будто помогал самому себе! Целыми днями смотрел по телевизору новости. То CNN, то CNBC, то Fox. Все надеялся услышать еще об одном аналогичном нападении. Искал в Гугле. Представляете? Часть моего естества хотела, чтобы это чудовище изнасиловало кого-то еще и у полиции появился бы шанс его найти. Я ужасный человек. Но мне на это наплевать, понимаете? И не зазорно признаться в этом другому человеку. Делайте что хотите, посылайте меня прямо в ад. Отправляйте в тюрьму. Куда угодно. Вновь оказаться в больнице с дочерью и теми же самыми докторами! В этой долбаной палате интенсивной терапии! Да пошла она, эта жизнь! А я вместе с ней. Я должен был знать, что с ней что-то не так. Боже правый, кому же еще знать, как не мне, ее отцу. Но после потрясения, которое я испытал в больнице, теперь мне известно, что я просто позволил себе поверить, что все хорошо.

Том решил противиться воле жены, хотя в тот день мне об этом не сказал, а признался лишь несколько недель спустя. Так образовалась первая трещина. Их семья, их брак стали распадаться. И так уж случилось, что в то утро, когда Дженни вскрыла себе вены, Шарлотта вновь совершила мерзкий поступок – по отношению как к Дженни, так и к ее отцу.

Для меня это не стало неожиданностью. Но искусство лечения в том и

закljučается, чтобы дать пациенту возможность сделать собственные выводы. Именно так, врач должен проявлять терпение, чтобы с одной стороны подпитывать этот процесс, но с другой – не вмешиваться в него. Как просто было бы мне подвести Тома к выводу о том, что он злился на жену за то, что ей удалось убедить его в скором выздоровлении Дженни. Всего-то парочка оброненных к месту слов. Фраза здесь, предложение там. Упоминание о фактах, свидетельствовавших против его супруги. В конце концов, именно Шарлотта настояла, чтобы Дженни подвергли этому лечению. Она же решила отказаться от дальнейшего лечения и пожить какое-то время на Блок-Айленде, в относительной изоляции. А также утверждала, что все нормально, несмотря на то, что Дженни напрочь утратила интерес к жизни. Делала мужу замечания каждый раз, когда он переводил разговор на тему изнасилования дочери. Ничего такого я не сказал. И соблюдал величайшую осторожность. Врач обладает огромной силой внушения. Огромной.

Не буду говорить о том, насколько оправданы были чувства Тома. Чувства не нуждаются в оправдании. С одной стороны, Шарлотта была непреклонна в своей версии истины. Воспоминания об изнасиловании были стерты из памяти дочери, следовательно, его попросту не было. Сейчас вполне очевидно, что она ошиблась, хотя руководствовалась лучшими намерениями. Впрочем, совсем уж обманывать себя женщина тоже не собиралась. Доктор Марковиц назначил лекарства, и память Дженни претерпела изменения. Она не помнила об изнасиловании ровным счетом ничего. Шарлотту нельзя винить в том, что она не понимала механизмов ни человеческого мышления, ни разрушительных побочных эффектов лечения, которые только-только начали о себе заявлять. И это возвращает нас к Шону Логану.

Глава восьмая

Шон Логан служил в подразделении «Морские котики». Он вырос неподалеку от Нью-Лондона, того самого города, в котором жила Шарлотта Крамер. Отец его служил на флоте, а дед умер заслуженным моряком, удостоенным целого ряда наград. У Шона было шесть братьев и сестер, трое старших и трое младших, поэтому он как средний чувствовал себя в семье потерянным. Внешне он был красавцем. Мне нет никакого дела до того, мужчина вы или женщина, традиционная у вас ориентация или же вас, скорее, следует отнести к категории гомосексуалистов, а заодно и сколько вам лет. Вы никогда не смогли бы взглянуть на Шона Логана, не поразившись его физической красоте. В нем привлекало не что-то одно – ясные голубые глаза, густые темные волосы, мужественные очертания скул и бровей. Взятые вместе, его черты создавали поистине идеальный профиль. Но на этом холсте неизменно отражались те или иные эмоции. Шон не умел их скрывать. Его радость не знала границ, ничего подобного ей я потом не видел еще много лет. Его чувство юмора, весьма своеобразное, легко передавалось другим. Он смешил меня больше любого другого пациента, обращавшегося ко мне за помощью, и это при том, что я прилагал немалые усилия, чтобы сохранять стойкость. Смех вырывался из моего горла, будто лава из жерла вулкана. Любовь его была глубокой и чистой, а боль отравляла собой все вокруг.

В колледж Шон не пошел, хотя и выиграл грант на обучение в Брауновском университете. Он был парень на редкость энергичный, проворный и упорный. Но при этом не мог держать все в себе. Каждого из нас, или по меньшей мере большинство, время от времени переполняют чувства. Вспомните момент, когда вы впервые в жизни влюбились. Или когда увидели своего новорожденного ребенка. Вероятно, в душе вашей шевельнулся страх, когда в самый последний момент удалось избежать аварии или вас охватила безудержная ярость, когда кто-то умышленно причинил вам или вашей семье вред. Вы можете целыми днями ничего не есть, не спать по ночам, не контролировать свои мысли, которые неизменно будут возвращаться к тому источнику, который нарушил привычное течение вашей жизни. Если этот источник относится к категории положительных, например как «влюбленность», человеку может казаться, что он счастлив. Но это не счастье. Страх от того, что мы не знаем, как вписать эту новую ситуацию в повседневную жизнь, а заодно и какого от

нее ждать развития, обуславливает некий сбой. Мозг переходит в режим настройки, пытаясь приспособиться к подобным переменам в эмоциональном состоянии. Что же до истинного счастья, то о нем можно говорить, только когда отношения устоялись и приобрели стабильный характер. Когда вы ночью спите рядом с новой возлюбленной и знаете, что она никуда не денется.

А теперь представьте, что после вышеупомянутого сбоя это новое состояние покоя не приходит и вместо него вы продолжаете и дальше испытывать все то же сильное чувство. Его отнюдь нельзя назвать безобидным, наоборот, оно, скорее, довольно мучительно.

В своей практике мы, психиатры, определяем подобное состояние как тревогу в той или иной форме. Иногда оно переходит в обсессивно-компульсивное расстройство. В других случаях мы классифицируем его как общее тревожное расстройство.

Подобно другим психическим нарушениям, различные типы тревожных расстройств в значительной степени похожи друг на друга. Для каждого из них должно быть свое название, чтобы мы могли понимать, о чем идет речь, ведь в нашем случае диагностика отличается от определения физических недугов, таких как грипп. Психиатр не разглядывает в микроскоп паразитов. Все, что есть в нашем распоряжении, это наблюдения и, надеюсь, грамотные выводы.

У меня было немало пациентов, подобных Шону, но его случай все же исключительный. Подобрать им правильное медикаментозное лечение непросто. Я могу сделать так, чтобы они спустились с небес на землю, но тогда они в этом состоянии и останутся. Если большинство из нас, проходя через подобные возвышенные чувства, рано или поздно возвращаются к привычному образу жизни, то перед такими пациентами всегда стоит выбор. На мой взгляд, их состояние чем-то сродни пагубной зависимости, и выбор в данном случае сводится к тому, хочет ли такой человек вернуться в норму или нет. К чему он больше стремится – к размеренной жизни или же к постоянному возбуждению и эйфории? Лично я, конечно же, выбрал бы первое.

С Шоном я познакомился после того, как он поступил на службу во флот. Тогда ему было всего семнадцать лет, и он, по его собственному выражению, «не переставал радоваться и удивляться жизни». Без конца менял подружек, пил, принимал наркотики, причем еще в школе. Его матери все это до смерти надоело. Двое старших детей вернулись домой – один закончил колледж, второй бросил учебу. Трое младших по-прежнему в чем-то нуждались – их нужно было кормить, гулять с ними, стирать

рубашки. Самая старшая сестра в двадцать три года забеременела и стала матерью-одиночкой. А теперь иногда оставляла ребенка матери, чтобы отправиться в офис, где она работала менеджером. Здесь я хочу донести до вас мысль о том, что сам Шон не знал, как справиться со своими проблемами, а никто другой взваливать их на свои плечи не хотел. Поэтому по окончании школы он добровольно пошел служить на флот.

Жизнь военного для Шона стала неплохим вариантом. Требования к физической форме, постоянные тренировки и нагрузки на организм представляли собой своеобразное средство от тревоги. Эндорфины и адреналин, вырабатывающиеся в результате аэробных упражнений, представляют собой химические соединения, улучшающие самочувствие. Это объяснение представляется самым простым. Человеку, пребывающему в состоянии тревоги, существенные физические нагрузки могут принести значительное облегчение. Шон стал одним из лучших и прошел подготовку всего за полтора года. В восемнадцать лет отправился в Ирак и вернулся домой сразу после того, как отпраздновал девятнадцатый день рождения. Родители гордились им, братьев и сестер раздирали два противоречивых чувства – восхищение и зависть. Но в отсутствие образа жизни, ставшего для него привычным, и природного наркотика, вырабатываемого чувством постоянной опасности, на Шона вновь навалилась тревога.

Док, вы когда-нибудь пробовали кокаин? – Он спросил меня об этом, заранее зная ответ. Это Шон так шутил. – *Что-то вы разволновались.*

Я и сейчас вижу, как он сидит на диване у меня в кабинете, широко расставив ноги и сжав в кулаки руки. Его пробивает дрожь.

Да, все выглядит именно так. Будто какая-то часть вашего тела должна обязательно двигаться, чтобы избавиться от нервного напряжения. Вы не можете спать. Не испытываете голода. И можете часами нести всякую чушь.

– Звучит невесело, – сказал я.

Шон засмеялся.

Знаю, док, знаю. Чашечка чая и хорошая книга. Но не всем дано быть святыми.

– Когда вы принимали кокаин?

Ха! Во всяком случае, не в десятом классе. Я лишь хочу сказать, что все это время чувствовал себя будто после кокаина. Понимаете, проведя в пустыне столько времени, я уже забыл о своих былых ощущениях. Спал там как младенец. И никогда не интересовался, что происходит у меня внутри.

– А как вы себя чувствовали, когда возвращались домой в прошлые

разы, до последнего задания?

Хреново, старина, на редкость хреново. Казалось, что я мечусь в клетке, будто дикий зверь в зоопарке. Я просыпался и на короткое время испытывал в душе покой. Но потом в меня вновь заползала тревога, и через какое-то время внутренности чуть не лопались от желчи. Тогда я прыгивал с кровати, убегал к чертовой матери из дому и бежал до тех пор, пока хватало дыхания. Потом возвращался, целовал маму в щечку, хватал банку пива, спускался в подвал и до дрожи в мышцах таскал тяжести. Пару часов после этого чувствовал себя хорошо. Остальную часть дня проводил за выпивкой. А к травке больше не прикасался. Рисковать не хотелось, понимаете?

– А Тэмми, ваша жена? Вы говорили, что встретили ее во время очередного увольнения. Как она вписалась в эту картину?

Шон улыбнулся и подмигнул.

Ну, здесь я поставил бы на одну доску выпивку и траханье. Пил и одновременно трахался – вот чем я занимался целый день. Просто заходил в какой-нибудь бар и останавливал взор на очередной цыпочке. Проще простого. Я говорю как суций кретин, но так оно и было. Не знаю, в школе мне так не везло. Может, они жалели меня за то, что вечером мне опять придется возвращаться в часть.

Я ни капли не сомневался в его словах. Чтобы привлекать женщин, Шон обладал всем необходимым.

Думаю, я просто проявил беспечность. И когда в следующий раз вернулся на побывку, у меня уже были жена и ребенок.

По моему убеждению, Шон Логан, несмотря на свою сексуальную распушенность, был очень хороший человек. И не только потому, что женился на матери своего ребенка. Шон был боец. Он сражался за свою жизнь, за здравость своего ума. В его глазах единственное, что могло сделать жизнь терпимой, это ощущение, что ты кому-то нужен, поэтому он приходил домой, когда ему велели, и делал все, чтобы любить жену и окружать заботой ребенка.

Но в этой ситуации его стал одолевает страх, хотя и совсем не так, как других мужчин, героев известных вам историй, страдающих от ПТСР или «подсевших на иглу» высокого уровня адреналина в крови. Такие по большей части перед тем, как уйти воевать, вели абсолютно нормальный образ жизни. В случае с Шоном все было с точностью до наоборот. Он стремился к войне, дабы убежать от себя.

Тэмми описывала это так:

Я люблю его. И прошу вас в этом не сомневаться. Нет, серьезно – я

бы умерла, если бы он хоть на мгновение заподозрил, что я не влюбилась в него с первого взгляда, как бы глупо это ни звучало. Вы даже представить себе не можете, на что был похож тот день. Шел дождь, было жарко и влажно. Мы с друзьями отправились выпить пива и поиграть в бильярд. Была суббота, и кроме этого заняться особо было нечем. Шон сидел в баре, рассказывал о каком-то сумасшедшем розыгрыше, который он устроил в Ираке своему дружку. Его смех заполнял собой весь зал. Он никогда не задерживался на всякой ерунде, ему неизменно хотелось, чтобы люди смеялись. Одной-единственной историей и своей потрясающей улыбкой этот человек мог поднять настроение целому залу. Я вошла, и он сразу меня заметил. На мгновение осекся, но поскольку аудитория замерла в ожидании, тут же продолжил, не спуская с меня глаз. Тогда я еще об этом не знала, но когда он решает чего-то достичь, то тут же превращается в питбуля. И не отпустит добычу до тех пор, пока не добьется желаемого. В тот день он захотел меня.

Тэмми была симпатичной женщиной, кареглазой, с длинными белокурыми волосами. Когда я с ней познакомился, ей исполнилось всего двадцать четыре, и мне кажется, что она неплохо чувствовала себя в ипостаси как матери, так и жены Шона. Мне стало интересно, что в своем рассказе в качестве сравнения она использовала питбуля. Эти псы, говорят, не разжимают челюстей до тех пор, пока животное, которое они схватили зубами, не испустит дух. Я не пытался узреть в этом что-то особенное. Питбуль в обиходе стал настоящим символом, и большинство людей до конца не понимают, что имеют в виду, когда используют это выражение. В то же время Тэмми выглядела так, будто из нее вышла вся жизнь. Рассказ о более интимных подробностях ее взаимоотношений с Шоном давался ей с трудом, но я чувствовал, что они очень важны, и поэтому приложил массу усилий, чтобы ее успокоить.

Ну хорошо. Итак, я, вероятно, тоже с ним флиртовала. Перехватила его взгляд и тут же отвела глаза в сторону. Обычное дело, так делают все женщины. Глупо, да? Сейчас я замужем, у меня есть ребенок, и все, что было тогда, кажется глупым и смешным. Хотя прием сработал. – Лицо Тэмми приняло игривое выражение, и я тут же увидел в ней женщину, на которую Шон обратил внимание тем дождливым днем.

Закончив рассказ, он извинился, взял свой бурбон с пивом и направился прямо к нашему столику. На его лице застыла бесстыдная улыбка, будто говорившая: «Я пришел сюда, чтобы оттрахать тебя, и не уйду до тех пор, пока не добьюсь своего». Это может прозвучать оскорбительно, но он походил на озорного мальчишку, в то время как я превратилась в

безмолвный труп. Шон подошел к музыкальному автомату, поставил песню Дэвида Боуи *Let's Dance* и пригласил меня на танец. Вы знаете эту композицию? «Надень свои красные туфельки...» Я всем телом ощущала его руки – сначала на спине, потом его ладонь скользнула на бедро, а пальцы другой зарылись в мои волосы. Раньше я никогда не испытывала рядом с мужчиной чего-то подобного. Ощущение было такое, будто его снедала какая-то отчаянная, первозданная потребность, удовлетворить которую могу одна только я.

Поверьте, я прекрасно понимаю, что удовлетворить его желание могла любая женщина, однако то чувство было совсем другим. Но даже в противном случае это не имело бы никакого значения. После танца мы немного выпили и посмеялись. Потом он вновь пригласил меня, а потом стал тихонько подталкивать в сторону небольшого коридора, заканчивавшегося дверью черного хода. Мы вышли на улицу. Дождь лил как из ведра. Он стал меня целовать и расстегивать на мне одежду. Его лицо утратило игривое выражение и стало убийственно серьезным. Ему нужно было выполнить важное задание – удовлетворить свою страсть. Казалось, что если он этого не сделает, то умрет в агонии. Его одержимость передалась мне и без остатка заполнила все мое естество. Мне тоже отчаянно захотелось помочь ему и спасти. И это желание зажгло во мне всю энергию, которую я ощущала в своем теле. Какую-то первородную силу. Я почувствовала себя диким животным, вцепилась в его одежду и стала ее срывать – до тех пор, пока не сняла достаточно, чтобы заняться любовью. Он поднял меня и прижал к кирпичной стене здания. Это было... Я даже не знаю... У меня нет слов, чтобы это описать.

Тэмми на мгновение улетела куда-то далеко-далеко, будто вновь переживала те мгновения. Я дал ей время собраться с мыслями, справиться с воспоминаниями и чувствами, которые они воскрешали. Потом она объяснила, как привела его к себе домой. Как они последующие два дня не вылезали из постели до тех пор, пока ему не настала пора уходить и отправляться на выполнение следующего, третьего задания. Затем она сообщила мне нечто такое, на что я поначалу не обратил особого внимания. Ей нужно было поведать мне о многом другом, и для лечения Шона я должен был выслушать ее рассказ. Саму Тэмми я поначалу лечить не собирался. Но несколько месяцев спустя, когда я уже работал с Крамерами, воспоминания о тех ее словах молнией вспыхнули в моей голове.

Тем, кто никогда не сталкивался с терапией подобного рода, может показаться странным, что в ходе этого процесса обнаруживается очень

много деталей интимного свойства. Вероятно, именно по этой причине пациенты отдают предпочтение врачам одного с ними пола, чувствуя себя в этом случае не так неловко. Но в этом нет необходимости, потому как неловкости в психотерапии не место. Независимо от того, кто рассказывает мне о своих сексуальных контактах – мужчина или женщина, я реагирую совершенно одинаково. Потому что слушаю их не из какого-то извращенно-похотливого интереса, а как ученый, как клиницист. Это то же самое, что обсуждать подобные проблемы с гинекологом или урологом. И сексуальная составляющая жизни человека неразрывно связана с его психикой.

Могу признаться лишь в одном: когда женщина рассказывает мне о своих постельных хитростях и уловках, я начинаю оценивать свой собственный брак и интимные аспекты отношений с моей женой. Нет, недомолвки и притворство в этой сфере меня не беспокоят. Я знаю, что без них не обойтись. Мы уже обсуждали тот факт, что каждый из нас лжет или что-то скрывает. И я даже не надеюсь, что жена станет говорить мне чистую правду о наших сексуальных отношениях. Но за долгие годы практики я научился проникать в суть и приобрел знания, позволяющие задавать в нужное время правильные вопросы, чтобы свести обман до уровня, приемлемого как для нее, так и для меня, а заодно и для моего мужского самолюбия. Мне очень хотелось бы сказать, что я, возвращаясь домой, напрочь забываю то, что рассказывают мне пациентки, но это так же невозможно, как если бы у меня на приеме побывал электрик, поведавший о том, как чинить проводку после короткого замыкания. Человек не теряет приобретенных знаний. Мы устроены иначе.

Тэмми призналась, что тогда, во время их встреч, не испытала ни одного оргазма. Сказала между строк, потому что была скромной и не являлась моей пациенткой. Процесс был для нее чем-то совершенно новым, и она добровольно принимала в нем участие, только чтобы помочь мужу. Вопрос возник в тот момент, когда мы приступили к обсуждению того, насколько часто они предавались любовным утехам, в том числе и на первом этапе их знакомства. Этот факт она привела, объясняя мне, что дополнительный половой акт был необходим ей по той причине, что она оставалась неудовлетворенной. Копать глубже я не стал, лишь поинтересовался, почему, на ее взгляд, так получалось.

Все это, его желание, его поведение в постели, воспринималось очень остро. Его напор был удивительно мощным и стремительным, это ощущалось даже в манере целоваться. Он кусал мои губы до крови. У меня даже не было возможности перевести дух. Я будто не могла расслабиться достаточно для того, чтобы вознестись к вершинам

блаженства. Порой мы занимались любовью по целому часу, мое сердце бешено колотилось в груди, а наша кожа от пота становилась мокрой и скользкой. Это было примерно то же, что пытаться заниматься сексом, когда бежишь марафонскую дистанцию. Но сейчас все по-другому. Теперь мы знаем друг друга, и мне стало намного уютнее. Лекарства помогают Шону справиться с тревогой. Теперь все в порядке, правда. Тогда же я знала только один аспект его личности.

На этом мы остановились. Слова Тэмми мне вспомнились лишь год спустя, когда я завел аналогичный разговор с Шарлоттой Крамер. Полагаю, мне нужно немного рассказать, как я работал с Крамерами, когда они меня нашли. Мы с Дженни сразу же стали трудиться по два часа в день. Вскоре она влилась в группу моих пациентов, испытавших психическую травму, и это, как вы впоследствии увидите, во многих отношениях стало поворотным пунктом. Раз в неделю я встречался с ее отцом и матерью, иногда раз в две недели, если это их устраивало. И Дженни, и Том представляли для меня открытую книгу. Но не Шарлотта. Боль и с недавнее ее чувство вины – как из-за отношений с Бобом Салливаном, так и потому, что она проглядела отчаяние Дженни – дали мне в руки мощное оружие, позволившее сокрушить все защитные бастионы этой женщины.

О том, что пора, я понял примерно через три недели после начала лечения. То, что она хранит какие-то тайны, мне было очевидно с самого начала, и в тот день я решил вытащить их на свет божий. В разговоре между нами повисла тягостная пауза, и я не сделал ничего, чтобы нарушить молчание. Не могу сказать, как долго это продолжалось. Нам кажется, что мы точно чувствуем время, но в подобные мгновения одна минута может восприниматься как десять. Она нервно перекинула левую ногу на правую, потом правую на левую, и я наконец заговорил:

– Вы верите, что все ваши откровения останутся между нами? Независимо от того, о чем пойдет речь. Что даже закон не в состоянии заставить меня выдать ваши тайны?

Ну конечно. То есть... да. Мне это известно.

Я кивнул:

– Тогда почему вы мне ничего не рассказали?

В ее секреты я посвящен не был. А она была женщина умная. Чтобы вы в этом не сомневались, скажу, что мои утверждения, будто я что-то знаю, ее отнюдь не убедили.

Шарлотта, скорее, отчаянно нуждалась в поводе для того, чтобы обо всем мне рассказать. И я ей такой повод дал.

Не знаю, – сказала она. – Я не думала, что это так бросается в глаза.

Именно в тот день она поведала мне о своей любовной связи. И в тот же день я вспомнил разговор с Тэмми.

– Почему для вас это так важно? – спросил я Шарлотту. Нам нужно было покопаться в ее прошлом, добраться до второй тайны, добраться до альтер эго и накормить его. Вот почему этот вопрос оставался открытым.

Я не знаю.

Я спросил, хотелось ли ей что-то узнать, поговорить об этом и поможет ли это как-то ее семье. Она на мгновение застыла в нерешительности, но все же согласилась.

– Ну хорошо, давайте начнем с того, что лежит на поверхности, – сказал я. – Ваша проблема как-то связана с сексом?

Перед тем, как ответить, ей пришлось задуматься.

Знаете, это как-то странно. По правде говоря, встречаясь, мы только этим и занимаемся. А когда его рядом нет, то есть львиную часть времени, я думаю о сексе с ним. Но хотя это продолжается вот уже три года, я ни разу не испытывала... ну... вы понимаете.

– Оргазма? – спросил я. Для меня вошло в привычку использовать разные слова. Обычно мужчины говорят «кончить». Они используют этот термин с такой легкостью, будто говорить о чем-либо подобном в таком ключе вполне нормально. Кончить, член, жопа, сиськи, дырка. Мужчины пользуются этими терминами без всякого стеснения. А вот женщины нередко затрудняются в выборе слов, обиходных названий избегают, хотя медицинские, по всей видимости, тоже ставят их в затруднительное положение. Чаще всего они умышленно запинаются и ждут, когда я приду им на помощь. Я без проблем довожу до конца их мысль и во время разговора устанавливаю приемлемые с моей точки зрения границы.

Шарлотта кивнула.

Да. Ни разу.

– А с Томом?

Почти всегда. По крайней мере в те времена, когда мы с ним занимались любовью. Раньше, пока все это не началось, мы укладывались в постель регулярно. Наверное, раза три в неделю. Полагаю, что для брака так долго желать друг друга – это благотворно и полезно. Вы так не считаете?

Я кивнул, не поднимая головы, не столько из согласия, сколько из желания обойти этот вопрос молчанием. Благополучие их интимных отношений относилось совсем к другой сфере, я же хотел сосредоточить внимание Шарлотты на ее любовной связи с Бобом.

Но я перестала получать от секса с ним удовольствие. Не знаю, когда

это случилось. Несколько лет назад. Интим – нечто большее, чем просто... ну... вы понимаете. Для мужчин, возможно, дело обстоит иначе, но вот для женщин точно нечто большее. Наша взаимная энергетика как-то изменилась, и постельные утехы приобрели механический характер. А вот с Бобом, прости меня, господи, стоит закрыть глаза, и я вновь вспоминаю его руки на моем лице, а по спине пробегает дрожь.

В этот-то момент мне и вспомнились откровения Тэмми Логан.

– Так что же случилось с Бобом?

Просто... ах... как же это описать? Я ощущала возбуждение и хотела его. Его индивидуальность всеохватна, она больше самой жизни. Вы когда-нибудь встречали подобного человека? Мужчину, который попросту привык доминировать? Он может просто войти в комнату и взять желаемое. У него такая энергетика. Когда мы остаемся вдвоем, он направляет эту энергию на меня, и я ощущаю ее с такой силой, что буквально в нем растворяюсь. В такие моменты на каком-то первородном уровне со всей очевидностью становится ясно, что он мужчина, а я женщина. Мое возбуждение бьет через край. Будто я достигаю чего-то большего, чем оргазм. С Томом все по-другому. Когда я пытаюсь вызвать в душе те же эмоции и ощутить его первородную силу, то сталкиваюсь с непонятным затруднением. Ощущение такое, будто я никак не могу почувствовать в нем «самца». – Шарлотта пальцами изобразила кавычки.

Потом я обратился к ней с тем же вопросом, который когда-то задавал Тэмми:

– Но если вы не получаете физического удовлетворения, значит, он дает вам что-то в другом плане, не связанном с сексом. Что-то такое, что удовлетворяют иную вашу потребность. Может, вы хотите поговорить об этом?

И та, и другая ответили мне одинаково:

Да. Он действительно удовлетворяет мою потребность. Игрет роль наркотика, а я – наркоманки.

Через месяц после ухода Шона Тэмми стало тошнить. Затем не пришли месячные. Подруги советовали сделать аборт, но она не могла заставить себя на это пойти, отторгая подобную мысль по моральным соображениям. Это же был Шон, мысли о нем никогда ее не покидали, они заполнили собой все ее естество, хотя он ушел, хотя она едва его знала. Ей не нужно было мне ничего объяснять. Повстречав его, вы бы и сами все поняли. Я не в состоянии описать своими словами все его достоинства, в отличие от качеств Боба Салливана – в этом плане они люди разные.

Тэмми написала Шону и рассказала о своей беременности. Несколько

недель спустя в кабинет зубного врача, у которого она работала помощником, доставили маленькое колечко из числа тех, которые принято дарить на помолвку. И на том все. Только кольцо. В ответ она написала длинное письмо, объяснив в нем, что хотя жест ей и понравился, в нем не было необходимости, что она что-нибудь придумает. Шон на это прислал ей всего лишь три слова, написанные на обычном клочке бумаги. *Да или нет?* Девушка отписала тотчас же. *Да.*

Вот каким человеком был Шон Логан.

Но романтики в их любви не было. Шон вернулся, чтобы жениться на Тэмми и воспитывать сынишку Филиппа. Но его тревога и то поведение, посредством которого он привык ее лечить, плохо увязывались с браком и отцовством. Ему напрочь не хватало терпения на ребенка. Я совсем не имею в виду, что он выходил из себя и набрасывался на сына с руганью. Нет, просто он не мог проводить с семьей больше одного часа за раз.

Я начала замечать, что он не совсем нормальный. Шона будто изводил какой-то неизбывный зуд, от которого он очень страдал. Мне так хотелось обнять его, как я обнимала Филиппа, и прижать к себе, чтобы он почувствовал себя в безопасности и успокоился. Я очень его любила, но те средства, которые помогали ребенку, ему были как мертвому припарка. Шон был для них недостижим. Тогда я не понимала, что в его тревоге есть и другая сторона. Как и он сам. Когда его вновь призвали в строй, мы все отправились на базу – я, его мать и двое братьев. Отец попрощался с Шоном накануне вечером. Все плакали, крепко его обнимали, вырывали обещания вернуться домой целым и невредимым. У меня на руках был ребенок, и я, да простит меня Бог, не могла плакать. Нет, я не хочу сказать, что так уж радовалась его отъезду, но судьбу за это все же благодарил.

Шон отправился на выполнение своей четвертой миссии. Его в составе отряда из восьми «морских котиков» отправили в небольшую деревушку на разведку. В живых остался только он. Подразделение морских пехотинцев обнаружило его без сознания с раздробленной правой рукой, доставило в безопасное место и укрыло за броней БМП. В полевом госпитале Шону ампутировали руку. Там же назначили и лечение.

Глава девятая

Шон Логан стал моим пациентом ровно за семнадцать месяцев до того, как я начал работать с семьей Крамеров. Ко мне его направила врач из военно-морского госпиталя в Норвиче. Та, что затребовала карту Дженни Крамер для изучения ее клинического случая. По возвращении Шона домой она продолжала его наблюдать и следила за выполнением предписаний, в результате которых эти коновалы ошибочно поставили ему диагноз ПТСР. Да, симптомы действительно были схожие – депрессия, гнев, мысли о самоубийстве. Но в полевом госпитале молодому человеку назначили новую и совершенно непредсказуемую схему медикаментозного лечения. Предполагалось, что оно уменьшит ПТСР, но уж никак не приведет к его образованию. И никому даже в голову не пришло принять во внимание фактор снедавшей его тревоги. О ней в карте не было ни слова.

Люди часто задаются вопросом о том, что в нашей системе здравоохранения не так, что мы настолько отстали от остального цивилизованного мира. Обвиняют законы, фармацевтические компании, «национализацию», «денационализацию», все что угодно. Оправдания, оправдания, оправдания. Лично мне наплевать, сколько доктору будет платить больной и сколько усилий потребуется для его лечения. Перед вами сидит пациент. В бою он потерял руку. Воспоминаний о том сражении он лишился. Точнее, их у него украли. А теперь ему не остается ничего другого, кроме как блуждать в закоулках собственного разума. Как по-вашему – на него стоит тратить время? Неужели он не заслуживает, чтобы врач описал его клинический случай, который потом изучали бы в медицинских вузах и в интернатурах? Здесь никаких оправданий нет. Нет и быть не может.

Шону задали вопрос: *В вашей семье кто-нибудь страдал от психических расстройств?* Он ответил отрицательно. У него никогда не диагностировали тревожное состояние, никогда не лечили, и большую часть жизни Шон провел в убеждении, что он «просто такой как есть». Пока не пришел на прием ко мне.

Я в ярости. Продолжать нашу историю, не сделав этого признания, нет никакого смысла. Я в ярости, что Шон Логан, перед тем, как его направили ко мне, девять месяцев мучился. Я в ярости, что Дженни Крамер прошла курс лечения, но меня никто не попросил наблюдать ее в последующие месяцы. Конечно же, знай Крамеры, что в этом маленьком городишке

прямо у них под боком врач лечит человека, который после аналогичного лечения столкнулся с осложнениями, они быстрее бы обратились ко мне за помощью. И что бы тогда изменилось? Я скажу что. Дженни Крамер изучала бы математику, а не методики по укорачиванию собственной жизни. Она не взяла бы бритву, не вонзила бы ее в свою розовую плоть, не вскрыла бы вены и не обагрила бы кровью пол.

Оглядываясь назад на месяцы, прошедшие между изнасилованием и попыткой самоубийства, я во всем обнаруживаю смысл. О нападении на Дженни в Фейрвью знали все. Но то, что после проведенного лечения она об этом забыла, не стало достоянием публики. Я, конечно же, тоже об этом не ведал. Но когда встречал ее на улицах города, в кинотеатре или в кафе-мороженом, удивлялся, что ее поведение совсем не изменилось. Она не должна была вести себя, как раньше. Большую часть своей профессиональной карьеры я лечу пациентов, получивших психические травмы. Знаю: тот факт, что я работаю с преступниками в Сомерсе и одновременно с жертвами их преступлений – изнасилований, убийств, избиений, насилия в семье, – может показаться странным. Но в моих глазах в этом сокрыт глубокий смысл. Большинство обитателей Сомерса перед тем, как стать на путь преступления, сами были жертвами. Вы удивитесь, как много людей сталкивается с психическими травмами. По большей части они обращаются за помощью лишь много лет спустя, когда остепеняются и погружаются в рутину семейной жизни. И вот тогда, может, за столом, а может, и за рулем автомобиля, когда везут в школу детей, вновь испытывают в душе боль. Мои дела в Фейрвью процветают. Очередь у железной двери в Сомерсе с каждой неделей становится все длиннее и длиннее.

Я не в состоянии с уверенностью определить, что в случае с Дженни было не так. Может, на данный момент достаточно сказать, что я, специалист с многолетней практикой, вижу все с первого взгляда? И если уж я взялся делать те или иные признания, то к их перечню нужно добавить и то, что сложившаяся ситуация не оставляла меня равнодушным. Понимать, что что-то не в порядке, но не иметь никакого права навести справки, – с этим жить нелегко. Я хотел знать, почему ее никто не лечил. Почему она вела себя не так, как я ожидал. Почему я не видел в ее глазах никаких признаков пережитого изнасилования. В отсутствие сведений я спрашивал себя и обращался к моей профессиональной компетентности. Как бы ни разозлило меня местное медицинское сообщество, поняв, что мои наблюдения были верны, я, признаюсь, испытал облегчение. И мне жутко захотелось помочь.

Шарлотта Крамер пришла ко мне, когда Дженни еще лежала в больнице. Доктор Марковиц отказался выписывать ее без планового лечения в стационаре под наблюдением врача. Шарлотта возражать не стала. Какую бы ответственность каждый из нас, включая Тома и Дженни, ни возлагал на эту женщину за попытку самоубийства, сама она считала, что виновна в десять раз больше. Перепачканная с ног до головы кровью дочери, она рассказала детективу Парсонсу о том, как ее нашла. И хотя ей удалось замести следы пребывания в домике Боба Салливана, во всем, что касалось угрызений совести, она говорила совершенно искренне.

Я сел с ней в комнате для родственников и близких. Меня охватило ощущение дежавю. Я никак не мог поверить, что с этой несчастной девочкой опять что-то случилось. Но вот миссис Крамер на этот раз была другой. Помню, что в тот день, когда изнасиловали Дженни, она была одета для ужина в кругу друзей. И даже услышав о случившемся, сохраняла самообладание. С Томом Крамером все обстояло иначе. Божье правый, он превратился в кучу тряпья. Оба раза. В безвольную кучу тряпья. Миссис Крамер села на диван, закинула ногу на ногу и в чисто женской манере сложила на коленях руки. При этом ее била дрожь. Помню, что я все смотрел на ее правую ладонь, лежащую на левом запястье. Ей было очень тяжело. Я попросил ее просто рассказать мне, что случилось, от начала до конца. Она кивнула и сказала какую-то дежурную фразу, типа «конечно, детектив». Я хочу сказать, что в течение нескольких месяцев, еще до того, как я нашел синий «Сивик», мне доводилось не раз встречаться с Крамерами. Наверное, каждые несколько недель. Рассказывать им о ходе расследования, спрашивать, как себя чувствует Дженни.

До того, как эта «Хонда» появилась вновь, а это случилось через десять недель после попытки суицида, рассказывать особо было нечего. Но я понимал, что Том в этом очень нуждается, и поэтому старался. Может, я больше обращался к Тому, чем к миссис Крамер, но тем не менее. На тот момент мы уже были хорошо знакомы, но она обращалась ко мне так, как будто видит меня впервые. Как бы там ни было, Шарлотта набрала в грудь побольше воздуха и... Я никогда этого не забуду... Она разгладила ладонями свою белую блузку – ту самую блузку, которая была забрызгана кровью ее дочери. Затем отбросила с лица прядь волос, размазала кровь по лбу, но даже этого не заметила. Ощущение было такое, будто она совершала привычные движения, но при этом у нее настолько помутился рассудок, что она даже не понимала, что делает, размазывая кровь сначала по блузке, а затем и по лицу. Мне лишь хотелось,

чтобы кто-нибудь вошел, обнял ее и дождался, пока она наконец не заговорит.

Детектив Парсонс заглянул в свои записи и прочитал то, что ему тогда сказала Шарлотта:

Она сообщила, что увидела свет в ванной домика у бассейна. Там есть небольшое окошко, и я думаю, что она пошла во двор посмотреть, не упали ли с деревьев сухие ветки, чтобы потом отдать распоряжения садовнику. Увидев в окошке свет, она решила выключить его. И в этот момент обнаружила дочь. В подробности женщина не вдавалась. Она кашлянула, прочищая горло, и заявила, что позвонила в Службу спасения по сотовому телефону, который, как я полагаю, лежал у нее в кармане. После чего перевязала запястья Дженни полотенцами, чем, вероятно, спасла ей жизнь. Трудно сказать, в такие моменты счет идет на секунды, а «скорая» приехала только через десять минут. Я заносил пометки в блокнот. В какой-то момент Шарлотта умолкла. Сначала мне показалось, что она просто хочет дать мне все записать, но даже когда я оторвал ручку от бумаги, она все равно продолжала молчать. Тогда я поднял глаза, посмотрел на нее и увидел на щеках женщины два тоненьких ручейка слез. Это было странно, потому как других признаков того, что она плачет, не наблюдалось. Понимаете, Том был похож на перекошенный от боли кусок плоти – его глаза, рот, брови как-то сжукожились, а лицо побагровело. Но миссис Крамер лишь глядела невидящим взглядом перед собой, по ее щекам стекали слезы и капали на окровавленную блузку. Когда я посмотрел на женщину, она произнесла слова, которые я не забуду до конца жизни: «Это моя вина. Я это сделала. И мне это исправлять».

Доктор Марковиц тут же связался с военно-морским госпиталем и с женщиной, изучавшей проблемы уже известного нам лечения. Сказал, что когда-то у них был разговор о других жертвах психологических травм и о том, что она старается наблюдать за процессом их выздоровления. Внешне она была шокирована тем, что Дженни попыталась лишить себя жизни, но я считаю, что в тот момент говорила неискренне. Эта врач прекрасно знала, какие мучения испытывал Шон Логан, когда вернулся домой без правой руки и воспоминаний. Она наблюдала за ним в больнице и знала все симптомы, такие как хроническая бессонница или приступы агрессии в отношении жены, да еще и в присутствии сына. Он порвал с друзьями, перестал общаться с семьей и не желал больше знать тех, с кем когда-то служил на флоте. Ситуация усугублялась подспудной тревогой, которую раньше Шон лечил физическими упражнениями, выпивкой и сексом. В больнице ему назначили «Прозак» и «Лоразепам», которые несколько

видоизменили симптомы тревоги. Приди он ко мне до последнего задания, в ходе выполнения которого ему довелось потерять руку, я бы наверняка выписал бы точно те же лекарства. Врачи никак не могли понять, почему он не чувствует себя лучше. А все потому, что они не знали о двух жизненно важных вещах. Во-первых, снедавшая Шона тревога присутствовала и до последней миссии, в то время как они предположили, что она стала результатом ПТСР. Мне очень хочется их спросить – откуда у него взялся ПТСР, если он ничего не помнил о травмирующем событии? И не это ли было той единственной причиной, по которой ему назначили лечение? Злости на них не хватает. А во-вторых, им ничего не было известно о пагубных последствиях назначенного ими лечения, еще больше усиливающих тревогу – из-за вымывания эмоционального и психологического опыта из памяти о фактических событиях.

Свое состояние Шон описал, когда пришел ко мне впервые. Чувство юмора и непринужденность не возвращались к нему в течение многих месяцев. Он категорически отказывался носить протез. Похоже, ему хотелось, чтобы окружающие видели в нем калеку или уродца, потому как чувствовал себя таким внутри. Вы, конечно же, заметите параллели с Дженни Крамер.

Вечером я ложусь в постель. Желчи в груди нет. Врачи ее удалили, говорят, вместе с моей индивидуальностью. Я больше не тот веселый парень, которым был раньше. Но я бы с этим справился, понимаете? Проглотил бы нахрен всю свою боль, да еще добавки попросил бы, если бы мог что-то изменить. Я смотрю на пустой рукав, закрываю глаза и пытаюсь воскресить в памяти тот день. У меня есть рапорт, но откуда мне нахрен знать? Мы шли за одним парнем. Сведения были достоверные. В рейде принимали участие восемь человек при поддержке с воздуха. На помощь нам двигалось еще одно подразделение. Мы разбились на пары и двинулись по улицам. Моим напарником был другой «морской котик», Гектор Валансия. Мы попали в засаду. Ребята, высланные нам на подмогу, нашли его рядом со мной. У него снесло полголовы. Мы нарвались на самодельное взрывное устройство. Я лежал без сознания. С раздробленной рукой. Меня вытащили. Руку отрезали. Затем напичкали лекарствами. Я никого не виню. Потому что давал присягу и был к этому готов. Как и все мы. Вот дерьмо! Задай вам кто-то такой вопрос: «Если бы кто-то трахнул вас в поле, вы согласились бы принять лекарство, позволившее об этом забыть?», – что бы вы ответили? Я бы сказал: конечно, вашу мать! Но сейчас все это для меня лишь рассказ. И подобно любому другому рассказу, я не могу сказать, насколько он реален. Ощущение такое, будто

внутри меня притаился призрак, поселившийся в тот самый день. Он меня уже достал, бесится внутри, требует не слов из рапорта, а реальных воспоминаний – образов умирающего рядом товарища, крови, брызжащей из моей израненной плоти, ощущения боли, которую я должен был испытать, хотя бы на секунду, в момент взрыва. Этот призрак – опасный ублюдок. С каждым днем он становится все больше и больше и уже вытеснил из моего естества все остальное. Я пытаюсь обнять сына, ко мне прижимается жена, но ничто не в состоянии пробить возведенную им броню. В итоге битые тарелки, перепуганный малыш и плачущая супруга. Я чудовище.

Шарлотта Крамер позвонила мне по рекомендации доктора Марковица. Как уже говорилось выше, они с мужем хотели побыстрее прибегнуть к моей помощи. Перед тем как взяться за дело, я пригласил ее к себе в кабинет, хотя и заранее знал, что мне рано или поздно придется это сделать. Разве я мог отказаться? Я работал с Шоном, приобретал все больше опыта касательно лечения, которому подвергли дочь Крамеров, знал толк в подобных патологиях и в том, как их лечить, вел многих пациентов, ставших жертвами преступления и получивших психическую травму, прекрасно разбирался в лекарственных препаратах – думаю, что я больше, чем кто-либо, подходил для лечения такой пациентки, как Дженни. Добавлю еще один штрих к моему профессионализму в таком деле, как лечение жертв психологического шока. По правде говоря, напрямую к делу это не относится, но в юном возрасте я и сам стал жертвой нападения. Пациентам я этого не сообщаю, потому как мы не должны выходить за определенные рамки, но порой они заявляют мне что-то вроде «вам не понять, что это такое» или «я не в состоянии объяснить, что чувствую сейчас», особенно когда я говорю, что примерно представляю, о чем идет речь. Конечно же, очень немногие из нас в детстве не сталкивались с запугиванием, агрессией, а то и чем-нибудь похуже. И большинство в той или иной степени могут почувствовать себя в шкуре людей, ставших жертвой серьезных преступлений. Однако пациенты видят во мне лишь некое подобие скалы. Я не могу с ними плакать. Не могу сердиться. Не могу подавать виду, что они как-то на меня влияют. Им нужно дать свободу и возможность лупить меня кулаками в живот, не опасаясь причинить боль.

Я знаю, вы уже поняли, что я питаю к Шарлотте определенную слабость. Мне самому это стало ясно в тот момент, когда она вошла в кабинет и элегантно уселась на диван. Пожалуйста, не истолкуйте мои слова превратно. Шарлотта никогда не привлекала меня в том ключе, который для врача можно считать недостойным. Просто по тому, как прямо

она держала спину, как говорила с легкой аффектацией в голосе, по ее чистой, опрятной одежде, по аккуратно заправленной в выглаженные брюки блузке, по стянутым в тугой пучок волосам и даже по словам, которые она выбирала, я понял, что история Шарлотты Крамер будет богатой. Да, она будет непростой, но я в любом случае вытащу ее на свет божий, эта женщина сама мне все расскажет, хотя размах ее эмоциональных травм и мастерство, которое потребуется от меня, чтобы до них добраться, станут вызовом, приняв который, я получу глубокое профессиональное удовлетворение. Я без всяких колебаний могу признаться в этом кому угодно. Здесь меня вполне можно сравнить с адвокатом, выигравшим сложный судебный процесс, или со строителем, восстановившим дом после пожара или наводнения, разницы никакой. Можно ли в подобной ситуации говорить о сострадании к клиенту? Конечно. Но с какой бы проблемой тот ни столкнулся, – правовой, психологической или же строительной, профессионала, взявшегося ее решить, нельзя винить в том, что он испытывает удовлетворение от хорошо проделанной работы. Именно поэтому каждый из нас и занимается своим делом, не так ли?

Когда Шарлотта впервые пришла ко мне, мы проговорили с ней около часа. За это время она настолько прониклась ко мне доверием, что согласилась лечить у меня дочь. Позже я воспользовался ее расположением ко мне для того, чтобы добраться до ее собственного шкафа со скелетами. Я подобные вещи чувствую. Это жизненно важно и подобную способность со временем приобретает любой компетентный специалист. Для этого необходимо строго соблюдать рамки, проявлять сострадание и сохранять нужную дистанцию, не пытаясь ни сократить ее, ни увеличить. Ни один мускул не дрогнул на моем лице, когда она рассказывала мне об изнасиловании дочери и ее лечении, о последующем трудном годе и попытке самоубийства, хотя мысли в голове кружили в бешеном хороводе по описанным выше причинам. Раньше Дженни Крамер была для меня нерешенным пазлом, все фрагменты которого я теперь получил.

На следующий день я встретился с ними в больнице – с Шарлоттой, Томом и Дженни. Лукас пришел ко мне в кабинет некоторое время спустя. Не скажу, что мне довелось уделять ему много внимания во всей этой истории, но я действительно говорил с ним, а также консультировал Шарлотту и Тома по поводу того, как они должны выстраивать отношения с ним во время постигшего их кризиса. На изучение побочного воздействия, которое события подобного рода могут оказать на братьев или сестер жертвы, понадобилось бы слишком много времени. Когда ты

чувствуешь себя брошенным, когда кажется, что тебя никто не любит, когда тебе отказывают в положительных эмоциях, это отравляет жизнь не хуже жестокого обращения. Я убедился, что Лукас всего этого избежал. Дженни перевели в психиатрическое отделение – перед выпиской за ней в течение двух суток нужно было понаблюдать.

Когда мы встретились, я по глазам девушки понял, что она меня узнала и в подтверждение даже слегка улыбнулась.

Я видела вас в городе.

Она произнесла эти слова, и я вдруг осознал, что впервые слышу ее голос. Совсем не такой, как я предполагал. Мои слова могут прозвучать странно, но мы все грешим тем, что, не зная людей, с которыми встречаемся, автоматически приписываем им те или иные качества, основываясь на предрассудках или приобретенном ранее жизненном опыте. Мне казалось, что голос Дженни должен быть высоким, может даже детским. Но это было не так. Он оказался глубоким и даже чуть хрипловатым, такими голосами поют средних лет исполнители блюза. Подобное встречается сплошь и рядом. Подумайте – в жизни вы наверняка хотя бы пару раз сталкивались с людьми с таким тембром голоса.

На Дженни был больничный халат, завязанный сзади, и платье, которое родители принесли ей из дома. Поясок, по вполне понятным причинам, отсутствовал, поэтому оно свободно свисало по обе стороны кресла-каталки. Из рукавов, бросаясь в глаза, виднелись белые повязки.

Том бросился мне навстречу, остановился, схватил меня за руку и стал трясти с такой силой, будто собирался вытряхнуть из моих конечностей снадобье для лечения дочери.

Мы так рады, что нашли вас.

Том говорил искренне. Мы сели, и они уставились на меня, ожидая, что мои уста исторгнут какие-то волшебные слова.

– Буду счастлив помочь вам, если, конечно, смогу, – сказал я. – Но сначала, Дженни, позволь задать тебе один очень важный вопрос.

Девушка кивнула. Том посмотрел на Шарлотту, та ответила ему взглядом, в котором явственно сквозило ободрение. Они оба кивнули в знак согласия, и я продолжил:

– Дженни. Ты хочешь вспомнить, что с тобой случилось той ночью в чаще?

Никогда не забуду выражения, которое ее лицо приняло в тот момент. Ощущение было такое, что я проник в главную тайну Вселенной и познал истину о Боге. Когда я произнес эти слова, девушка поняла, что подспудно мучило ее все это время, но теперь стало ясно как день. Ее лицо выражало

облегчение и столь искреннюю признательность, что более глубокого удовлетворения я не испытал за всю свою дальнейшую карьеру.

Дженни кивнула, сдерживая слезы, но они все равно брызнули из ее глаз.

Да, – ответила она.

Отец прижал ее к себе, мать взяла за руки, а девушка все повторяла и повторяла:

Да, да, да...

Глава десятая

Полагаю, сейчас самое время вернуться к синей «Хонде Сивик» и к тому, как ее вновь обнаружили в Фейрвью. Если вы помните, эту машину соседский мальчонка видел в тот самый вечер, когда произошло изнасилование. Он говорил, что автомобиль стоял на обочине дороги со стороны леса. Ему показалось, что на ней были нью-йоркские номера. На этом все. Он не смог сообщить ни год выпуска модели, ни других сведений, способных помочь найти автомобиль.

В чем я не могу отказать детективу Парсонсу, так это в том, что он виртуозно присваивает чужие заслуги. Одной из них как раз стала синяя «Хонда Сивик». С технической точки зрения о чрезвычайной важности этого автомобиля для расследования в городе узнали действительно благодаря Парсонсу. Об этом каждую неделю напоминала местная газета. У каждого ресторана, кафе и косметического салона красовались полицейские ориентировки. Парсонс напоминал об этом на каждой планерке. Я изначально соболезнавал любому, кто осмелился бы появиться в окрестностях городка на синем седане. В течение года стражам правопорядка поступило две дюжины заявлений, но все они оказались пустышками. Патрульных снимали с привычных маршрутов, заставляя объезжать парковки у аптек, проверять очереди автомобилей у моек и обращать внимание на машины, стоявшие у домов. И они находили – то синий «Шевроле», то «Сатурн», то «Хендэ». Но не «Хонду Сивик».

Как вы, вероятно, уже догадались, детектив Парсонс работал не только на город Фейрвью, но и на Тома Крамера.

Бесхитростная одержимость Тома местью открыла перед ним шлюзы любых общественных запретов, поэтому он донимал Парсонса не хуже гончей собаки. А тот в глубине души был готов работать лишь с девяти до пяти. Некоторые люди просто так устроены, и их уже не переделать. Они очень высоко ценят свое свободное время. Семьи у Парсонса не было, и я даже не знаю, встречался ли он с какой-нибудь девушкой. Или с парнем, если уж на то пошло. Определить его ориентацию я бы не взялся. Он занимался спортом и поддерживал прекрасную физическую форму. Слыл прекрасным пловцом. Претензии Тома мешали Парсонсу вести привычный образ жизни. И не только в отношении синей «Хонды». По настоянию Тома Парсонс и другие сотрудники полиции Фейрвью обратились с запросами к коллегам по всему штату, задействовав не только всевозможные

компьютерные базы данных, но и личные контакты. Как-то раз Том сообщил мне, что в Соединенных Штатах насчитывается двенадцать тысяч полицейских участков. Он хотел, чтобы в каждый из них Парсонс позвонил, написал или отправил электронное письмо.

Насильники редко ограничиваются одним-единственным разом. А этот парень... понимаете, он оставил после себя сразу несколько «визитных карточек», не так ли? Черная маска, сбритые с тела волосы, презерватив. И шрам от заостренной палочки.

Том перешел на строгий, профессиональный тон, будто из отца жертвы превратился в следователя. В ходе наших встреч подобное случалось с ним не раз. На эту особенность я обратил внимание, когда он пришел ко мне впервые, горя желанием как можно быстрее и полнее обрисовать положение вещей. В то же время то, что он не воспользовался более точными терминами для описания шрама на спине дочери, впечатляло.

В самом начале работы с Дженни и ее родителями об этом шраме я ничего не знал. Детектив Парсонс дал мне полную копию полицейского досье, поэтому впервые на упоминание о нем я наткнулся в документе. Меня это привело в полнейшее замешательство. Шрам был единственным зримым свидетельством случившегося. И именно к нему рука Дженни тянулась каждый раз, когда ее эмоциональная память прорывалась наружу. Этот шрам она показала мне во время нашей второй встречи. По правде говоря, ничего особенного. Просто бледная вертикальная линия длиной в дюйм в правой части спины. Ерунда. Но в своем роде неповторимая.

Вернемся к Тому и к истории с «Хондой Сивик»:

Узнай о том, как в наших краях взаимодействуют полицейские участки, вы бы пришли в ужас. Никто не желает переходить на единый стандарт, в итоге о службе обмена информацией остается только мечтать. Какого-то эквивалента Интерпола нет и в помине, даже в тех случаях, когда речь идет о спасении и обмен информацией приобретает критически важный характер. Усилия в этом направлении, конечно же, предпринимаются. Но на одной кухне толчется слишком много поваров, двенадцать тысяч в пятидесяти штатах. А с учетом специальных подразделений федерального подчинения и того больше. Я считаю, что проследить за ста тысячами владельцев автомобилей не представляется возможным, но даже если бы мы это и сделали, непохоже, чтобы каждый из них был способен изнасиловать девочку-подростка. Но здесь другой случай. Вы пускаете по следу парочку парней, которые, тратя по часу в день, звонят, рассылают письма по электронной почте... пять дней в неделю, и дело сделано, понимаете? Сегодня каждый участок располагает

фактами, причем фактами специфическими, и может оказаться, что в одном из наших маленьких городков произошло что-то подобное. А может, и нет. Подумайте об этом. Чем целыми днями занимаются копы в Фейрвью? Грамотно находят места, где можно спрятаться с полицейскими радарам для определения скорости. Поначалу Парсонс доставил мне немало проблем, но потом убедился, что я был прав. Час в день на телефоне, вместо того чтобы сидеть в «Фейсбуке». По сравнению с вознаграждением цена отнюдь не большая. Я бы даже сказал, что очень и очень маленькая.

Должен сказать вам, что Томом я гордился. Я уже говорил и о его недоразвитом «эго» и о подчинении волевой жене. Встречаясь с подобным типом отношений в своей практике, я каждый раз задавался вопросом о детстве пациента. Мои открытия нельзя назвать одинаковыми, но при этом все они сводятся к единому знаменателю определенной группы детских переживаний. Том не был исключением. Подобный тип детства я назвал «ложно ориентированной интеллектуальностью».

Если у вас есть дети, я уверен, что ваши глаза наверняка выхватывают на полке книжного магазина последний бестселлер об их воспитании. Или на страничке «Амазона», наряду с другими предметами, в которых вы, по мнению этого безголового монстра, нуждаетесь. Крем от морщин, гель от выпадения волос, всевозможные диеты, «Сиалис»^[4]. На вечеринках мы с друзьями не раз смеялись, обсуждая «всплывающую» рекламу в интернете. Одного моего приятеля зовут Керри. Он мужчина, но интернет напрочь отказывается это признавать. Можете себе представить, к каким глупостям это приводит. Читать руководства по воспитанию детей, как и другие книги практических советов, это то же самое, что учить математику под руководством собаки. По крайней мере, в моем понимании. Их нужно собрать и сжечь. Все вместе и каждую в отдельности.

Родители Тома – педагоги и интеллектуалы. Отец в течение тридцати лет преподавал в Коннектикут-Колледже литературу. Мать работала в ассоциации выпускников этого образовательного учреждения. Они жили, дышали наукой и гордились своей образованностью. Это находило отражение во всем, что они делали, в каждом прожитом дне. По большей части на Тома и его младшую сестру Кэти такое положение вещей оказывало благотворное влияние, я бы даже сказал, ставило их в выигрышную по отношению к остальным позицию. Отпуска они неизменно проводили, отправляясь всей семьей в туристический поход. Телевизор им разрешалось включать только под присмотром взрослых, и то лишь по выходным. Можно только догадываться, сколь скучны были

передачи, которые им позволялись. Каждое лето им полагалось прочитывать по десять книг, в летний лагерь их не пускали. Никаких вечеринок с ночевкой у друзей, неукоснительный «комендантский час» и церковь по воскресеньям, хотя религия в их семье обсуждалась скорее в терминах теории и социологии, нежели с точки зрения душевного подъема или веры. Все оценивалось и подвергалось тщательному анализу, выхолащивалось от эмоционального налета, способного привести к искажению истины или спровоцировать нежелательное развитие событий. Подобные личности известны всем. Менее дисциплинированным из нас они внушают желание трясти их до потери пульса, пока на их лице не отразятся хоть какие-то эмоции. Они производят впечатление бесчеловечных, хотя ведут себя исключительно правильно и хорошо.

Что все это значило для Тома? Когда он приносил в дневнике одни пятерки, не было ни бурных восторгов, ни объятий, ни поцелуев, ни звонков бабушкам и дедушкам. Ни двадцатипятицентовых монет в копилку, ни дополнительного десерта за ужином, ни поблажек в занятиях фортепиано. И табель к холодильнику магнитами никто не прикреплял. Нет, школьные достижения оценивались и обсуждались, Тому напоминали, что они являются результатом упорного труда и что ему не следует думать, будто он лучше или сообразительнее других. Пел ли он на школьном концерте, наносил ли вяло удар, позволявший добежать только до первой базы во время бейсбольного матча Младшей лиги, лепил ли из глины на уроке творчества зверюшку, лишь отдаленно напоминающую жирафа, – что бы Том ни делал, все подвергалось честному и беспристрастному разбору. *Во втором номере, Том, ты немного фальшивил. Тебе повезло, что ты добрался до первой базы, не думай, что подобное повторится снова, надо больше тренироваться. А когда ты лепил зверюшку, то, скорее, отнесся к делу несерьезно и решил позабавиться.*

Они просто немного забежали вперед, верно? Опередили время, раньше всех последовали совету, который нам силой навязывают в последние десять лет. Мы не должны гордиться детьми, они сами должны гордиться собой. И восхвалять их напрасно тоже не надо, иначе они просто перестанут доверять нашему мнению. Не стоит выпускать их в этот мир, уверяя, что они лучше, чем на самом деле. Это приведет лишь к разочарованию. Подлинная уверенность в себе приходит только в результате воспитания, основанного на доверии.

В неприятии всего этого абсурда я стою особняком.

Мы – мелкие создания, не заслуживающие даже того, чтобы о нас говорить. И только место, которое каждый из нас занимает в сердцах

окружающих, овеществляет нас, придает смысл нашему существованию, позволяет гордиться и ощущать собственное «я». Родители нужны для того, чтобы любить нас без всяких условий, беспричинно и даже вопреки всякой логике. Они должны смотреть на нас через призму любви и всячески доказывать, что их сердца наполняются радостью от одного факта, что мы их стараниями ходим по этой земле. Да, когда-то мы поймем, что вылепленный нами глиняный жираф не является вершиной мастерства. Но, доставая его с чердака, мы должны плакать, вспоминая, что родители, увидев этот уродливый кусок глины, испытывали неуместную, почти абсурдную гордость, жаждали обнять нас и прижать к груди до хруста в костях. Вот что нам требуется от родителей, а не истина о том, как мы мелки и незначительны. В жизни будет полно других людей, которые будут без конца об этом напоминать и давать бесстрастные оценки нашей бездарности.

Для меня совсем не удивительно, что Том, с одной стороны, ощущал свою посредственность, с другой – соответствующим образом себя вел. Что женился на женщине, лишь подчеркивавшей его незначительность, и работал на хозяина, относившегося к нему, как к ничтожеству. Это наш удел – воссоздавать во взрослой жизни схемы, вынесенные из детства. А потом мы еще удивляемся, что несчастны. Вот почему у меня прекрасный дом и я езжу на хорошей машине.

Что меня в Томе восхищало, так это его безумная любовь к своим детям. И хотя этот человек подсознательно встал на путь разрушения собственной личности, Дженни и Лукасу он ничего подобного не желал. Инстинкта, демонстрирующего, сколь огромное место они занимают в его душе, из него так никто и не выбил. Изнасилование Дженни и последовавшая попытка самоубийства тоже не смогли его уничтожить. В моем представлении, когда я мысленно рисую Тома с семьей, по дому летает мяч, который одни бросают, а другие ловят, раздается смех, а потом все усаживаются и играют в компьютерные игры. Все это он делает, сжав челюсти и с разбитым сердцем, но все же делает.

Желая добиться своего, Том не всегда проявлял благоразумие в поиске насильника дочери. Несмотря на чувство вины, охватившее его после попытки Дженни покончить с собой, он так и не сдался. Вполне возможно, что убежденность Тома ослабла, эмоциональный накал немного угас, поскольку он немного успокоился, поверив жене, что Дженни идет на поправку и им нужно «двигаться дальше». Но он все равно упорно стоял на своем.

Поскольку любой в городке мог напасть на след насильника Дженни,

весь Фейрвью активно занимался его поисками и сообщения о синем седане поступали буквально каждый месяц.

Сегодня уже ясно, что в результате этих сообщений полицейские лишь впустую потратили силы, на несколько месяцев сосредоточили все свое внимание на остановках школьного автобуса и в итоге потеряли почти год.

Машину, припаркованную на улице, примыкавшей к средней школе, заметили две возвращавшиеся домой старшеклассницы. Каких-то полмили пешком – и вот оно, место, где ребяташки любят собираться, чтобы выпить по молочному коктейлю и поозорничать, хотя в центре Фейрвью беспорядков почти не бывает. Однако на этой улице движение оживленное. Водитель автомобиля, вероятно, понятия не имел, что в интернете велась масштабная кампания по его поимке.

Дженни на тот момент в школу еще не вернулась. Вот уже второй год подряд полученная травма будто вычеркивала ее из жизни. В то же время по моему настоянию она тратила много сил на лечение, стараясь осознать всю серьезность событий, которые произошли прошлой и этой весной. Я ненавижу психологов-доктринеров, утверждающих, что лучшее средство от травмы – это возврат к нормальной жизни. Подобный подход – не что иное, как косный предрассудок, если не воспользоваться другим, не столь политкорректным выражением. В определенной степени для Дженни это тоже было бы правильным решением. Но только до того момента, когда она стала работать со мной. После этого подобный вариант уже не пошел бы ей на пользу, согласны? Вы когда-нибудь пробовали сосредоточиться на работе, узнав какие-то скверные новости? Или просто волнительные для вас? Что в таких случаях делает человек? Выходит на улицу покурить? Зовет жену? Плачет и не находит себе места? Но уж точно не садится за стол и не возвращается к работе.

Звонок принял полицейский по имени Стив Копер. Стараясь не привлекать к себе внимания, девочки зашли за угол и только после этого набрали с мобильного 911. После изнасилования школа нагнала достаточно страху и на учеников, и на их родителей. Каждый месяц по электронной почте рассылались напоминания о синей «Хонде Сивик» и о том, что дети должны избегать безлюдных мест, тем более в одиночку. Прочитали целый ряд лекций на тему похищений и изнасилований, выпустили несколько буклетов с перечислением мер предосторожности, которые следует принимать детям. Плюс к этому – новость о попытке самоубийства, предпринятой Дженни, приобрела «вирусный» характер, заставив всех и каждого вспомнить о нападении на нее и о синем «Сивике». Я совершенно уверен, что девочки обратили внимание на машину именно поэтому.

Потому что весь город опять говорил о Дженни Крамер.

Любопытная это вещь – подростковая субкультура. Какой бы жестокой и безжалостной она ни была, тинейджеры все же обращают внимание на сигналы, посылаемые им миром взрослых. Если бы Дженни не изнасиловали, история о том, что с ней случилось той ночью, стала бы предметом едких, беспощадных насмешек. Дуг Хастингс ее бросил. В ванной комнате ее стошнило, и она, вся в слезах, решила уединиться в лесу. У меня нет ни малейших сомнений, что многие подруги после этого от нее отвернулись бы и что ей на несколько месяцев, а то и на целый год пришлось бы забыть о социальных сетях. Я веду нескольких пациентов из числа подростков. В большинстве своем они только о том и говорят. Но Дженни подверглась нападению, и все, благодаря полиции, школе и местным средствам массовой информации, поняли, что это очень и очень серьезно. Дженни вдруг превратилась в девушку, к которой всем пришлось относиться внимательно и отзывчиво. Ее стали приглашать на вечеринки, в том числе и с ночевкой, на воскресные лыжные прогулки в Вермонте, предложили писать для школьной газеты, принять участие в подготовке ежегодной конференции в рамках программы «Модель Объединенных Наций» и вступить в драматический кружок. Дабы продемонстрировать свое доброе к ней расположение, каждый стремился ее похвалить. Даже Дуг Хастингс, и тот (кто бы мог подумать?) пригласил ее в кино.

Дженни то и дело куда-то ходила, принимала приглашения и воровала в ваннных комнатах таблетки.

Я чувствовала себя чем-то вроде знаменитости. Будто мне довелось совершить что-то особенное, и теперь все прониклись ко мне симпатией. Но что я на самом деле сделала? Оказалась настолько глупа, что убежала в лес. Что напилась. Что так расстроилась из-за парня. Тем более такого придурка, как Дуг Хастингс! В большинстве своем учителя и все те, кто приходил вести с нами беседы, говорили: «Не повторяйте ошибок Дженни Крамер. Не будьте такой глупой, как она». В груди у меня было такое чувство, словно я без конца у них спрашивала: «Если я такая дура и неудачница, то почему вы так стремитесь со мной дружить?» Ведь так не бывает, здесь либо одно, либо другое, правда? А весь фокус в том, что если бы я сделала что-нибудь хорошее, к примеру, вошла в Олимпийскую сборную по лыжному спорту, то дружить со мной не пожелала бы ни одна живая душа. Все бы лопнули от зависти и нашли тысячу причин меня ненавидеть. Несколько лет назад что-то подобное случилось с одним парнем. Он выиграл национальную олимпиаду по математике, встретился с президентом и все такое прочее. С тем же успехом он мог бы и

подхватить вирус Эбола. Все называли его чокнутым, смеялись над тем, что он носил, что говорил и делал. А я даже не знаю, что сделала или чего не сделала. И понятия не имею, боролась ли я с ним или просто легла и без сопротивления позволила делать со мной все что угодно. Я не знаю, и они, вероятно, тоже. За исключением одного: что он выиграл, а я проиграла. Но ведь это самое главное, не так ли? То, что победа в этом сражении осталась не за мной.

Вы прекрасно видите, сколько в ней было силы, в этой молодой женщине, правда? В своем неуважении к окружающим, в чувстве восприятия она намного опередила своих сверстников. Ей даже было присуще чувство юмора. Весьма примечательное.

Полицейский Копер проехал мимо «Сивика» и свернул за угол, где его ждали девочки. Я уверен, что когда он увидел на задней дверце автомобиля логотип, сердце его забило чуточку сильнее. Школьницы повторили то, что он и так уже знал – машину они увидели за несколько минут до того, как позвонили в полицию. Копер записал их фамилии, адреса и велел идти домой. После чего позвонил детективу Парсонсу.

Поначалу я даже не поверил. Мы через это уже проходили, верно? Двадцать шесть сообщений, и ни одного стоящего. По паре каждый месяц. После нескольких первых на остальные тебе уже наплевать. По правде говоря, мне очень хотелось схватить этого парня. Честно. Не ради Крамеров, а из эгоистичных соображений. Задержания такого рода всегда положительно сказываются на карьере. Но ведь на вещи надо смотреть реалистично. У Тома Крамера не было выбора. Отцу не остается ничего другого, кроме как жить с чувством вины. Том постоянно повторял мне, что не сумел защитить свою маленькую девочку. Уверен, что он говорил это и вам, и всем остальным, кто был готов его слушать. Поэтому здесь я согласен, что он должен делать все от него зависящее до тех пор, пока ситуация не будет разрешена. Или пока не умрет после сорока лет бесплодных попыток. Я никогда не просил его заткнуться и оставить нас в покое. Никоим образом. Ни разу. Я лишь повторял: «Хорошо, Том, без проблем». Пусть ребята связываются с полицейскими участками по всей стране. Ограничить поиски одним Северо-Востоком будет недостаточно. Потом оповещение населения, объявления и все такое прочее. Я попросту переложил все это на плечи наших новичков. Чтобы выполняли свой долг. В нашем участке это стало шуткой. Списку автомобилей, о которых нам сообщали, мы дали прозвище. Назвали его «убойным». Э-э-э... Знаете, мне кажется, вы можете превратно истолковать мои слова. Все потому, что Тома Крамера он мог убить, dokonать. Да, я знаю, это звучит ужасно, но ведь

наши ребята так молоды. Как бы там ни было, когда позвонили на этот раз, я пробормотал что-то вроде «Ну да, правильно. На этот раз, вероятно, какой-нибудь синий “Форд”». Но Копер клялся, что это именно «Сивик». В салоне никого не было, автомобиль стоял недалеко от школы. И опять весной. Я даже подумал, что парень вернулся, чтобы еще раз пережить волнительный момент или же просто совершая какой-то ритуал. Можете себе представить? Сейчас была бы история... Я подъехал туда на неприметной машине. Со мной был напарник. Мы просто припарковались между двумя другими автомобилями, чуть поодаль от «Сивика». И просидели так два часа двадцать одну минуту. Потом увидели того парня. Он шел по улице. Я взглянул на него и понял: надо брать.

Глава одиннадцатая

Водителем оказался молодой мужчина по имени Круз Демарко. В Фейрвью его арестовали за торговлю марихуаной. Потом в качестве отягчающего обстоятельства предъявили обвинение в продаже наркотиков на расстоянии менее полутора тысяч футов от школы. Но это, конечно же, было только начало.

Могу поделиться с вами двумя наблюдениями. Во-первых, хотя сам факт того, что появление скромного седана на окраинной улочке Фейрвью вызвало столько подозрений, может показаться абсурдом, на самом деле все вполне логично и оправданно. Дело в профиле преступника. От него никуда не денешься. Я не имею ничего против решения общества ограничить его использование. От подобной практики страдают невинные люди, что абсолютно недопустимо. В то же время этот аргумент никак не влияет на статистику. К примеру, вероятность того, что искомый «Сивик» с нью-йоркскими номерами принадлежал местному жителю, в сложившихся обстоятельствах была минимальной, не более одного процента. Это голый факт, а не мнение. Опросив присутствовавших на вечеринке ребят, Парсонс первым делом проверил все «Сивики», которые только были в Фейрвью. Шансы на то, что он принадлежал приходящей домработнице, садовнику, няне, сиделке, чьему-нибудь родственнику и так далее, оценивались существенно выше. Но не забывайте, что в полицию с подобным заявлением так никто и не пришел. С учетом времени суток и места, где была припаркована машина, большую часть диаграммы нашего воображаемого профиля должны составлять чужаки. А зачем чужаку вечером ставить машину недалеко от дома, где школьники устроили вечеринку?

Вторым пунктом я хочу отметить то, как страстно все в этом городе жаждали верить, что Дженни изнасиловал не местный житель, и как цеплялись за этот «Сивик», будто за спасательный плот, видя в нем последнюю надежду. И в первую очередь Парсонс. В моих глазах его рвение найти эту машину выглядело поистине ужасно.

Когда мы пошли к машине, сердце в моей груди учащенно забилося. Боже мой, как же я был рад, что он продал дозу. Я вполне созрел для того, чтобы задержать его даже незаконным путем. О том, чтобы отпустить этого парня, предварительно не допросив и не обыскав машину, не могло быть и речи. В голове вертелась мысль: «Вот черт! Он у нас в руках! Он у

нас в руках!» Но до тех пор, пока между ним и покупателем не состоялась сделка, у нас для задержания не было никаких причин. Слава богу, рядом был напарник, который сдерживал мой пыл.

Утром того же дня десятиклассник по имени Джон Винсент в предвкушении приезда Демарко в Фейрвью опустошил кошелек матери. Ничего не подозревая. А потом на наших глазах нервно подошел к «Сивику» со стороны пассажирского сиденья.

Бедный парень. Суций идиот. Старался вести себя незаметно, озирался по сторонам, но при этом усиленно делал вид, что просто гуляет. Вы знаете, как это бывает. Затем склонился к окошку автомобиля, и мы увидели, что он протянул деньги. Взамен высунулась рука с небольшим пакетиком. Точь-в-точь, как в дешевом сериале о полицейских. Мы подождали, давая парню уйти. Крикнули вслед: «Эй ты! А ну стой!» – но даже пальцем не пошевелили, чтобы его догнать. Напарник уже стоял у окошка машины. И поскольку Копер перекрыл выезд патрульным автомобилем, деваться парню было некуда.

Эта часть рассказа каким-то глупым образом меня веселит. Полицейский Копер – его фамилия произносится через протяжное «о», но почему-то все равно звучит как «коппер», что, как известно, означает мелкую медную монетку. И Круз Демарко. Несмотря на всю свою нелепость, это было настоящее имя, которым парня нарекла девятнадцатилетняя мать, наверняка посчитав его обалденным и классным. Впрочем, так могли звать персонажа какой-нибудь видеоигры или его потенциального отца. У Круза была собственная душещипательная история. Мать-одиночка. Бедность. Дерьмовое детство в Буффало. Когда я о нем услышал, в голову пришла только одна мысль – что в Сомерсе его сожрали бы живьем.

У меня такое чувство, будто я катаюсь на «американских горках». Я презираю этот аттракцион и поэтому лучше приторможу. До последнего времени мне приходилось довольствоваться ролью стороннего наблюдателя, не выказывая насчет происходящего ни мнений, ни суждений. Ситуация стала набирать обороты ранней весной. Моя работа с семьей Крамеров и лечение Дженни как пациентки, Шон Логан, а потом и арест Круза Демарко. Катастрофа была неминуема, хотя я ее в упор не видел. Ровным счетом ничего не замечал, несмотря на свои способности к логическим выводам.

В синем «Сивике» полиция нашла почти три фунта марихуаны.

Чтобы арестовать Круза, этого оказалось более чем достаточно.

Мы привезли его в участок. Машину загнали в гараж и позвонили

экспертам из Крэнстона. Здесь я инициативу проявлять не собирался. Представляете? А если бы они нашли грязь, идентичную почве на Джанипер-роуд? Или черную маску точно с такими же волокнами, которые были найдены у Дженни под ногтями? Я чувствовал себя ребенком в рождественское утро.

Демарко был созданием неприятным. Двадцать девять лет. Всего пять футов четыре дюйма ростом. Вес менее пятидесяти пяти килограммов. Если вы женщина, то знаете, на что это похоже. Костлявый, бледная плоть висела на его конечностях, как у древней старухи. Волосы длинные сзади, но подстриженные по бокам. К тому же блестящие от обильно нанесенного геля. Движения дерганные, причем это ощущалось во всем: и в походке, и в разговоре, даже в глазах. От него исходил запах дешевого мыла. Лично я с этим типом не встречался, но его во всех подробностях мне описал детектив Парсонс. Судя по фотографиям в газетах и сведениям, почерпнутым из интернета, он был не так уж отвратителен, как его рисовали. Но это в порядке вещей. Мы вечно стремимся кого-то ненавидеть, перекладывать на плечи других собственную вину, порицать и наказывать их. Поэтому каждый из нас склонен видеть окружающих в наихудшем свете и приписывать им самые скверные черты. Хотя я не исключаю, что в Крузе Демарко они действительно присутствовали. В том, что он преступник, не было никаких сомнений. Но торговля наркотиками и изнасилование суть два совершенно разных злодеяния.

Дать ему адвоката он не просил. Мне даже пришлось заставить его подписать соответствующий отказ. У меня не было ни малейшего желания нарушить «правило Миранды»^[5]. Его поместили в камеру с прослушкой. Двое копов наблюдали снаружи, мы с напарником устроились вместе с ним внутри. Принесли сигарет и лимонада. Для начала человеку нужно создать комфортные условия, не так ли? И посмотреть, как он реагирует, ничего не говоря о том, почему его сюда притащили. В ожидании, когда ему принесут белье, я просто завел дежурный разговор. Что-то вроде «Да, не повезло тебе. Но эта дрянь сейчас считается почти что законной. Вполне возможно, что мы что-нибудь придумаем. По правде говоря, нам просто не хочется, чтобы наши дети шли по кривой дорожке, понимаешь?» Он пожал плечами. Сказал, что это машина его брата и что он понятия не имел о наркотиках. Напарник слегка сыграл с ним в «злого полицейского». Напомнил, что он у нас на глазах продал пацану дурь. Круз улыбнулся и сказал: «Какую дурь? Парень просто спросил, не заблудился ли я. Сказал что-то еще, а потом наклонился, помогая разобраться с картой». Что ты говоришь? В бардачке мы действительно

обнаружили карту. Но какому придурку сегодня придет в голову ею пользоваться? А этой, пожалуй, было от роду лет десять. Затем раздался звонок в дверь. Ему принесли постель. Начало было положено.

История взаимоотношений Демарко с системой уголовного правосудия была долгой. И неизменно связанной с наркотиками. В основном это были мелкие правонарушения, такие как хранение и употребление запрещенных средств. Но о продаже до последнего времени речь не шла.

Однако в досье может содержаться одно, а арестовать человека в первый раз могут совсем за другое. Я убежден, что вы достаточно часто смотрите телевизор, чтобы знать о подковерных сделках между обвинением и защитой, которые нередко заключаются в ходе судебных разбирательств. Судебное разбирательство – дело долгое и дорогостоящее. А до какой-то «травки» сегодня никому и дела нет. Поэтому когда через десять дней простыни Круза почернели от грязи, был доказан только один эпизод распространения им наркотиков. В июне прошлого года. Через две недели и четыре дня после изнасилования Дженни.

Когда-то Демарко провел четыре месяца в Бриджпорте, тюрьме четвертого уровня безопасности. Полагаю, что для парня с такой стройной фигурой и нежной, белой кожей пребывание там было не самым приятным. Может, я ошибаюсь? Время, проведенное в Сомерсе, открыло предо мной врата знания, которым не станешь походя делиться с остальным миром. Я очень осторожно высказываю предположения и очень избирательно отношусь к шуткам, над которыми смеюсь (или не смеюсь) в компании, из страха, что меня неправильно поймут. Конечно, после единственного разговора с тщедушным молодым человеком с молочно-белой кожей мысль о том, что в тюрьмах насилуют, в голове не появится. Но если вы восемь часов в неделю слушаете о порядках, царящих за решеткой пенитенциарного заведения пятого уровня безопасности, то рано или поздно все равно сложите фрагменты картинки в одно целое. Жена ругала меня за подобные беседы не раз и не два.

Ты опять за свое, радость моя, – говорила она.

Супруга всегда использует это ласковое обращение, когда на меня злится.

Кэтчер^[6] всегда стоит сзади «дома». Вот и все. И это ровным счетом никому не интересно.

Не знаю, правда это или нет. Мне кажется, в наших средствах массовой информации, книгах и фильмах содержится достаточно эмпирических доказательств, не позволяющих предполагать обратное. Хотя для разговора за ужином данная тема подходит не всегда. (Когда двое

мужчин вступают в половой контакт, «кэтчером» порой называют пассивного.) Похоже, именно поэтому званые ужины всегда бывают такими зверски скучными.

Для Парсонса хорошая новость заключалась в том, что теперь у него в кармане было обвинение, которое можно было использовать в качестве рычага. Демарко инкриминировали два тяжких преступления. С учетом первой судимости Круз превращался в рецидивиста, над головой которого грозно навис новый приговор.

Я вновь пришел к нему со свежим постельным бельем. И сказал что-то вроде «Да, старина, не повезло тебе. Первая судимость, теперь обвинение еще в двух тяжких преступлениях». Он немного занервничал. «Может, тебе все же воспользоваться услугами адвоката?» – спросил я его. Он заерзал на месте и сжал кулаки. Тогда напарник втолкнул меня в камеру, шепнув на ушко какую-то чушь. Показухи ради. Мы просто хотели создать хорошую видимость. И тогда я сказал: «Послушай... а в мае прошлого года тебя в городке случаем не было? Если да, ты бы вполне мог помочь нам в одном деле». Круз пожал плечами, будто говоря, что вполне мог быть, если это может ему как-то помочь. Я дал ему возможность свыкнуться с мыслью, что он действительно приезжал в городок, и это стало для нас отправной точкой. Но с места мы так и не сдвинулись.

Я не усматривал в этом никакой логики. Будь Демарко насильником, он в жизни не сознался бы, что был на месте преступления. Однако Парсонс вернулся на путь, способный привести его к успеху.

Достаточно продержав Круза взаперти, мы пригласили ему из Крэнстона адвоката. Парня опытного и искушенного, но не собиравшегося устраивать полноценное судебное разбирательство, потому как платили ему по часам. Теперь, когда у нас был конкретный человек, пришло время вернуться к событиям той ночи. И в первую очередь к Тэду Дункану, мальчишке, который выгуливал свою собаку. К тому же отныне нам было чем растормошить участников вечеринки и еще раз с ними поговорить. Раньше никто из них не говорил, что видел синюю «Хонду Сивик». Но если это был Демарко, то он наверняка продавал где-то рядом наркотики. И видел, как Дженни, пошатываясь, ушла в заросли. Легкая добыча. Из ребят никто не собирался признаваться копам в приобретении наркотиков. Однако теперь мы многое знали, у нас была машина и водитель, у нас появился шанс разговорить кого-то из них и добиться признания.

Парсонс был настроен оптимистично и даже, я бы сказал, ликовал. Как и Крамеры. Я не разделял выводов полиции касательно Демарко. Но если

кто-то и должен был отговаривать детектива от намеченного плана действий, то уж явно не я. Он и так в своей доброте дошел до того, что поставил меня в известность и тем самым дал возможность помочь Дженни и ее семье. Что бы я ему сказал? Ребята, это не ваш парень? Не допрашивайте еще раз участников вечеринки или Тедди Дункана? Не идите по этому пути? Я желал им успеха и ждал дальнейших сообщений. А еще – глубоко сожалел.

Глава двенадцатая

Повторное появление на сцене синей «Хонды Сивик» повлекло за собой сразу два следствия. Во-первых, повлияло на мою работу с семьей Крамеров, а во-вторых, затронуло моего сына.

Дженни и ее родители, все по отдельности, посещали меня вот уже несколько недель. С Шарлоттой и Томом работать было несложно. Первейшей их задачей было заполнить пробелы касательно Дженни и того года, который в итоге закончился попыткой суицида. Но очень скоро акцент во время наших сессий сместился на боль, которую они сами испытывали, переживая эту ужасную главу своей жизни. Это неизбежно привело нас к подспудным проблемам их брака, а потом и к детству каждого из них, потому как именно в детстве закладываются все будущие трудности во взаимоотношениях мужа и жены.

Я уже говорил, что не люблю лечить семейные пары, особенно когда вижу перед собой двух людей, которым нужно очень многое рассказать. Сказанного не воротишь. И если одному нужно выговориться, это еще не означает, что другому его исповедь обязательно надо услышать. Отношения Крамеров еще до меня рухнули как карточный домик, и я работал, чтобы помочь им выбраться из-под развалин. Но делал это с каждым из них по отдельности.

Том, в сущности, представлял собой классический пример. Его случай вполне можно было вносить в учебники. Ему нужно было разобраться сначала со своей злостью на жену за то, что она самостоятельно принимала решения, касающиеся Дженни, и вообще доминировала в их браке, затем со злостью на себя за то, что он это допустил, а потом признать, что на самом деле Шарлотта лишь заполнила гигантскую пропасть нерешительности, вызванной его неуверенностью в себе. Это в конечном итоге позволило бы нам добраться до проблем с родителями и выяснить причины означенной неуверенности. Понять, принять для себя, простить, а потом – изменить модель поведения.

К нытью и уходу от ответственности это не имеет никакого отношения. Я знаю, как многие отзываются о психотерапии, но это ошибочная точка зрения. Тому нужно было понять, когда образовалась эта пропасть, осознать, почему это случилось, затем повлиять на ситуацию, набраться решительности и противостоять жене в тех случаях, когда она, на его взгляд, права. Он должен был снова обрести силу и ум, чтобы опять

стать мужчиной, как ради себя, так и ради жены, которая больше не желала даже к нему прикоснуться. Это непросто. Подобную «переподготовку» мы называем когнитивно-поведенческой психотерапией. Когда-то одна пациентка попросила объяснить ее суть. Называла такой подход нечестным и говорила, что и дальше будет без конца долдонить мужу, как ненавидит его сестру. Когда же я рассказал, в чем заключается наша конечная цель, ответила: *«Вы хотите, чтобы я прикидывалась до тех пор, пока сама себя не смогу убедить?»* Вот что вкратце представляет собой КПП. В отличие от процесса восстановления памяти, в значительной степени спорного, КПП представляется типичным случаем психотерапии и чаще всего применяется к представителям среднего класса.

С Шарлоттой дело обстояло сложнее. Я сразу понял, почему она вышла замуж за Тома. Думаю, выше я уже проливал свет на эти обстоятельства. Том был частью ее идеального дома, о котором она так мечтала ребенком. Лучиком света, которым она пользовалась для того, чтобы уберечь всю конструкцию от разрушения. Теперь вы поймете, почему я докучал вам подробностями сексуальных отношений Шарлотты с мужем и почему пришел к выводу, что Боб стал для нее чем-то вроде наркотика. Это можно сравнить с частичками сахара в аппарате по производству сладкой ваты, которые вращаются настолько быстро, что не слипаются друг с другом, а лишь наматываются на палочку, образуя изумительной формы комки сладких волокон.

Боб стал для Шарлотты наркотиком. Как и Шон для Тэмми. Как могла стать для самого Шона Дженни. Это и есть та причина, по которой людей тянет к другим таким образом, что они чувствуют себя буквально наркоманами. Себе во вред. По сути, с эмоциональной точки зрения нечто подобное пагубно по определению. Я вас немного разочарую, за что сразу же прошу прощения, но здоровые отношения всегда будут очень скучными. До того, как арестовали Круза Демарко, для Шарлотты на этом пути наметился существенный прогресс.

После больницы Шарлотта домой не поехала. Поговорив с детективом, она в перепачканной одежде и с вымазанным кровью лицом проехала пару кварталов и позвонила Бобу, который согласился с ней встретиться.

Не знаю, почему я не отправилась домой. Лукас играл с соседом, поэтому свернуться калачиком в его комнате возможности не было. Но дело не в этом. Пожалуй, правильнее будет сказать, что ехать домой для меня было невыносимо. Но почему невыносимо, я не понимала. Когда изнасиловали Дженни, я вернулась домой. Мне захотелось прижать сына к груди, а затем свернуться калачиком на кровати в его комнате и

смотреть, как он спит, до тех пор, пока меня не сморит снотворное. Какой бы ужасной трагедией это ни было, я чувствовала, что могу с этим справиться, что уже стала это делать. Врачи назначили Дженни лечение, и теперь она находилась под их пристальным наблюдением. Она не мучилась, не страдала, а спала. Все случившееся она переживет во сне и проснется так, будто ничего не случилось. Вы когда-нибудь попадали в аварийную ситуацию, заскользив юзом по льду или не заметив автомобиля в «мертвой зоне»? Сначала паника, затем облегчение, потом в голову приходит мысль: «Слава богу, сегодня пуля пролетела мимо, я ее перехитрила. В следующий раз буду осторожнее». Примерно то же в первый раз чувствовала и я – страх, но в то же время и какое-то облегчение. Во второй все было иначе.

В тот день Шарлотта целый час рассказывала мне о встрече с Бобом. Принятое ею решение позвонить ему, вместо того, чтобы отправиться домой и побыть с сыном, ее очень беспокоило. Как и поведение в те моменты, когда они оставались наедине. Женщину тревожило и то, как она себя чувствовала, когда с ним расставалась.

Мы встретились на автостоянке между Фейрвью и Крэнстоном, на Седьмой автомагистрали. Там еще есть магазины «Хоум Депо» и «Костко». Вы ее знаете? Она просто огромная. Он сел ко мне в машину, и мы поехали на складской двор, где выдаются покупки. Собирались просто поговорить. Боб переоделся и, по-моему, был несколько шокирован тем, что я еще не дома и по-прежнему хожу в грязной одежде. Он спросил, как Дженни, и я обо всем ему рассказала. Он обхватил руками голову и принялся яростно тереть лоб...

Шарлотта показала, как именно это выглядело. В тот момент, добавила она, ей в голову пришла мысль, что Боб пытается избавиться от воспоминаний о событиях того дня, будто стирая ластиком пометку, сделанную чернильной ручкой. Кожа его покраснела.

Было поздно. После того, как она его выпроводила, Боб остановился у своего автосалона, чтобы переодеться. Ни одна живая душа не видела, как он вошел через служебный ход. По его признанию, он совершенно не знал, что делать с окровавленным костюмом – выбросить его, сжечь или попытаться отстирать. Его преследовала сумасшедшая мысль, что одежду кто-нибудь найдет и их поймают.

В груди моей поселилась страшная тревога. Как я уже говорила, на этот раз все было по-другому. Мы припарковались меж двух полуприцепов. Время близилось к половине одиннадцатого. На улице стемнело. Помню, что я не могла хорошо видеть его лица. Он все говорил на бытовые темы,

о его одежде, о моей одежде и о том, что мне с ней делать. Предлагал способы отмыть ванную и настаивал, чтобы я туда больше не ходила. «Просто позвони в соответствующую службу. Скажи, что произошел несчастный случай, и дай им ключи. Существует целый ряд компаний, предоставляющих подобного рода услуги». И все такое прочее. Я чувствовала себя так, будто кто-то потянул за нитку, позволявшую мне не развалиться на куски, и теперь шов, стежок за стежком, стал расходиться у меня на глазах. Думаю, это самое точное описание того, что в тот момент со мной происходило.

Я спросил Шарлотту, что бы ей тогда хотелось от него услышать. Она посмотрела на небольшой тюльпан в горшке, стоявший на столе в углу. Я купил его в супермаркете, но так и не снял белую этикетку с ценой и описанием. «Тюльпан Монтре». Лично у меня никаких особых предпочтений не было, просто жена настояла, чтобы в кабинете стоял весенний цветок, а у них только этот сорт в продаже и был. Шарлотта смотрела на этикетку. Цветок был единственной вещью, которая могла показаться ей неуместной, и женщина сосредоточила на нем все свое внимание. Я, вполне естественно, сделал собственные выводы. И подумал, что этикетку надо оставить на горшке и дальше.

– Что вы желали от него услышать? Чего от него ждали?

Молчание. Задумчивость.

– Если бы у вас была возможность вернуться назад во времени и переписать всю сцену, каким бы вам хотелось видеть поведение Боба? Начните с самого начала – вот он садится в машину и...

Он смотрит на мое лицо, на одежду, на кровь. Но при этом не оглядывается нервно по сторонам, опасаясь, как бы нас кто-нибудь не заметил. Ему до этого нет никакого дела.

– Просто смотрит на вас и понимает, что вам нужно. Вам даже не надо ему ничего говорить. Итак, что же он делает?

Берет... мое лицо в свои ладони и...

Шарлотта прикрыла веки и закрыла руками лицо. Разволновалась.

– Что, Шарлотта? Что он говорит?

Что все в порядке. Что моя девочка справится с бедой.

– Нет. Он говорит совсем другое. Эти слова произнес в больнице доктор Бейрд. Подумайте, Шарлотта. Что он говорит, глядя на вас и держа в ладонях ваше лицо?

Я не знаю.

– Знаете. У вас была причина позвонить ему. Сделайте вдох, а потом выпустите наружу эти слова. Мысленно вернитесь к тому вечеру. Сейчас

мы с вами совершенно одни и кроме нас ни одна живая душа не узнает, о чем Боб говорит вам в автомобиле. Здесь вы в безопасности, Шарлотта. Не храните это в себе. Он держит в ладонях ваше лицо, смотрит в глаза. Что он говорит?

Что любит меня.

– Нет, Шарлотта. Это он повторяет постоянно. Будьте искренни со мной, вам прекрасно известно, что он говорит.

Шарлотта заплакала. Узнав об этом, вы, вероятно, удивитесь. Во время наших сеансов она уже не первый раз вот так давала волю эмоциям. Не забывайте, что я был единственным человеком, знавшим о ее любовной связи с Бобом. Я приложил массу усилий, чтобы завоевать ее доверие, и стал сейфом, в котором эта женщина могла хранить свои секреты, а заодно и слезы.

– Вы знаете, что он говорит, не правда ли?

Она кивнула. Затем сделала вдох и открыла глаза. Слезы высохли, и Шарлотта заговорила спокойно:

Он берет мое лицо в ладони. Ему наплевать, видят нас или нет. Смотрит мне в глаза и говорит: «Это не твоя вина».

– Да, – сказал я. – Вот сейчас правильно. Боб – человек, который дает вам то, в чем вы нуждаетесь, в то время как остальные этого сделать не могут. Он заполняет пробелы. Не осуждает вас за прошлое. Не предъявляет на вас законных прав и не требует, чтобы вы были только одной Шарлоттой, но никак не другой. Вы не растите его детей. Не являетесь его женой. И ваше прошлое никогда не окажет на него пагубного влияния.

Я всегда думала, что, стоит мне сказать ему какие-то слова, и он станет любить меня больше. Боб постоянно твердил, что я всего лишь жертва отца. Что моя мать была безнадежной, эгоистичной девицей, которой так и не довелось повзрослеть. Что она делала все, чтобы выжить.

– И вы от этого чувствовали себя лучше?

Да. Затем он меня трахал, уходил, а я отправлялась в душ, чтобы смыть с себя его запах до возвращения мужа домой.

– И тогда вам становилось плохо, что вы были с ним.

Конечно. Что бы он ни делал, желая облегчить мои угрызения совести, связанные с прошлым, они неизменно сменялись раскаянием по поводу настоящего. Спустя какое-то время я опять чувствовала, что мне его страшно не хватает. И так до того момента, пока он не приходил вновь.

Так поступает каждый из нас. Мы не желаем меняться. По сути, в

душе мы хотим воспринимать мир так, как воспринимали его в детстве. Нам хочется наматывать все больше и больше сахарных волокон.

Но тем вечером в машине мне рядом с ним лучше не стало. Он не понимал, чего мне от него было нужно. Мы обсуждали бытовые вопросы, говорили о том о сем. Вероятно, он сказал, что любит меня, что теперь, когда с Дженни все обошлось, испытывает в душе облегчение. Даже не знаю. Я перестала слушать его, и шов расходился все больше и больше. Я ощущала это, понимаете? Ту нить, которую кто-то из меня тянул до тех пор, пока я не развалилась на куски. Помню, я заплакала, вцепилась в него, в его рубашку, в его пальто. Затем засунула ему между ног руки. Мне было нужно, чтобы он что-нибудь сделал, хотя что конкретно, я не понимала.

– Звучит так, будто вам хотелось с ним интимной близости.

Да, возможно. Хоть чего-нибудь.

– Чтобы почувствовать себя иначе, чем в тот момент?

Да.

– Что-то вроде наркотика. Вы уже об этом говорили. Я имею в виду, что Боб был для вас наркотиком.

Да. Я хотела, чтобы он совершил поступок, от которого я почувствовала бы себя совсем по-другому. Действительно, как наркотик. В этом вы правы. Но он лишь оттолкнул мою руку и посмотрел на меня так, будто я была извращенкой. «Что ты делаешь? – спросил он. – Мы должны относиться уважительно к сложившейся ситуации». Боб все говорил и говорил. Как я могла желать секса через несколько часов после пережитого ужаса? Между ним и мной, казалось, опустилась стена. Контакт нарушился, Боб смотрел на меня взглядом, которым я сама гляжу на себя, когда думаю о прошлом. Это было унижительно.

То был необыкновенный прогресс. Мы продолжили говорить о том, что произошло в машине, как Шарлотта использовала Боба, чтобы не терзаться прошлым, но потом неизменно чувствовала себя хуже. Стимулятор, затем транквилизатор – в итоге она застыла на месте. Причем стимулятор терял силу, в то время как транквилизатор ее набирал.

Со временем потребность в стимуляторе возросла, и Шарлотта попыталась выторговать за секс любовь и расположение Боба. Спрашивала, чего еще не делала в постели, задавала вопросы о том, что видела в интернете. Сексуальные запросы у Салливана были весьма обширные. Если вы помните, Шарлотта в постели с ним не испытывала оргазма, хотя мысли об их интимной близости в ее голове приобрели навязчивый характер. В обмен на постель она получала слова, хотя поняла это только после нескольких недель наших сеансов. Как собака Павлова, у которой от

звука колокольчика тут же текли слюнки. Этот колокольчик не приносил ей никакого удовлетворения, но означал, что вскоре принесут еду. А собака очень изголодалась. Но в тот вечер Боб правильных слов не нашел. Впервые за все время наркотик оказался совершенно бесполезным, и Шарлотта вернулась домой, пропитанная не только кровью дочери, но также унижением и ненавистью к себе. Именно в этот момент в нашу работу вмешалась синяя «Хонда Сивик».

Я очень отчетливо помню момент, когда узнал, что автомобиль вновь появился в наших краях и что его водитель арестован. Проведя целый день в Сомерсе, я возвращался домой. Мне не нравится слушать музыку за рулем. На мой взгляд, она провоцирует эмоциональные реакции, отвлекающие человека от мыслей, в то время как дорога домой – самое время основательно подумать над вопросами, которые мы перед этим обошли вниманием. Спортивные игры, в особенности динамичные, такие как баскетбол или хоккей, наоборот, стимулируют мыслительный процесс. Мозг то бешено работает, то погружается в хаос, в большинстве случаев создавая фоновый шум, помогающий сосредоточиться.

Я размышлял о пациенте, который в тот день был у меня на приеме. В тюрьме он отбывал пятилетний срок за незаконное проникновение в дом в городке Лайм. Сидел второй год и после трех лет надеялся выйти на свободу. Ко мне он обратился по поводу тревоги и депрессии. По опыту работы в Сомерсе я знаю, что это не более чем попытка заполучить психотропные препараты. Иногда я выписываю их из чувства сострадания, потому как пребывание в тюрьме приятным не назовешь. А в Фейрвью назначаю тем, кто переживает развод, теряет работу, оплакивает кончину кого-то из близких – словом, сталкивается с жизненной ситуацией, которая может полностью выбить человека из колеи. Конечно же, если придерживаться подобного стандарта, то заключенный, прошедший десять лет за решеткой, заслуживает такого же сострадания, однако на практике мне приходится соблюдать предельную осторожность, когда речь идет о сочувствии к ближнему. Пациенты попросту перепродают полученные лекарства, а сами делают вид, что принимают их по назначению. Порой даже срыгивают уже проглоченные таблетки. После чего промывают их и перепродают поштучно. Другим просто нужно дать возможность приспособиться к новой жизни. Но принимать подобные лекарства десять лет нельзя. Пенитенциарная система не допустит этого по одной-единственной причине. Со временем к таким препаратам развивается привыкание, а никому не нужно, чтобы тюрьмы делали заключенных наркоманами.

В случае с пациентом, который был у меня на приеме в тот день, когда я узнал о Крузе Демарко, подобная дилемма передо мной не стояла. Я не сомневался, что он продаст полученные лекарства, и выписывать их не собирался. Сеанс близился к концу, и парень, почувствовав мои сомнения, решил со мной немного поиграть. Подобное поведение не только представляется вполне обычным, но и сводит на нет любые попытки симулировать химические нарушения психики, такие как депрессия, биполярное аффективное расстройство или шизофрения – подобные патологии мы относим к первому типу. В то же время оно недвусмысленно подтверждает мой диагноз о наличии у пациента отклонений второго типа. Если в двух словах, то патологии первого типа обусловлены нарушением химических процессов в мозгу, тогда как расстройства второго типа связаны с изменениями личности. Последние вызваны отсутствием либо деформацией определенных личностных черт, таких как сопереживание, или же искажением нормальных, здоровых чувств. Их спектр довольно широк – от пограничных расстройств личности до социопатии. Причем четких определений, на мой взгляд, здесь быть не может. Многие подобные пациенты совершенно не поддаются лечению. Сегодняшний был социопатом. По историям болезней парней из Сомерса можно было бы написать сразу несколько учебников. Смирено признаюсь, что я не всегда обладал талантом определять пациентов, страдающих психическими расстройствами второго типа. В таких городках, как Фейрвью, они не разгуливают по улицам. И очень редко обращаются к специалистам за советом и лечением. Потому что не считают себя больными, хотя и понимают, что окружающие воспринимают их не так, как остальных. Они способны на любые хитрости и могут старательно скрывать свое истинное лицо, если хотят раствориться в общей массе или, что гораздо важнее, добиться того, в чем они отчаянно нуждаются. Только в исправительных колониях, тюрьмах или психиатрических больницах врач может наблюдать их в достаточном объеме для того, чтобы отточить профессиональные навыки, необходимые для диагностики и лечения патологий такого рода.

На начальном этапе работы в Сомерсе я отнюдь не был на высоте стоявших предо мной задач. Мне трудно признать ошибки, совершенные в первый год. Свой худший провал я допустил, когда работал с пациентом по имени Гленн Шелби. Наши сеансы продолжались шесть месяцев и закончились осенью, за полгода до изнасилования Дженни. Гленн отбывал небольшой срок за грабеж и страдал сразу двумя психическими расстройствами, хотя ни одно из них не бросалось в глаза. Столкнись вы с ним в обычной жизни, он показался бы вам любознательным и сердечным.

Продемонстрировал бы свой глубокий интерес к вашим делам и тут же нашел между вами много общего. Даже мне не раз доводилось обнаруживать, что я прошел вместе с Гленном гораздо больший путь, чем намеревался. Он задавал бы вопросы с видом пятнадцатилетней девочки, судачившей о подругах, и вникал бы в подробности, которые заставляли бы вас открывать ему больше, чем требовалось в условиях сеанса лечения у психиатра. Донимал бы своей дружбой, будто желая до вас дорасти. Порой это доставляло дискомфорт, но он первый его чувствовал и тогда перестраивал свое поведение ровно настолько, чтобы и дальше держать вас на крючке. В конечном итоге этот дискомфорт, вероятно, стал бы сильнее его умения приспосабливаться, потому что стремление к близким отношениям любви и дружбы всегда диктовалось его пограничным расстройством личности. Это была первая патология.

Кроме того, Гленн страдал одной из форм аутизма. Я говорю «форм» по той причине, что квалифицированный специалист стал наблюдать его только после выявления у него симптомов пограничного расстройства личности. Аутизм тоже бывает разный. О признаках этого расстройства недвусмысленно говорила его манерность. Он был великолепен и мастерски прикидывался нормальным. Но я, к счастью, обладал достаточными профессиональными навыками, чтобы поставить ему диагноз. У пациентов, страдающих этим расстройством, кстати говоря, нередко наблюдаются умственные способности выше средних.

Отношения между его родителями носили грубый, взрывной характер. Они то и дело набрасывались друг на друга с кулаками, доставалось и мальчику. Его мать была высокой и сильной, как и сам Гленн. У них не было ни времени, ни желания понять, что их сын не такой, как другие. Его «неправильное» поведение нередко было тем детонатором, который провоцировал родителей наказывать мальчика.

Перед тем как попасть в тюрьму, Гленн самостоятельно лечил постоянное перевозбуждение, обусловленное аутизмом, с помощью наркотиков, которые можно было приобрести на улице. Когда у него закончились деньги, он зашел в винный погребок в городке Уотертаун и навел на кассира игрушечный пистолет. Задерживаться надолго на одной работе Гленну не удавалось. На первом этапе его умственные способности окружающих привлекали, но потом они в его компании чувствовали себя неудобно, и через несколько месяцев парня, как правило, увольняли.

Для Гленна я сделал все возможное. Все, что было в моих силах, и даже больше. От медикаментов он отказался. По той простой причине, что не считал себя больным. Единственное, что ему было нужно, это

психотерапия, которая дала бы возможность наладить нормальные отношения с другими заключенными. И это при том, что в условиях тюрьмы подобные попытки могут оказаться весьма опасными. Я от всей души желал ему помочь. Из-за странного характера другие уголовники его часто обижали, но он упорно стремился к душевной близости в среде, где подобного рода действия могут трактоваться как обман. Полагаю, некоторые товарищи по несчастью подпали под его обаяние и выболтали этому странному сокамернику о своих преступлениях несколько больше, чем требовалось. Гленна часто обвиняли в «крысятничестве». Думаю, он остался жив только благодаря физическим габаритам да недюжинной силе.

Гленн Шелби оказался единственным пациентом, которому я не смог помочь. Он покончил с собой. Вот почему я здесь о нем рассказал. И на том точка. Тех нескольких месяцев, в течение которых он у меня лечился, оказалось недостаточно, чтобы я, в своем невежестве, осознал всю глубину его душевного расстройств.

По дороге домой я думал о пациенте, который только что был у меня на приеме, и пытался справиться с разочарованием, вызванным разговором с ним. Разочарованием в себе. Как легко я теперь мог разглядеть в нем социопата. Помочь ему не представлялось возможным. Но о Гленне я так не думал. Если бы он переступил порог моего кабинета сегодня, я бы сумел ему помочь. Спас бы его. Но в этом мире нет справедливости.

Вам может показаться удивительным, что я каждую неделю добровольно с головой погружаюсь в столь грязную работу. Жена полагает, что это каким-то образом связано с воспитанием. Наша семья надолго давала приют чужим детям. На мой взгляд, причина заключалась в том, что собственных у моих родителей было только двое, причем в первые десять лет только я один. Они говорили, что моя сестренка стала настоящим чудом. Врачи полагали, что я во время трудных родов повредил матку матери и она больше не могла служитьместищем для зародыша. У нее было несколько выкидышей. Нам обо всем этом подробно рассказали, чтобы мы понимали, почему двери нашего дома открыты для чужих детей. Я даже не помню ни их лиц, ни имен. Мне не нравилось жить с чужаками под одной крышей. Я возмущался, что они отнимали у меня то, что по праву должно было принадлежать только мне – любовь родителей, деньги, еду, жизненное пространство. Но при этом был всего лишь ребенком, а дети, как известно, очень эгоистичны. Но жена, как и родители во время их ежегодных посещений, говорит, что во мне живет дух их самоотверженности и благородства. И я вспоминаю об этом каждый раз, когда отправляюсь на север, в Сомерс.

В машине работало радио. Только что закончилась трансляция баскетбольного матча команды «Нью-Йоркс Никс», и теперь передавали новости. Я услышал имя, но оно мне ни о чем не говорило. Потом последовало описание автомобиля, и диктор сказал, что он связан с изнасилованием, которое произошло в Фейрвью прошлой весной. Фамилия Крамеров не прозвучала, что вполне вписывалось в рамки политики средств массовой информации по отношению к жертвам преступлений. Но все и так знали. Изнасилование было только одно. Как и синяя «Хонда Сивик». А теперь у них был водитель.

Тягостные мысли о Гленне Шелби и несправедливости этого мира тут же вылетели у меня из головы, и теперь я жадно ловил каждое слово. Потом позвонил на свою голосовую почту. Меня ждало несколько сообщений, что вполне обычно – я, как правило, дожидаясь вечера, чтобы их прослушать, потому что порой вынужден делать пометки. Менять Переносить сеансы пациентов и все такое прочее. Сегодня звонки касались ареста Круза Демарко. Том Крамер, Шарлотта Крамер, детектив Парсонс – все они торопились поведать мне о случившемся. Крамеры сказали, что с беспокойством ждут встречи со мной, чтобы обсудить, как это может отразиться на Дженни и можно ли попытаться вернуть ей память, опираясь на черты лица или одежду арестованного. Подобная мысль была поистине ужасной, и я с нетерпением ждал окончания сообщения, чтобы тут же перезвонить им и убедить не показывать дочери фотографии этого человека. В нашей работе сила внушения – сущая анафема. Все мои старания пропали бы впустую. Но потом я услышал последнее сообщение, которое тут же завладело моими мыслями. Оно было от моей жены.

Глава тринадцатая

Мою супругу зовут Джули Марин Форрестер. Я ее очень люблю. Эта фраза звучит неискренне после моих убедительных рассуждений о том, что любовь может быть в высшей степени расплывчатой и туманной, что она что-то значит только для человека, который ее «испытывает». Что для каждого из нас это чувство означает что-то свое. Что в некоторых отношениях оно напрочь лишено смысла. А как иначе все это описать? Женой я не восхищаюсь. Она не обладает какими-то особенными талантами в той или иной сфере, хотя и очень авторитетно держит в руках бразды правления нашей семьей. Супруга закончила колледж (какой конкретно – говорить не буду, чтобы не обидеть тех из вас, кто может оказаться его выпускником), но не думаю, что многому там научилась. Была очень общительной, принимала активное участие в работе женской ассоциации колледжа и специализировалась на английском языке, поэтому ей приходилось читать много романов. Это занятие для нее относилось к категории пассивных.

Странно так долго задерживаться мысленно на чувствах к моей жене. Случись мне задать себе те же вопросы, которые я задаю своим пациентам, слово «любовь» в ответе наверняка не прозвучало бы. Я чувствую, что в интеллектуальном плане ее превосхожу. И скрывать эту истину нет никакого смысла. Мне редко встречаются пациенты, не способные определиться в своих чувствах в этом отношении. Я принимаю все решения, требующие тщательного анализа, а также взвешивания затрат и возможной выгоды. Сколько наших пенсионных накоплений вложить в рынок акций. Когда рефинансировать ипотечный кредит. С какой компанией заключить договор на починку крыши. Что до нее, то она в нашей семье принимает решения, основывающиеся на личностных предпочтениях и симпатиях. Какие цветы послать моей матери на ее юбилей. Какого цвета лыжный костюм понравится нашей дочери в качестве подарка на Рождество. Какой фильм захочется посмотреть нашему сыну, когда он будет отмечать день рождения. Кроме того, я решаю вопросы, связанные с дисциплиной и мотивацией наших детей. Здесь мяч уже явно на моем поле.

Джули очень привлекательна. Мы познакомились в Нью-Йорке, когда я стажировался как молодой врач. Она проходила практику в одном издательском доме и подрабатывала официанткой. Целыми днями читала

рукописи в помещении без окон, а потом до двух часов ночи обслуживала состоятельных бизнесменов в ресторане в деловом центре города. В те дни Джули обеспечивала прекрасную жизнь одному юному выпускнику колледжа. Она не брезговала игривыми взглядами, чтобы выманить из клиента побольше чаевых, не была против, если чья-то рука «случайно» опускалась ей на ягодицы, когда она проходила мимо столика, и не чуралась, если очередной посетитель слегка касался ее руки, когда она снимала с подноса блюда. Ее поведение в духе Макиавелли меня не раздражало. Полагаю, оно вполне соответствовало тому упрощенческому подходу, который она проявляет практически к каждому аспекту жизни. Джули никогда не придавала особого значения «нечаянным» прикосновениям обеспеченных, но придурочных маменькиных сынков с обручальными кольцами на пальце и ущербной совестью. Для нее это был лишь способ легко заработать деньги.

Вероятно, я это и имею в виду, когда говорю, что люблю ее. Она простая. И просто смотрит на мир. Мне никогда не было интересно, есть ли у нее какой-то тайный план или же она манипулирует мной с использованием средств, постичь которые я не смогу и за несколько ближайших месяцев. Даже работая в Фейрвью, я целыми днями слышу о лжи, тайнах, кознях, сомнениях и подозрениях. Не говоря уже о Сомерсе. Когда я переступаю порог, ощущая в душе гордость за прожитый день тяжелого, упорного труда и испытывая удовлетворение, что я дал семье этот дом, меня ждет Джули. Она ухаживает за детьми, за домом, за мной. Как правило, жена обходит меня своим вниманием до тех пор, пока не покормит ребят, пока они не сделают уроки и мы вместе не вымоем посуду. Но потом садится со мной за стол, мы наливаем по бокалу вина, она рассказывает мне о том, как прошел ее незамысловатый день, и я вижу, что она счастлива. Благодушие, которое при этом снисходит на меня, не поддается никакому описанию. Я же, в свою очередь, тоже чувствую себя счастливым в ее компании. Потому что чувствую – меня ценят, обо мне заботятся. За то я ее и люблю.

Пока вы не подумали, что я застрял в 1950-х годах, добавлю, что жена преподает в двухгодичном колледже в Крэнстоне, который готовит специалистов для местных нужд, встречается с подругами, играет с ними в теннис, обедает, читает, делает педикюр или находит себе другое занятие по душе. В нашей семье она не служанка. И вольна делать все, что хочет. По правде говоря, я подбиваю ее получить степень магистра, чтобы мы могли вести разговоры на более отвлеченные темы.

Но существует один жизненный аспект, к которому жена относится

совсем не просто. Я уже упоминал, что она боится, как бы с нашими детьми не случилось чего-то плохого. Что перед тем, как преодолеть страх, переживает внутри наихудшие варианты. Она потеряла родителей, когда ей еще не было сорока. Джули была поздним ребенком, отец с матерью произвели ее на свет уже на пятом десятке, поэтому их смерть – отца от сердечного приступа, матери от инсульта – нельзя назвать преждевременной. Как-то я задумался: а не идет ли речь о каких-либо наследственных заболеваниях, которые могли бы сказаться на наших детях и потребовать определенного вмешательства в раннем возрасте? Но пришел к выводу, что эти недуги, скорее, стали результатом старости и сидячего образа жизни, который вели ее родители. Эта утрата, какой бы обычной она ни была с точки зрения компаний по страхованию жизни, далась Джули нелегко. Ее единственный брат живет с женой в Аризоне. Детей у них нет. Наша семья – это все, что у нее есть. Смерть родителей заставила со всей остротой осознать, что люди, которых мы любим, на самом деле умирают. Просто удивительно, как мы все упускаем это из виду. Но если бы не это, то жизнь, вполне возможно, была бы просто невыносима.

По тону Джули я сразу понял, что она взволнована. Голос звучал хрипло и чуть выше обычного. Она пыталась, хоть и безуспешно, скрыть охватившую ее панику.

Привет, милый. Надеюсь, у тебя все в порядке. Просто мне хотелось узнать, слышал ли ты новость об аресте. Уверена, что слышал. Об этом раструбили все телеканалы. Думаю, передавали и по радио. Как бы там ни было... полицейские явно хотят еще раз поговорить со всеми ребятами, ну, ты понимаешь, которые были на той вечеринке. Понятно, они просто хотят посмотреть, не узнает ли кто-нибудь из них в арестованном водителя машины, которая в тот вечер стояла на Джанипер-роуд. Ерунда, правда? Но ты все же мне позвони. Лаура Лайман сказала, что они собираются нанять Стивену адвоката. Его зовут Марк Брандино. Может, нам для Джейсона тоже кого-нибудь найти? В любом случае... Позвони, мне, хорошо, милый? Люблю тебя. Будь осторожен на дороге. Позвони. Ну все... Пока-пока.

Слова Джули стали для меня холодным душем. Я особо не задумывался над тем, что Джейсон тоже присутствовал на той вечеринке. Там было около сотни девочек и ребят, почти половина школы, плюс значительная часть команды по плаванию.

Джейсон занимается плаванием. По правде говоря, он отличный пловец. По слухам, его собирается пригласить на учебу один из колледжей

Мичигана, а может, даже Пенсильванский технологический. Поскольку он хорошист, без плавания ему не обойтись. Трудится он упорно, поэтому в академическом плане это для него действительно предел. Женившись на Джули, я понимал, что такое вполне может случиться. Коэффициент ее умственного развития я бы оценил в диапазоне от 100 до 110. Мне доводилось обнаруживать отрицательную взаимосвязь между исключительно высоким показателем коэффициента интеллекта и эмоциональной стабильностью. То же самое можно сказать и об инстинкте воспитания потомства. Если у вас блестящие дети, но мать не может дать им надлежащего количества тепла и ласки, то какой в этом прок? Мои дети действительно красивы, приспособлены к жизни в обществе, любимы друзьями, занимаются спортом и достаточно развиты в плане интеллекта. Надеюсь, это позволит им добиться в жизни счастья, которое от меня всегда ускользало.

Джейсон – замечательный молодой человек. Хотите верьте, хотите нет. Это объективная истина. Если бы я сказал, что он величайший семнадцатилетний юноша на всей планете, вы бы вполне могли засомневаться в моей объективности. И были бы правы. Я не считаю его величайшим, а просто чувствую – все, что он делает, все, что говорит (или почти все, ведь он, в конечном счете, еще подросток), очень верно и правильно, я впитываю его слова и поступки в себя, чтобы, когда он поедет учиться в колледж, как два года назад моя дочь, у меня их накопился приличный запас. Такой вот я родитель. Объективный наблюдатель внутри меня видит, что Джейсон замечательный молодой человек.

К окружающим он добр. Сидя с нами за обедом, рассуждает об окружающем мире, демонстрируя понимание и сочувствие. Мы обсуждаем любые темы – от Ближнего Востока и терроризма до экономики. Иногда выводы, к которым он приходит, вызывают у меня улыбку, ведь он так молод и ему надо еще очень многому научиться. Но Джейсон, по меньшей мере, стремится думать и делать выводы. Каждое утро он встает с улыбкой на лице, за завтраком выдает шутки, а потом мурлычет под нос какую-нибудь новую, скачанную из интернета песню. Идет в школу, потом на тренировку по плаванию, возвращается домой, ужинает, делает уроки и ложиться спать. И все только для того, чтобы на следующий день начать все сначала. Да, иногда он «зависает» в своем телефоне, играя в игры или общаясь в социальных сетях, но меня это тревожит совсем не в такой степени, как других родителей. Это их мир, и они к нему, вероятно, должны приспособливаться. Если мы будем считать всю их технику пороком и пытаться заставить меньше выставлять себя напоказ в социальных сетях,

ни к чему хорошему это не приведет. Они попросту вырастут без набора навыков и умений, который уже сегодня необходим, чтобы получить работу и чувствовать себя комфортно в обществе их поколения.

Я понимаю, что уже надоел вам своими аналогиями, но в моем представлении юношеские годы можно считать чем-то вроде строительного проекта. Своим молодым пациентам, как и детям, я говорю, что это не их жизнь. Пока еще не их. То, что они сейчас делают – не что иное, как строительство дома. В этом доме им придется жить всю оставшуюся жизнь, поэтому лучше, чтобы он был хорошим и добротным. В будущем они смогут приводить его в порядок, делать косметический ремонт, перепланировку, но построить его по новой уже не удастся. Все, что они в него вкладывают, каждый эмоциональный рубец, вызванный трудностями во взаимоотношениях, каждое сексуальное извращение, каждая возможность, которую они берегут для себя, и даже наркотики, которым они позволяют нарушать процесс взросления их не окрепших еще мозгов, – все это навсегда закладывается в фундамент строения. Хотя микробиологи на этот счет приводят разные данные, принято считать, что развитие человеческого мозга заканчивается в двадцать пять лет. Все, что происходит в нем в период между половым созреванием и этой датой, когда завершается «аппаратный монтаж» мыслительной структуры, подразумевает повышенный риск и оказывает огромное влияние. «Наградной центр» пытается оценить, какое поведение заслуживает вознаграждения, чтобы уложить несколько кирпичиков и соединить их арматурой. Все эти кирпичики становятся частью фундамента и остаются в нем навсегда. Если они велят любить алкоголь, кокаин или извращенный секс, значит, вам предстоит бороться с подобными соблазнами всю оставшуюся жизнь. И ребенку, который наплевательски относится к оценкам в школе и потом оказывается в третьеразрядном колледже, в очереди на хорошую работу суждено неизменно быть последним. Потому что все это имеет очень большое значение.

Если ко мне приходит пациент, не способный добиться эрекции в постели с женой, первым делом я у него спрашиваю, увлекается ли он порнографией. А затем задаю вопрос о том, когда он начал это делать. Еще подростком, других вариантов нет. Если приходит наркоман, то спрашиваю, когда он подсел. Ответ – когда был подростком. Если же пациентка жалуется на грубое отношение со стороны мужа, первым я задаю вопрос о том, когда с ней стали жестоко обращаться родители. Ответ – до того, как она в восемнадцать лет покинула отчий дом.

Мой сын строит прочный дом. Я знаю, что по выходным он иногда

выпивает. Но немного, я в этом уверен. Наркотиками не балуется. Это мне известно по той простой причине, что наркоманов я вижу насквозь. И за тридцать секунд могу определить, под кайфом ли они находятся. За свою жизнь я перевидал их немало, чтобы успеть изучить. Ничего мудреного в этом нет, весь вопрос лишь в профессиональном опыте. Дочь, к которой я тоже питаю глубокую любовь и привязанность, построила свой собственный дом. Девушка больше похожа на мать – тоже не любит забивать себе голову мыслями о том, что не оказывает непосредственного влияния на ее жизнь. Зато она очень веселая, любит посмеяться и до отъезда на учебу в колледж неизменно приносила в нашу семью нотку легкости и беззаботности.

Жена не дает сыну спуска. Она подозрительнее меня. Если он совершит поступок, от которого фундамент его дома может дать трещину, она это узнает. Самое большее, что до последнего времени удалось раскрыть с помощью ее тайных операций, это порнография в интернете. После этого она ввела в настройки сети целый ряд ограничений. У меня был долгий разговор с Джейсоном. Вот так. Благодаря бдительности Джулии я чувствую себя совершенно спокойно. И если она обеспокоена, знаю, что для этого есть причина.

Я выключил радио и впустил в себя страхи, овладевшие женой. Сначала они текли тонкой струйкой, но потом стали набирать силу, и так до тех пор, пока мысли не закружились в водовороте. Полицейские уже допрашивали Джейсона. Мы тоже беседовали с ним о той ночи, о значении подобных событий и о том, насколько ему нужно быть осторожным – с одной стороны, чтобы не стать жертвой агрессии, с другой – чтобы не причинить вреда другим. Говорили об обоюдном согласии и о сексе с девушками в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Когда мы узнали об изнасиловании Дженни Крамер, жена тут же подумала, как там наша дочь в колледже и что бы мы делали, если бы это случилось с ней. Я не допускал подобной мысли до тех пор, пока мне ее не вложила в голову Джули. И мысль эта, самая ужасная и невыносимая, не покидала меня несколько недель. Все помыслы Джули тоже были обращены к Джейсону: а что, если он знал, кто это сделал, но не хотел говорить; а что, если против него несправедливо выдвинут обвинение? Меня это волновало меньше, потому как я сына знал и в списке возможных подозреваемых отводил ему самое последнее место. Но страхи жены были заразительны.

В мире существует один вид любви, который никак нельзя назвать аморфным, – это любовь к собственному ребенку. Если помните, я говорил об этом, обсуждая детство Тома Крамера. Как с эмпирической, так и с

клинической точек зрения, я точно знаю, и это не просто предположение, что человек генетически запрограммирован умирать за своих детей. И если мы готовы отдать за них жизнь, то должны нутром чувствовать: они этого достойны. Причем, по логике вещей, дети в наших глазах должны быть достойны этого больше, чем кто-либо, за кого нам нет никакого желания умирать. Для большинства из нас, за исключением, пожалуй, солдат, выученных отдавать за других жизнь, термин «кто-либо» в данном случае подразумевает любого другого человека на всем белом свете. Мы, или по крайней мере некоторые из нас, говорим, что готовы умереть за супруга или супругу, хотя лично я в это не верю. Я не верю, что в критической ситуации муж, чтобы спасти жену, бросится под колеса пресловутого автобуса. И жена тоже не станет жертвовать собой из-за мужа. Только ради ребенка.

Вот о чем я размышлял в то время, когда мою душу заполняли страхи жены.

Джейсон. Я должен был спасти сына. Но от чего конкретно – в тот момент я еще не знал.

Глава четырнадцатая

Джули я звонить не стал, а вместо этого набрал номер детектива Парсонса. У меня есть номер его мобильного, и он всегда снимает трубку, когда видит, что вызов от меня. Впервые в жизни я ему солгал.

– Я слышал, вы арестовали какого-то парня, – сказал я. – Отличная новость.

Он подтвердил сообщения СМИ. В его голосе чувствовалось небывалое облегчение.

– Надеюсь, вы мне все расскажете. Вы же понимаете, насколько важно это может оказаться для Дженни.

Здесь я против истины не грешил. Ложь присутствовала лишь в мотивации, подразумеваемой в моих словах. Судьба Дженни была мне небезразлична. Но внутри бушевали страхи Джули. Парсонс рассказал мне об аресте, о Крузе Демарко и о том, что тот отказался отвечать на вопросы. Полицейские ждали, когда ему назначат государственного адвоката. Я сказал, что никто из Крамеров не должен видеть его лица как вживую, так и на фотографиях. На что детектив ответил, что имя и фамилия Демарко пока не разглашались и фотографии его тоже нигде не фигурировали. После чего пообещал поговорить с Крамерами перед тем, как сделать сообщение прессе. Я согласился позвонить им, как только мы выработаем дополнительные меры предосторожности. Память Дженни нельзя подвергать риску суггестивного воздействия.

Затем Парсонс сказал, что еще раз поговорил с Тедди Дунканом, соседским мальчонкой, видевшим синюю «Хонду Сивик» в ночь изнасилования.

Тедди. Тот еще субъект. Но если вы скажете об этом его матери, она вам устроит. Когда я говорил с ним в последний раз, он был избалованным, капризным мальчишкой, но теперь стал тинейджером. Маленький кретин. Видел машину, пытаюсь отыскать свою собаку, а теперь возомнил себя знаменитостью. И отвечал мне с таким видом, будто я беру интервью для журнала «Пипл» или какого другого. Но при этом поведал мне точно ту же историю, что и в прошлый раз. Родители подарили ему на Рождество щенка. Маленького бигля. Пацан говорит, что это обернулось для него кошмаром – песик изгрыз всю мебель и загадил весь дом. С самого начала было оговорено, что Тедди будет о нем заботиться. Это самый важный момент. Перед этим у парня начались проблемы со

школой, он стал пропускать уроки, приносить плохие отметки. И все прочее в том же духе. Учителя предложили родителям купить ему домашнее животное, за которое он нес бы ответственность. Убедили их, что это решит проблему. Но маленькому Тедди все было по барабану, понимаете? Родители огородили дом забором. Электрическим ограда мать не доверяет, говорит, они создают мощные поля, от которых члены семьи могут заболеть раком. Я не осмелился сказать, что пятьдесят фунтов жира у нее на заднице убьют ее быстрее, чем ограда для собаки. Поэтому пес рыл под забором подкопы, охотился на белок и по-прежнему повсюду какал. В тот день, когда у соседей была вечеринка, приехавший к ним садовник засыпал все ямы, и они решили, что проблема решена. Мать выпустила собаку на улицу, но через час оказалось, что тот опять взялся за свое. Я так думаю, там была лазейка, присыпанная сухими листьями и прочим мусором. Хозяйка дома наорала на Тедди и велела найти пса. И тогда он отправился на поиски. На часах было без четверти девять. Парень направился в заросли, несколько минут, по всей видимости, звал собаку, но та не отзывалась. Тогда он прислушался к шорохам. Вероятнее всего, иногда это срабатывает, и мальчишка может услышать возню бегущего неподалеку пса. Но в тот вечер ничего подобного не произошло – ему помешал шум вечеринки, доносившийся из соседнего дома. Музыка, смех и веселье. Собравшиеся пили на спор, чтобы все дошли до кондиции. Тедди отказался от дальнейших попыток, вернулся на Джанипер-роуд, вышел на середину дороги и вдоль ряда припаркованных машин направился к дому, где проходила вечеринка. В этот момент ему на глаза и попался «Сивик». Тедди сказал, что машина выбивалась из общего ряда. Ему, видите ли, показалось, что она была «убогая». Представляете? Маленький мерзавец. Я спросил, не заглядывал ли он внутрь, и он поклялся, что внутри не было ни души. Сказал, что если бы там кто-нибудь сидел, он обязательно увидел бы, потому как без труда разглядел «зажимавшихся» парня с девушкой на заднем сиденье «Шевроле Сабербан», тоже припаркованного на Джанипер-роуд. У них там есть уличные фонари, в тот вечер они работали все до единого. Потом мы показали ему снятые сзади фотографии нескольких «Сивиков», разных оттенков и с разными номерами. Он указал на автомобиль Демарко. Сказал, что запомнил несколько цифр из номера.

– А раньше вспомнить он не мог, да? – спросил я.

Правда ваша, но я думаю, что фотографии немного встряхнули его память. Мы показали ему десять машин с десятью номерными знаками.

– И все синие? Я имею в виду автомобили? Если остальные были

других цветов, то это...

Даже не думайте, док. Защитой пусть занимается назначенный государством адвокат. У нас есть пацан, видевший машину Демарко, которая была абсолютно пуста примерно в то время, когда произошло изнасилование. Машина стояла, но внутри не было ни единой живой души.

– Но ведь он вполне мог сидеть внутри и продавать наркотики. Попомните мое слово, он так и будет говорить.

Похоже, вы не верите, что это тот, кого мы ищем. Может, Дженни что-то вспомнила?

Парсонс занял оборону. Я бы даже сказал, слишком глухую, будто лично был заинтересован в поимке Демарко. Мне он никогда не казался амбициозным. Полагаю, ему просто хотелось побыстрее все это закончить – бесконечные претензии со стороны Тома и мучительные подозрения, что насильник разгуливает по Фейрвью у всех на виду. Но рвение детектива, вероятно, отрицательным образом сказалось на его внимательном отношении к деталям. Мне очень хотелось, чтобы обвинения против арестованного не оказались напрасными и чтобы все разрешилось как можно быстрее. Но даже я знал, сколько в этой истории белых пятен.

Мне пришлось удержаться от ответа на вопрос о Дженни. Она действительно кое-что вспомнила, но я спрашивал Парсонса о Демарко совсем не поэтому.

– Нет. И насчет вашего арестованного у меня нет мнения, хотя я, конечно же, могу предвидеть, какие дальнейшие шаги вы предпримете в плане расследования. Полагаю, вам нужно выяснить, где он был: в доме, на улице и так далее.

Мы уже этим занимаемся. Собираемся еще раз допросить всех, кто был на той вечеринке. Даже если Демарко никогда не переступал порога того дома, кто-то мог сообщить ему о предстоящей вечеринке, и он приехал, чтобы продать немного дури. Этот парень в любом случае знает, где был и когда. И бьюсь об заклад, что перед тем, как увидеть направлявшуюся в лес Дженни, он что-то уже продал. Это меняет дело. Тедди показал нам, где стоял «Сивик». Леса оттуда не видно. Там густой стеной растут кусты. Шагавшую по лужайке Дженни он, должно быть, увидел с улицы, в худшем случае – из дома. Но я с него не слезу, пусть даже не надеется. Ни за что! Меньше всего на свете я хочу, чтобы этот след оказался ложным.

– Да-да.

К тому моменту меня вновь без остатка поглотили собственные мысли и страхи жены.

Алан? Вы меня слышите?

– Да. Простите меня. Я за рулем. Благодарю, что уделите мне время. Теперь я должен позвонить Крамерам.

Парсонс попрощался и дал отбой. Я сбросил его номер и позвонил. Но не Крамерам.

Раздались гудки. Ответила женщина.

– Адвокатская контора Марка Брандино. Чем могу помочь?

Я чуть было не нажал на кнопку отбоя. Сердце отчаянно рванулось из груди. Мысли были абсурдными, страхи иррациональными, но это не имело никакого значения. Речь шла о моем ребенке.

Глава пятнадцатая

Вы хотите услышать, что случилось с моим сыном. Но при этом ничего не сможете понять, не зная, в чем заключалось лечение Дженни. А для этого нам опять придется вернуться к Шону Логану.

С Шоном я начал работать за несколько месяцев до того, как с Дженни случилась беда. Зима близилась к концу. Шон никогда не надевал пальто, говорил, что ему всегда жарко. Хотя когда впервые переступил порог моего кабинета, дрожал как осиновый лист. Я помню это отчетливо и ясно.

Ко мне он обратился в приступе безысходности. Как вы уже знаете, после взрыва бомбы в Ираке Шон потерял правую руку. Рядом умер его товарищ. После проведенного лечения он почти не помнил о том, что с ним случилось. Парень страдал от тяжелой депрессии, его одолевало жуткое беспокойство, которое еще больше усугублял запущенный тревожный невроз. Известных каждому из нас по фильмам и журнальным статьям типичных признаков ПТСР, таких как неадекватная реакция на ассоциирующиеся с боем раздражители, у него не наблюдалось. Помните, как я объяснял вам систему хранения информации в человеческом мозгу и как эмоциональные отклики на события заставляют наш мыслительный аппарат эту информацию каталогизировать? Если вкратце, то сильное эмоциональное потрясение в результате боя помещает воспоминания об этом событии в металлический сейф с неоновыми лампочками и сигналом тревоги. Таким образом мозг говорит: «Когда случаются подобные вещи, никогда не забывай, что с тобой было в прошлый раз! Ты ведь мог умереть!» Впоследствии любой раздражитель, так или иначе ассоциирующийся с боем, порождает эмоциональный отклик типа «бей или беги». Выброс в кровь адреналина и кортизола заставляет человека реагировать, причем далеко не всегда адекватно. А когда вы пребываете в постоянном состоянии химической паники, ваши нервы становятся «истрепанными». Это обиходное выражение. Физические процессы в организме меняют характер: сердце стучит быстрее, доставляя кровь к мышцам, зрачки расширяются, позволяя концентрировать внимание, вырабатывается сахар, способствующий резкому выбросу энергии. Это называется физическим стрессом. Подробности данного процесса нам не нужны.

Курс лечения – не прогулка по парку, но у него есть своя методика и план, подразумевающий возвращение к нормальному состоянию и, в

определенном смысле, перестройку памяти. Каждый раз, когда мы мысленно возвращаемся к тому или иному событию, воспоминание о нем меняется и помещается обратно в хранилище уже в измененном состоянии. Этот процесс называется реконсолидацией. Солдата, к примеру, заставляют реагировать на раздражители, ассоциирующиеся с боем, но в комфортной, безопасной обстановке. Со временем неоновые лампочки в его голове могут погаснуть, сигнал тревоги отключится, он вновь научится видеть разницу между лопнувшим воздушным шаром и выстрелом снайпера. В действительности мозг пациента начинает воскрешать события иначе, таким образом, что запечатленные в памяти воспоминания больше не ассоциируются с болью или страхом.

В случае с Шоном это было невозможно, ведь там речь шла совсем не об отклике на каталогизированные фактические воспоминания. В его случае имели место физические и эмоциональные реакции, не связанные с отложившимися в памяти фактами. В моей практике есть пациенты, верящие в переселение душ. Они говорят, что чувствуют то, чего, с учетом течения их жизни, чувствовать не должны. И добавляют, что объяснение этому феномену может быть только одно – что-то подобное они уже переживали в предыдущих жизнях и их ощущения, оставшиеся после тех событий, никуда не делись.

Я не буду отклоняться от темы и комментировать свои собственные воззрения в вопросах эзотерики. Мне удалось выработать терпимость к мнению других, поэтому я никогда не оскорбляю по недосмотру их чувств. Это требует огромных усилий. В то же время я полагаю, что подобные клиенты могут послужить прекрасным примером того, что испытывали Шон и Дженни. Сильные чувства, для которых в памяти не было ячейки. *Почему я так боюсь воды? Отчего у меня перехватывает дыхание от запаха травы? Почему, когда я впервые приехал в Нью-Йорк, у меня было такое ощущение, что мне уже приходилось бывать в этом городе?* Вот о чем спрашивают меня клиенты. Вполне естественно, что обычно для ответа я не прибегаю к абсурду и бессмыслице, но это уже к нам отношения не имеет.

Шон задавал другие вопросы: *Почему мне хочется двинуть кулаком в стену, когда я держу на руках сына? Отчего хочу отшвырнуть жену через всю комнату, когда она ко мне прикасается? Почему меня не отпускает ощущение, что кто-то рядом постоянно орет, без всякой на то причины и неизвестно на кого?* Раздражители в его ситуации носили достаточно легкий характер и не имели ничего общего с опытом, приобретенным во время выполнения той миссии. Он называл их призраками – чувства,

бродившие внутри его естества и искавшие место, где можно было бы обосноваться.

И Дженни: *Почему мне кажется, будто с меня сползает кожа? Будто я хочу сорвать ее с тела? Почему постоянно чешу шрам в том месте, где он оставил метку заостренной палочкой? Отчего у меня в желудке без конца разливается желчь?* Как и в случае с Шоном, ее организм вырабатывал химические вещества в ответ на эмоциональную реакцию, не обусловленную явными раздражителями, тем более такими, которые ассоциировались бы с нападением.

В таком вопросе, как восстановление памяти, существует целое море противоречий. Некоторые исследователи (я умышленно использую этот строгий термин по той причине, что данным вопросом занимаются очень многие, от прославленных нейробиологов до убежденных насильников) утверждают, что память восстановлению не подлежит и что любые воссозданные «воспоминания» в обязательном порядке носят ложный характер. Я совершенно уверен, что вы слышали о случаях эмоциональных потрясений у взрослых, которые, пройдя курс лечения у врача, вдруг «вспоминали» о сексуальных домогательствах со стороны родителя, учителя или тренера. Существует даже движение за запрет лечения, направленного на восстановление памяти.

С другой стороны, значительное число их коллег приводят захватывающие истории об успешном восстановлении воспоминаний, впоследствии подтвержденные либо признаниями тех или иных людей, либо реальными событиями.

По данной теме я изучал все материалы: публикации в прессе, рассказы коллег и судебные отчеты, которые со временем становятся достоянием гласности. Поэтому в выводах своих уверен. Здесь есть два аспекта. Первый заключается в том, что воспоминания сохраняются в ячейках памяти, второй – что их можно оттуда извлечь. Для каждого из этих двух процессов с одной стороны требуется «аппаратное обеспечение мозга», с другой – отвечающие за его работу химические вещества. Воспоминания можно сохранить, но впоследствии потерять их или стереть. Кроме того, они могут попасть не в ту ячейку, и тогда извлечь их будет очень трудно. Каждый из этих двух вариантов представляет собой определенную форму «забывания». Я твердо убежден, что лечение, назначенное Шону и Дженни, как и многим другим жертвам психических потрясений, «стирает» не все воспоминания о травмирующем событии. Некоторые, сохраняясь, попадают в другие ячейки, следовательно, их можно найти, извлечь и отложить в памяти. У меня не было

предположений по поводу того, какие воспоминания сохранились в мозгу Шона или Дженни. Моя задача состояла в обнаружении фактов, и выполнять ее нужно было очень осторожно. Я уже выражал свою озабоченность суггестивным воздействием в процессе реконсолидации памяти, в результате которого у человека могут появиться ложные воспоминания, и его способностью препятствовать восстановлению истинной памяти. Вы представляете себе механизм такого воздействия, не так ли? Как отреагирует Шон, если я скажу ему, что перед тем, как потерять сознание, он видел смерть друга? Видел, как у того изо рта хлынула кровь, когда он попытался что-то сказать, как от ужаса расширились его глаза? Повешу, что умирающий протянул ладонь и схватил его за левую руку, может, даже закричал от боли. Добавлю, что Шон задрожал всем телом, испугавшись, что тоже умрет. А потом опустил глаза, увидел, что его правая рука превратилась в кровавое месиво из истерзанной плоти, порванных сухожилий и раздробленных костей, и понял, что никогда уже не сможет воспринимать свое тело как единое целое. После этого он, вполне вероятно, придет к выводу, что все так и было, задумается, не был ли он свидетелем всех этих событий, и в итоге станет считать мои слова своими истинными воспоминаниями.

Мы с Шоном собирали факты. Донесения с поля боя, сведения, почерпнутые из бесед с другими солдатами, проходившими службу в том же городе. Шон говорил с морскими пехотинцами, спасшими ему жизнь, а также с дознавателями, которым в конечном счете удалось поймать нескольких террористов и описать их. Мы даже раздобыли фотографии некоторых из них, тех, кого убили. У Шона был лишь ограниченный доступ к секретной информации, но коллеги ради него пошли на нарушение правил. Я думаю, что разговоры с этими солдатами и погружение в привычную для него среду сами по себе оказали лечебный эффект. Парень чувствовал, что они на его стороне. Кроме того, у него были жена, сын и семья. А теперь и я.

Вскоре в его жизни предстояло появиться Дженни.

Мы могли реконструировать события, опираясь на первоначальный план боевого задания. Его Шон помнил довольно хорошо, и мы предположили, что в ходе выполнения миссии он в точности выполнял приказания. Чтобы получить виртуальную модель города, мы воспользовались компьютерной программой, представлявшей собой что-то вроде видеоигры. Сегодня подобные образы выглядят на удивление реалистично. А потом приступили к работе, иногда по несколько часов подряд. Шон вместе с товарищем двигался по улицам города. В качестве

звукового сопровождения мы использовали треки из документальных фильмов, хруст гравия под подошвой башмаков и сжатые, лаконичные сообщения по рации. Этот звуковой фон воссоздавал акустическую обстановку, сопровождающую выполнение боевого задания. Пробелы Шон заполнял действиями, которые ему тогда полагалось совершать. Я читал сценарий, написанный на основании тех крох информации, которую нам удалось раздобыть. От себя мы не добавили ничего.

– Вы опять поворачиваете за угол. Вдали кто-то стреляет.

Из рации доносился звук одиночного выстрела.

– Врача! Врача! Вот черт! Миллера задело! Миллер ранен, черт возьми! Врача! О нет! Нет!

Я читал сценарий дальше.

Сердце выпрыгивает из груди, но я держусь. Замираю на месте, затем отступаю к стене. Поднимаю глаза на крыши, заглядываю в окна. Огонь велся издалека, но ведь могут быть и другие стрелки. Они знают, что мы здесь. Может, знали с самого начала, просто ждали. Нам в голову наверняка пришла эта мысль. Валансия, должно быть, наложил в штаны. Не мужик, а баба, к тому же это его первое боевое задание. Идем дальше.

Сеанс развивался в подобном ключе до тех пор, пока мы не оказывались в месте, где разорвалась бомба. У нас был подлинный снимок той улицы и красной двери, рядом с которой их с Гектором Валансией нашли. Никаких обломков, указывающих на то, где был заложен заряд, обнаружено не было. Некоторые предполагали, что их прибрали до прибытия морских пехотинцев. Чтобы зачистить квартал, потребовалось без малого двадцать минут. Их обоих считали погибшими.

– На улице люди. Вы подбираетесь к красной двери. За ней скрываются террористы, которых надо либо схватить, либо убить. Кроме вас с Валансией в живых больше никого не осталось. Шесть ваших товарищей погибли. Морпехи уже на подходе.

Валансия просит отойти назад. Я это знаю. Могу представить его самого и его лицо. Тащит меня за рукав и говорит что-то вроде: «Не надо, старина. Не надо».

– Нет, давайте внесем ясность. Вы не можете этого помнить, просто вам кажется, что ему хотелось дать деру.

Да. Еще как кажется. Мы пробыли там пять минут и потеряли шестерых товарищей. Валансия все бросил бы и бежал. Я знаю, что думал бы именно так.

– А чего хотелось вам?

Убить этого ублюдка или умереть.

– И Валансия пошел бы за вами?

Шон умолк, закрыл глаза и судорожно сглотнул.

Да, он бы за мной пошел. А потом его долбаная голова разлетелась бы вдребезги.

Мы обрабатывали все имевшиеся в наличии данные, заново переживая каждое мгновение. Поиск воспоминаний, этих битов информации, порой сводил нас с ума. Это то же самое, что искать ключи от машины в доме, где царит полный бардак. Вы мысленно возвращаетесь обратно, пытаетесь вспомнить, когда в последний раз ими пользовались. Шарите по всем комнатам, заглядываете под подушки и ковры, проверяете карманы пиджаков и брюк. Порой мы находили следы, с учетом нашей аналогии что-то вроде мелких монет. Шон вспомнил, как Валансия споткнулся о небольшую рытвину на грязной дороге. И запах жареного мяса. Он был обязан посмотреть, откуда он доносится, но не помнил, чтобы действительно это делал. Наверное, из открытого окна. Но что-то важное и значимое от него ускользало. Ускользало от нас. В случае с ключами от машины вы, по меньшей мере, знаете, что они не могли «раствориться в воздухе». Если же говорить о воспоминаниях Шона, а чуть позже и Дженни, то такая возможность существовала, и мы не могли знать, в какой момент нужно остановиться и отказаться от дальнейших попыток. Скажу лишь, что сам процесс поиска воспоминаний пошел на пользу и Шону, и Дженни, поэтому двигаться дальше нам стало легче.

Рапорт Шона о том, что они видят красную дверь, от следующего выхода на связь отделяли пятнадцать секунд. В этом сообщении, последнем, говорилось, что на улице обнаружены семеро гражданских – женщины, дети, старики. Шон сказал, что страшно бы от этого разнервничался и испытал бы в душе соблазн отступить.

Понимаете, я бы подумал, что все кончено. После пальбы все остальные улицы опустели. Но почему здесь, где предположительно прятался террорист, за которым мы пришли, никто не испугался? Даже увидев нас, никто не убежал и не спрятался. Раз я сообщил об этом, значит, видел собственными глазами. А если видел, то мне наверняка пришла в голову мысль об отходе.

– Вы бы действительно ушли? Или все же прикончили бы этого ублюдка, даже если бы вам самому пришлось умереть?

На этот вопрос Шон ответить не мог. Да, эти люди убили шестерых ребят из его подразделения, но сознание все равно хотело верить, что он не позволил бы самолюбию и ярости затуманить разум и поставить под угрозу жизнь Валансии, что подумал бы о жене и сыне, даже о войне, потому что

если враг о них знал, он не стал бы ввязываться в драку и выполнять возложенную на него боевую задачу. Чтобы не стать еще одним трупом, который протащат по улице. Труп не может сражаться. С другой стороны, он мог попытаться разобраться с этой красной дверью, орать и стрелять из автомата, не заботясь о том, сколько человек ему удалось положить. Он имел право на эту ярость. И нашли его именно здесь, у этого злосчастливого проема, а не в нескольких ярдах от него.

На этом месте мы застряли, и я был убежден, что нам надо задержаться здесь до тех пор, пока он не вспомнит достаточно и не поймет, что случилось. Может, тогда он простит себя за то, что затащил Валансию в это гиблое место, или смирится с решением отступить, так и не выкурив парочку террористов, убивших его друзей. Я пришел к выводу, что в основе его ярости, его злости на жену и сына лежало чувство вины. Он чувствовал, что недостойн любви, что судьба незаслуженно одарила его такими подарками, и в результате в компании с ними начинал себя ненавидеть. Шон ничего не знал и ничего не помнил, но это не мешало «призракам» бродить в его душе.

Увидев выражение лица Дженни в тот момент, когда она слышала от него об этих призраках, я испытал в душе глубочайшее профессиональное удовлетворение.

Они встретились в моей группе пациентов, перенесших психическую травму. Мы собирались каждую неделю. Шон влился в ее состав несколько месяцев назад, когда с начала лечения прошел почти год. До этого он то и дело впадал в агрессию. Решение включить в нее Дженни далось с трудом, хотя я с самого начала знал, что буду на этом настаивать. Да, ее случай представлялся сложным, но она оставалась жертвой психической травмы, а по опыту я знаю, что каждый подобный пациент нуждается в общении и поддержке.

Том возражал. Его беспокоило, что дочь будет слушать «взрослые» разговоры на «взрослом» языке. В этом он был прав. Подобные беседы могут быть насыщены неприятными, а то и грубыми подробностями. Но в ту группу входили самые разные люди, что заставляло всех держать себя в более цивилизованных рамках. Шарлотта считала, что это может принести пользу, и сказала Тому, что он не понимает, насколько женщине необходимо говорить, рассказывать о своей беде и выслушивать истории других. В группе были еще две жертвы изнасилования. Это расхождение во взглядах возникло еще до начала моей работы с Крамерами, в те времена, когда Том в их семье не имел права голоса и все решала Шарлотта. Это был единственный раз, когда я был благодарен ей за то, что она диктовала свои

порядки.

Я рассказал Дженни о Шоне, а Шону о Дженни. Им очень захотелось познакомиться на очередном занятии группы. Будучи новичком, Дженни заговорила первой. Она совсем не боялась, хотя и была вдвое моложе большинства пациентов в комнате. Затем лаконично и без обиняков сказала:

Я здесь, потому что меня изнасиловали. Я та самая девушка, о которой вы, вероятно, читали. Меня напичкали какими-то лекарствами, чтобы я забыла о случившемся, и теперь я ничего не помню. Потерять воспоминания для меня было тяжело. Слишком тяжело. И я попыталась покончить с собой.

Я не стал просить ее рассказывать свою историю дальше. Вместо этого дал каждому пациенту возможность представиться в нескольких словах. Когда в нашей группе появляется новый человек, это обычная практика. Очередь Шона была где-то посередине. Чтобы рассказать Дженни свою историю, он вскочил со стула, перечислил факты и признался в том, что его тоже посещали мысли о суициде. А потом поведал о призраках, которые бродят в его душе:

Я знаю, что жить с ними не смогу. Единственная причина моего пребывания здесь заключается в том, что я надеюсь от них избавиться. Убить их, напугать или каким-то образом удовлетворить. Если бы я в это не верил, то уже был бы мертв.

Дженни непроизвольно поднесла руку ко рту, глаза ее расширились. По мере того, как Шон повествовал о своих призраках и объяснял, как ему нужно вспомнить о том, что случилось перед той красной дверью, я видел, как в сердце девушки вспыхивает надежда, рвется вперед по венам и наполняет их кровью, которую она потеряла, разбрызгав по полу той ванной комнаты.

У меня нет строгих правил в отношении пациентов, встречающихся за рамками сеансов в группе. Хотя я и советую им устанавливать определенные рамки. Я подозревал, что Шон и Дженни станут общаться, чтобы узнать друг друга поближе. В группе с большим количеством людей и их неотложных нужд мы можем отклоняться от поставленной цели. Но я не учел глубины их отношений и не смог предвидеть череды последующих событий. У Шона и Дженни были уникальные точки соприкосновения, как ни у кого другого в группе. В те времена лечение, которому их подвергли, еще не получило широкого распространения. И форумов в интернете, где можно было бы познакомиться с другими людьми, которым назначали те же препараты и которые, возможно, впоследствии от этого страдали, тоже

не было. Они интуитивно поняли друг о друге нечто такое, чего не мог понять ни я, ни их семьи, ни другие члены группы.

– А как другие жертвы изнасилования? – спросил я Дженни. – Их истории и переживания во всем согласуются с твоими?

Дженни пожала плечами:

Не знаю. Думаю нет. Не во всем. Хотя я мало что знаю. Знаю, конечно, но не думаю, что у них те же проблемы, что и у меня. Я хочу сказать... если по правде, то я не боюсь парней. И мне не стыдно. Даже за то, что порезала себе вены. Но я злюсь. Схожу с ума, потому как все это время чувствовала себя так плохо, что даже хотела умереть. Им тоже плохо, но их боль отличается от моей. Не знаю. В моем случае все по-другому.

– А если сравнивать с Шоном?

Дженни улыбнулась и уставилась в пол. Я испугался, что она пришла в замешательство. Испугался по той причине, что это могло означать лишь одно – девушка в него влюбилась.

У меня такое ощущение, будто мы с ним друг друга нашли. И он меня смешит.

– Очень энергичный молодой человек. И экспрессивный, не так ли?

Да.

– Как вы общаетесь?

В основном, переписываемся. Иногда разговариваем по скайпу. АйЧата у него нет, он для него слишком стар.

– Вот как?

Извините... Я не хотела сказать, что... Понимаете, это ведь больше для подростков.

– Шучу, Дженни. Я прекрасно тебя понял. Как часто вы переписываетесь и говорите по скайпу?

Обычно я просыпаюсь и вижу сообщение, которые он прислал мне ночью, потому что у Шона проблемы со сном. Как правило, очень грустное. Перед тем как встать, я ему отписываю. Прошу выйти из мрака на солнечный свет. Это шутка, которую понимаем только мы. У нас их много. Большинство касаются лечения и нашей неспособности все вспомнить. Он называет меня Бабулей. Мы обмениваемся еще парой сообщений в том же духе. А потом все зависит от того, чем каждый из нас занимается. Так что с Шоном я общаюсь нормально, примерно так же, как с Вайолет. Единственное – Вайолет не всегда понимает, что я говорю.

– А Шон всегда?

Ага. Шоу я рассказываю все. И в подробностях.

– В твоих словах слышится облегчение.

Дженни ничего не ответила, а лишь кивнула. Мне показалось, что на глаза ей навернулись слезы, но она сдержалась.

Теперь я хотела бы приступить к работе. Может, начнем?

Желание человека не оставаться одному в этом мире обладает огромным могуществом. Вероятно, даже большим, чем разум, совесть или страх.

Мне бы надо было все отменить, поддержать Тома Крамера в его возражениях и пересмотреть план совместных занятий Шоу и Дженни в одной комнате. Да, сделать нужно было именно так. Но я не сделал. Потому что не хотел, чтобы этот образ Дженни, образ надежды, образ жизни, вспыхнувшей в ней с новой силой, безвозвратно исчезли.

К процессу восстановления памяти Дженни мы приступили вскоре после ее знакомства с Шоу. Он рассказал ей о своих скромных успехах и о вере в то, что впоследствии сможет вспомнить больше. Дженни на наши сеансы возлагала большие надежды, хотя я и постарался в известной степени умерить ее ожидания. Потому что понятия не имел, что мы обнаружим.

Как бы там ни было, мы потихоньку двинулись вперед. Для начала сосредоточились на нашем плане и на сборе информации из всех доступных источников. Ее друзья. Ребята с вечеринки, которые видели и говорили с ней. Парочка, нашедшая ее в лесу. И, конечно же, отчет судебных медиков. Мы обсудили, как вместе вновь переживем тот вечер, начиная с моментов, которые она помнила. Поговорим с парнем, в доме которого проходила вечеринка, составим список композиций и включим музыку. Я хотел, чтобы она вдыхала запах напитков, которые в тот вечер потребляла, поэтому мы обзаведемся надлежащими ингредиентами. В каждом из них, как мы знали, присутствовала водка. Дженни принесет дезодорант, которым пользовалась в тот вечер, косметику и даже одежду. Затем мы по очереди пройдем по всем этапам. От вечеринки до лужайки. От лужайки до леса. А потом – самое трудное, каждый момент нападения. Отчет изобилует подробностями. К тому же были еще окровавленный след и одежда.

Я знаю, мои слова звучат отвратительно. Но это надо преодолеть. В случае с Дженни процесс ничем не отличается от того, чем мы занимались с Шоу. И от поиска ключей от машины.

Дженни боялась, но рвалась вперед. Ее родители были напуганы. Но в тот день, когда к девушке вернулось первое воспоминание, все увидели, что

я был прав.

Глава шестнадцатая

Вот как складывался тот день.

Утром позвонил детектив Парсонс. Крузу Демарко наконец назначили государственного адвоката и предъявили обвинение. Залог установили в сумме пятидесяти тысяч долларов, и Демарко пытался найти либо деньги, либо поручителя. Самому ему в виде финансового обеспечения предложить было нечего, а мать с ним порвала. Два ареста за два года. У нее больше не было сил вытаскивать его из дерьма. Очень ранимая личность. Конечно же, о воспитании сына нужно было думать раньше, двадцать лет назад, когда она вкалывала себе героин на глазах у семилетнего ребенка.

С момента моего возвращения из Сомерса прошло двое суток. Мы с женой сходили к адвокату Брандино и предварительно заплатили пять тысяч долларов гонорара в обмен за обещание поговорить с Джейсоном и присутствовать на каждом полицейском допросе. Законник сказал, что проинструктирует парня, объяснит, что говорить и чего не говорить, а также остановит его, если во время разговора со стражами порядка тот пересечет какую-нибудь запретную грань. Кроме Джейсона, Брандино также представлял интересы двух других ребят, присутствовавших на той вечеринке, поэтому нам пришлось подписать отказ от претензий в случае возникновения конфликта интересов. Одного из этих парней уже допрашивали. Полицейские искали подтверждения того, что Демарко тем вечером действительно там был, не более того. Мне стало легче. Это меня очень обнадежило.

За эти два дня обнаружилось и кое-что еще. Мальчишку, который незадолго до ареста покупал у Демарко наркотики (если вы помните, его звали Джон Винсент), пригласили на допрос. Парсонс надавил на него, и парень показал, что видел Круза в тот вечер, когда произошло изнасилование. Добившись от него признаний, детектив вновь занялся Демарко.

У Круза есть своя история, и он не против рассказать ее в мельчайших подробностях. После того как Винсент сдал его, сообщив, что видел Демарко в тот вечер, наркодилер признал, что действительно там был. Сказал, что его пригласил один старшеклассник, с которым они познакомились в клубе в Нью-Хейвене. Утверждал, что приехал «потусить». В торговле наркотиками не признался, но намеками предложил «договориться», пообещав сдать нескольких богатеньких

маменькиных сынков из Фейрвью. Я не сказал ему, что мы копаем в другом направлении. Не сказал, что его арестовали по делу об изнасиловании. А этот идиот, государственный защитник, сложил все фрагменты в целое, только когда уже было поздно.

В разговоре с Демарко Парсонс хитрил. Говорил, что ему нужно проверить, действительно ли Круз был там в тот вечер, чтобы прижать Винсента. Чуть ли не предлагал ему сделку в обмен на признания. Просил описать вечеринку, спрашивал, где он припарковался, что видел и слышал. Объяснил, что полиция должна убедиться, что он не врет, утверждая, что тем вечером туда приезжал.

Он взглянул на защитника, тот в ответ кивнул. Конечно, двигай вперед и копай яму еще глубже. Вот идиот. Мне плевать, сколько стоит нанять достойного адвоката. Впрочем, я вам этого не говорил.

Демарко описал нескольких ребят, которые без конца шастали из дома и в дом. Не забыл упомянуть и о парочке, уединившейся в «Сабербане», чтобы заняться сексом, что вполне согласовалось со словами Тедди Дункана. А потом добавил, что видел подростка, который прошел мимо его машины и скрылся в лесу.

Да, он так говорит, и я даже не знаю что думать, мать его! Неужели это правда? У меня голова идет кругом. Он что, нас разыгрывает? Если бы Демарко действительно изнасиловал Дженни, то ни за что не признался бы, что был там, но всего лишь продавал наркотики. Ни за что. Тогда я подумал, что он действительно явился, чтобы продать немного дури, а изнасилование совершил парень, которого он видел. А потом в голову пришла мысль: а что, если он сознательно подсовывает нам эту версию? Что, если рассказ о каком-то парне, скрывшемся в лесу, чистой воды выдумка? Он ведь знает, что некоторые ребята его опознают, знает об изнасиловании и, может, даже повинен в нем, так почему бы не попытаться вывернуться? Может быть, государственный защитник – большой благодетель человечества, закончивший Йельский университет и способный нас перехитрить. Мать его растак, этого придурка.

Демарко сказал Парсонсу, что на том подростке была синяя толстовка с капюшоном и изображением красной птицы. Он не смог вспомнить, какая конкретно птица была нарисована и присутствовала ли надпись. Короткие, светло-каштановые волосы, средний рост, среднее, но спортивное телосложение. Под это описание подходили половина юношей из средней школы Фейрвью.

Понятия не имею, что со всем этим делать. Я ничего не сказал

Крамерам, но вы прекрасно знаете, что предпримет Том, когда обо всем узнает.

– Захочет спросить Дженни.

Да. Как и я.

Я сказал Парсонсу, что могу попытаться спросить об этом Дженни так, чтобы не навредить нашей работе. Хотя если честно, то понятия не имел, как это сделать. Начав одновременно заниматься и с Шоном, и с Дженни, я погрузился в процесс восстановления памяти. Тем временем каждую неделю поступала свежая информация. Одно сообщение внушало тревогу. Некий нейробиолог из Нью-Йорка писал, что ему удалось реконсолидировать ложную память, просто сообщив подробности, искусно переплетающиеся с обрывками реальности. Пациентам говорили, что их в раннем детстве потеряли в торговом центре, хотя в действительности такого никогда не было. Этот торговый центр они знали хорошо, а рассказ содержал специфические детали, к примеру, как мать орала на служащего, во что они были одеты, что ели на обед. Все эти детали были позаимствованы из их подлинных историй. А добавлена лишь одна, последняя – что их потеряли. Их мозг вплетал этот фрагмент в подлинные воспоминания о том, как пациенты ходили в торговый центр, и вот он, результат: они обретали реконсолидированную ложную память, не в состоянии отличить вымысел от реальности. Некоторые из них даже плакали, «вспоминая» свой страх в тот момент, когда не могли найти мать.

Реконсолидировать память так, чтобы ослабить эмоциональную связь, – это одно. Я не вижу в этом ничего плохого, только хорошее. Но подмена фактов – совсем другое дело.

Вы вполне можете представить себе весь подтекст моей работы.

С Дженни я встретился в тот же день, но чуть позже. Как обычно, мы начали сеанс, поговорили о ее новых ощущениях, о душевном состоянии и общем настроении. Я всегда стараюсь убедиться, что она не погрузилась вновь во мрак, порождающий мысли о самоубийстве. А заодно – что не пользуется никакими препаратами, кроме тех, которые я назначил для снятия тревоги. Позже в ходе сеанса я стал спрашивать и о Шоне, потому что их отношения, развиваясь, оказывали на Дженни огромное влияние. А еще потому, что этот вопрос стал беспокоить ее родителей. Потом мы сделали довольно большой перерыв, после чего Дженни подтвердила, что готова приступить к работе по восстановлению памяти. Она неизменно делает это с явным энтузиазмом. Я видел, как у нее поднялось настроение, когда она вытащила из сумки записи, которыми мы пользовались, чтобы вернуться в ту страшную ночь.

– С чего ты хотела бы начать сегодня? – спросил я ее.

С запаха.

Насколько можно полагаться на человеческую память? Я уже говорил, что одним из моментов, которые помнила Дженни, был сильный запах. В физическом реабилитационном центре я взял образцы ароматов, применяемых для лечения пациентов, страдающих от аносмии (потери обоняния вследствие поражения мозга). Они используются для тестирования, с целью определить, способен ли больной различать те или иные из них. Каждый такой случай вселяет надежду, потому что если в течение шести месяцев пациент не в состоянии различить ни одного аромата, считается, что болезнь неизлечима. Это ужасное заболевание, но к моей работе отношения не имеет. В нашем случае эти образцы могли принести исключительную пользу.

Дженни всегда держала одежду на коленях – вместо окровавленной и порванной, в которой она была в тот вечер, мать купила ей точно такую же. Короткая черная юбка, туфли-лодочки, короткий свитер и трусики. Она немного накрасила лицо и подвела губы, чтобы все было как тогда. Ее макияж имел фруктовый запах. Теперь мы знали, какие музыкальные композиции звучали на вечеринке в течение того часа, когда ее насиловали. Я не буду докучать вам их перечнем. Можете и сами представить. Деми Ловато, Ники Минаж, «One Direction», «Maroon 5» и так далее и тому подобное.

Дженни закрыла глаза, мы погасили в комнате свет, включили музыку и вернулись в тот вечер. Первые слова, в виде подсказки, произнес я, она выучила их только потом.

Мы пришли, и я чувствую себя такой счастливой. Мне кажется, я хорошенькая. В душе царит возбуждение. Единственное, о чем я могу думать, – это Дуг Хастингс. Мы с Вайолет проходим через кухню. Пытаемся найти ребят из нашего класса. С нами здороваются. Мы выпиваем. Мои глаза устремляются на каждую дверь, выискивая хотя бы тень Дуга. Вайолет толкает меня локтем в бок. Говорит, чтобы я не вела себя так открыто. Я пытаюсь говорить с девушкой, которая, как мы понимаем, уже напилась. Она отвечает как идиотка.

Я поднес к ее носу полоску бумаги, пахнущую водкой. Дженни вдохнула и позволила запаху проникнуть в мозг. Играла музыка. Нам хорошо известно, какая в тот момент звучала композиция. «I Knew You Were Trouble» Тейлор Свифт. Дженни помнила это очень хорошо. Она объяснила мне, что в песне говорится о том, как парень разбил девушке сердце и что ей нужно было думать, прежде чем с ним связываться. На

последних ее аккордах Дженни и Вайолет вошли в гостиную и увидели Дуга в компании с девушкой из выпускного класса. Они явно были «вместе». Мы вкратце поговорили об иронии, заключенной в словах песни.

У меня закружилась голова. Нет, не от алкоголя, ведь я сделала буквально пару глотков. Чувство было такое, будто мой мир в одночасье рухнул. Весь, без остатка.

Мы с Дженни обсуждали это много раз. По ее стандартам, я был «старик», но все же помнил, как ощущал себя, когда в пятнадцатилетнем возрасте меня отвергла девушка. Это чувство знакомо каждому из нас, правда?

Вайолет в упор смотрит на меня, переводит взгляд на Дуга и опять на меня. Пытается рассмешить меня, говорит, что надерет ему задницу. И добавляет, что, по слухам, у него маленький член. Высмеивает его прическу, липкую от геля. Называет его «педиком». Но все без толку. Я не могу справиться с нахлынувшими на меня чувствами, поэтому иду на кухню и начинаю глушить водку.

На тот момент Дженни стала привыкать к «лечебным разговорам». Это в порядке вещей. Мы говорим о чувствах, изыскиваем возможности работать с ними, направлять с помощью мыслей в другое русло, заставляя терять власть над нашим телом. Только так мы можем жить повседневной жизнью.

Дженни продолжала, пользуясь сохранившимися воспоминаниями, которые заканчивались тем, что ее стошнило в ванной комнате:

Вайолет держала мне волосы. Я слышала, как ребята обсуждали меня и смеялись. Кто-то ломился в дверь ванной. Вайолет крикнула им, чтобы проваливали. Просто послала на три буквы. Песню, которая в тот момент гремела, я теперь ненавижу.

Когда Дженни тошнило, играла «Moves Like Jagger» группы «Maroon 5». Звучала она и в моем кабинете, когда мы говорили о том, что происходило в ванной. Именно в этот я перестал давать Дженни нюхать образцы. Я подозревал, что сильный запах, запечатлевшийся в ее памяти, исходил от блевотины, чистящего средства или диска чистоты из числа тех, от которых вода в унитазе приобретает голубой оттенок. У меня есть полоски с запахом блевотины (да-да, в реабилитационных центрах есть и такие) и чистящих средств. Кроме того, я запасся и диском чистоты той же самой марки, которой пользуется семья, живущая в том доме на Джанипер-роуд. Вопреки ожиданиям, ни одно из этих веществ не произвело должного эффекта (понюхав полоску с запахом блевотины, Дженни лишь недовольно морщилась).

Но в тот раз я добавил еще один запах. Отбеливатель.

Вначале я об этом не подумал, потому как не занимаюсь чисткой ванн. Мысль об отбеливателе пришла в голову жене, когда я обмолвился, что Дженни так и не вспомнила, какой это был запах. Я прошелся по составленному нами списку. Семья назвала все, что смогла вспомнить. Но не забывайте, с тех пор прошло девять месяцев. Супруга на несколько мгновений задумалась и вдруг выпалила: *Отбеливатель!* Вскоре вы увидите, какая в этом скрывалась ирония.

Мы поработали со всеми ароматными полосками и с диском чистоты. Потом я предложил ей отбеливатель. Он пахнет одинаково (по крайней мере, его запах так воспринимается) в любом виде – жидкости, порошка, гранул прессованных дисков. Дженни явно испугалась и открыла глаза.

– Это новый образец. Просто впусти его в себя, – сказал я.

Девушка закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Реакция последовала буквально через несколько секунд, но я запомнил каждую подробность, будто все происходило в замедленной съемке.

Началось с плеч. Они поднялись чуть не до ушей. Словно напуганная кошка, которая выгибает спину и топорщит дыбом шерсть. Лицо Дженни исказилось, лоб сморщился, брови сдвинулись, губы сжались, и она открыла полные ужаса глаза. Затем вскочила со стула, сжала кулаки, замолотила руками, ударила по моей ладони, сжимавшей образец, и набросилась на меня. Заехала в лицо и сбила очки. Моя щека тут же распухла. Синяк теперь не сойдет несколько дней.

Но больше всего мне запомнился ее крик.

Дженни стояла посреди кабинета, согнувшись пополам и держась за живот. Ее спина тяжело вздымалась и опускалась в такт судорожному, неровному дыханию. Из груди вырывались крики агонии.

Я лечил сотни пациентов и видел кризисы самого разного рода. Мужчины лупили стены моего кабинета, пытаясь проделать в них дыру. Женщины рыдали. Плакали мужчины. Подростки орали на меня и осыпали площадной бранью не хуже обитателей Сомерса. Но реакция Дженни выходила далеко за рамки того, с чем мне доводилось сталкиваться раньше. И я знал, что девушка в этот момент вновь оказалась в том лесу.

Сдерживать ее я не стал. Это было бы неправильно. Но мне все же пришлось схватить ее за руки и обездвижить. Она меня оттолкнула, ее кулаки по-прежнему яростно колотили воздух.

Не смей!

Она орала снова и снова. Смотрела на меня, но видела кого-то другого. Я держал ее до тех пор, пока она наконец не обмякла. Потом подвел ее к

дивану, на который она улеглась в позе зародыша. Я послал ее матери смску о том, что сегодня мы закончим раньше, попросив ее побыстрее закончить с делами и приехать ко мне.

– Дженни, – осторожно спросил я, – где ты была? Можешь мне рассказать?

Она собралась с духом, все еще плача, но уже немного успокоившись. Рукой она потянулась к спине и стала чесать шрам.

– Закрой глаза. Сделай глубокий вдох. Этот момент нельзя упускать. Что ты чувствуешь? Скажи мне. Хочешь, чтобы мы закончили, или все же пойдешь дальше?

Девушка вздохнула и закрыла глаза. Слезы текли ручьем и собирались лужицей в углублении подушки у нее под головой. Дженни была девушкой сильной и невероятно решительной. И когда она заговорила, по ее тону, по необузданным эмоциям, хлынувшим из нее, я осознал, что не просто понял. Я почувствовал себя ею в тот вечер.

Я чувствую его. Чувствую его руку у меня на плече, прижимающую меня к земле. Другой он держит меня за шею, будто я животное, на котором он едет верхом. О господи!

– Хорошо, Дженни. – Слова давались мне с трудом. – Что еще ты чувствуешь? Что видишь? Запах отбеливателя ощущаешь?

Она тряхнула головой.

Больше ничего! Куда все подевалось! Я хочу его видеть. Кто это сделал? Кто со мной все это сотворил?

Ее телом, казалось, завладела ярость. Девушка спрыгнула с дивана и лихорадочно посмотрела по сторонам.

– Тебе что-то нужно, Дженни? Что именно?

Она быстро нашла то, что искала. Отбеливатель. Схватила его и прижала к лицу. И чуть не подавилась – в такой близости запах был чересчур резким.

– Дженни, остановись! Ты обожжешь ноздри и горло...

Она сделала еще один вдох и упала на колени. Я все понял по ее лицу. Это было прекрасно, но в высшей степени пагубно. Мы нашли. Она нашла. К ней вернулось одно маленькое воспоминание о той ночи.

– Что такое, Дженни? Что ты вспомнила?

Мне страшно больно. Я чувствую его, он разрывает меня, напирая все сильнее и сильнее. Ощуаю его запах. Вдыхаю его. Он верхом на мне, будто на животном. О боже! Я чувствую его! И не могу остановить! Не могу ничего предотвратить! Чувствую его внутри себя. Слышать не слышу, но чувствую его, как он это делает, как двигается. Не знаю! Он

оседлал меня, будто животное, и это... Я не знаю!

– Знаешь. Что ты можешь сказать о нем сейчас, в тот момент, когда он в тебя проник?

О боже! Господи! Я не могу этого произнести.

– Просто скажи. Я и так уже знаю, Дженни. Просто скажи, и все.

Я знаю, что он доволен.

Больше в тот день я не добился от нее ни слова.

Глава семнадцатая

К тому времени, когда Шарлотта приехала за дочерью, и Дженни, и я эмоционально были совершенно истощены. Я сказал ее матери, что сеанс выдался продуктивный, но тяжелый, и что мы поговорим о нем позже. А самой Дженни предложил выпить таблетку и поспать.

Том и Шарлотта пришли ко мне на следующий день. За одиннадцать недель моей работы с семьей Крамеров совместный сеанс с участием обоих родителей я провел только один раз – когда мы обсуждали лечение Дженни. Заниматься по отдельности, с использованием индивидуального подхода, оказалось очень полезно для их семьи, и я собирался действовать в том же духе и дальше. О моем отношении к совместной терапии супругов я уже говорил. Но на этот раз, с учетом исключительного прогресса в деле восстановления воспоминаний о нападении, которого мы с Дженни добились, я сделал исключение.

Тома в первую очередь заботили поиски насильника и возможность использовать появившуюся информацию в ходе расследования. Кроме того, его интересовало, почему я не спросил Дженни о синей толстовке с красной птицей. Шарлотту же главным образом беспокоило то, как вновь обретенные воспоминания скажутся на Дженни.

Сознавшись в связи с Бобом, чувствуя себя виноватой в том, что с дочерью в течение нескольких месяцев после изнасилования что-то было неладно, а она ничего не заметила, Шарлотта теперь очень внимательно относилась ко всему, что происходило вокруг.

Я объяснил им, что после случившегося не собираюсь включать синюю толстовку в процесс восстановления памяти Дженни. После того как она неожиданно вспомнила момент, когда насильник в нее проник, я сделал три вывода. Во-первых, воспоминания девушки стерлись не до конца. Было совершенно очевидно, что из различных типов «забывания» в случае с Дженни имел место сценарий, при котором она не могла *воскресить в памяти* воспоминания о той ночи. В результате назначенного лечения в виде определенной комбинации медикаментов сведения сохранились в ячейках, никак не связанных ни с эмоциями, ни с другими воспоминаниями о вечеринке. Без крох информации, позволявших ей вернуться назад, память об изнасиловании затерялась бы в закоулках мозга. Как пропавшие ключи от машины.

Второе убеждение, к которому я пришел, заключалось в том, что если

память о том единственном моменте не стерлась, значит, в целости и сохранности и все другие ее воспоминания. События того злополучного часа были настолько тесно связаны во времени и пространстве и представлялись столь равноценными с точки зрения эмоциональной значимости, что у меня не было ни одной причины полагать, что лечение пощадило только некоторые из них. В тот день в моей голове без устали кружили мысли о том, что это значило не только для Дженни, но и для Шона. Мне хотелось попросить их бросить все и работать со мной день и ночь до тех пор, пока не будет восстановлена последняя деталь случившегося. Но я человек терпеливый и к процессу лечения отношусь уважительно. От чрезмерного рвения не столько пользы, сколько вреда. Это то же самое, что вводить данные в компьютер. И мне не хотелось, чтобы этот «жесткий диск» накрылся медным тазом.

Третий момент, самый важный из тех, которые следовало сообщить Тому, сводился к тому, что Дженни напоминала собой пациента, подвергающегося хирургическому вмешательству. Образно говоря, она сейчас лежала на операционном столе с разрезанным животом, уязвимая для любых внешних воздействий. Поскольку мы стремились реконсолидировать ее память, но совершенно не были уверены в результатах, в операционной следовало соблюдать стерильную чистоту, дабы воспрепятствовать заражению пациентки вредоносными организмами. Ее мозг начал находить недостающие файлы и помещать их в надлежащее место – туда, где хранился рассказ о том вечере, о песнях, одежде, напитках и о Дуге с его девушкой. Добавить в этот рассказ ложный факт в процессе реконсолидации было проще простого. Как и в случае с пациентами, которые «вспомнили», как потерялись в торговом центре.

– Вы меня понимаете, Том? Если я спрошу ее или просто предположу, что подозреваемым может оказаться человек в синей толстовке, она может добавить этот факт к другим воспоминаниям о том вечере и поверить, что действительно его видела, – даже в том случае, если это не так. И тогда мы точно ничего наверняка не узнаем. Так что лучше набраться терпения.

Шарлотта все поняла.

Она должна вспомнить сама. Тогда мы будем знать наверняка. Боже мой. Прошел почти год. Если она не вспомнит его лица, то я понятия не имею, как это все нам поможет.

– Но даже в этом случае не забывайте, что сам факт лечения значительно ограничивает возможности Дженни выступать в качестве свидетеля. И все, что я сейчас делаю... Понимаете, это очень нетрадиционный подход.

Том потер ладонью лоб.

Мне плевать. Я лишь хочу знать, кто это сделал.

– А если средства, которые мы используем для поиска преступника, не позволяют его наказать?

Ну уж нет, он понесет наказание. Обязательно. Даже не сомневайтесь.

Шарлотта посмотрела на него и перевела взгляд на меня. Полагаю, мы подумали об одном и том же. Том, похоже, давал понять, что если выдвинуть обвинение не удастся, он возьмет дело в свои руки. Но до этого еще было слишком далеко, и я не стал останавливаться на данном вопросе. Как и Шарлотта. Хотя это и не помешало ей наброситься на Тома за демонстративную браваду.

Нет, Том, я серьезно. Неужели мы откажемся от попытки разгадать эту шараду? Ты хочешь, чтобы наша жизнь остановилась и замерла на месте? Ради чего? Будешь искать фотографии парней в толстовках? Почему бы тебе не смириться? Скажи, бога ради, почему ты, как подобает настоящему мужчине, не можешь эту ситуацию отпустить?

– Шарлотта... – сказал я, пытаюсь остановить этот безудержный несущийся вперед поезд.

Чтобы наша жизнь остановилась и замерла на месте? Разве я в этом виноват? Что я такого сделал, а? Я тренировал команду Лукаса по лакроссу. На работе у меня рекордное число заказов. Я каждый долбаный день возвращаюсь домой, а по выходным играю с сыном и учу уроки с дочерью, чтобы она могла войти в привычную колею. А что мне еще делать? Играть в гольф? Неужели я буду больше походить на «настоящего» мужчину, если начну играть в гольф и тратить меньше времени на поиски этого чудовища?

Вот почему я не верю в совместное лечение семейных пар.

– Шарлотта, Том... давайте на этом остановимся. Сегодня все взвинчены. Вы знаете, что сказанного не воротишь, а наговорив лишнего, вы никому не поможете. И уж тем более Дженни.

Отлично, – сказала Шарлотта, который был невыносим сам вид мужа. – Может, лучше поговорим о том, что это значит для Дженни? Вы сказали, что к ней вернулись какие-то воспоминания. Тот человек вонял отбеливателем...

– Или отбеливатель каким-то образом оказался в лесу.

Пусть так. Но она чувствовала запах отбеливателя. Причем могла вдыхать его все время. Весь час, что он над ней издевался. И это единственное воспоминание относится к моменту, когда...

– Он в нее проник. Совершенно верно.

Но ведь он делал это в течение целого часа. Причем по-разному...

– Я полагаю, что данное воспоминание относится к самому началу. На мой взгляд, тот момент был для Дженни самым шокирующим. Когда она поняла, что он собрался с ней сделать.

Из груди Шарлотты вырвался громкий вздох, и она откинулась на подушки дивана, устремив взор на этикетку на горшке с тюльпаном.

Итак, теперь она знает, что чувствует женщина, когда ее насилуют? И что теперь? Ей станет лучше?

Двигаться дальше нужно было осторожно. Будучи осведомленным о первом сексуальном опыте Шарлотты, я чувствовал, что обязан соблюдать ее тайну. В свое время я предложил ей рассказать обо всем мужу. Это был единственный способ разорвать узы, связывавшие ее с Бобом Салливаном. Если эту связь не разрушить, их брак обречен на гибель. Шарлотта этого не хотела. Но не понимала, что уже встала на пагубный путь.

– Я знаю, это звучит странно, но Дженни действительно станет легче. Вскоре она сможет связать в одно целое свои эмоции и память. И даже если мы больше ничего не обнаружим, сегодняшнего воспоминания будет достаточно.

Том не обращал на мои слова никакого внимания. Я видел, что он заиклился на той толстовке и понимал, что, вернувшись домой, он обязательно спросит о ней дочь.

– Том, – сказал я, чтобы привлечь его внимание, – мы должны быть в одной упряжке. Все до единого.

Не знаю. Для меня все это звучит абракадаброй шамана из племени вуду. Вы дали Дженни понюхать отбеливатель, и она вспомнила, как ее насильовали. Почему бы ей не показать эту толстовку? Может, ее память воскресит что-нибудь еще? И почему вы говорите, что отбеливатель не обладает суггестивным воздействием? А? Вы же не знали, что он там был. Думали, что она должна помнить запахи из ванной комнаты. Откуда нам знать, где ей довелось вдыхать запах этого отбеливателя?

– С уверенностью я ничего сказать не могу. Но она на клеточном уровне помнила о сильном запахе. За время нашей совместной работы мы перепробовали порядка шестидесяти запахов, но реакцию вызвал только этот. О цветах, одежде или красной птице она ничего не помнит. Если я добавлю подобный факт, Дженни решит, что у меня для этого есть причина, что у нас появился подозреваемый, и это сможет породить ложные воспоминания. Мозг разместит их в ячейке с рассказом о том вечере, не забыв при этом снабдить печатью «Одобрено». Не знаю, как вам еще

объяснить.

Тогда предъявите ей шестьдесят рубашек, шестьдесят курток и шестьдесят толстовок. Ведь предположение о том, что тот парень был во что-то одет, не несет в себе никакого риска. И из этого она не сделает никаких выводов. Так?

Том был непреклонен. На его стороне был и Парсонс, который тоже носился с этой толстовкой, дыша мне в затылок. Если бы они только дали мне больше времени поработать с отбеливателем и с тем крохотным воспоминанием. Оно было похоже на маленького, новорожденного цыпленка. Мне всего лишь хотелось окружить его теплом и заботой, а потом посмотреть, что будет дальше. В конце концов я согласился показать Дженни несколько каталогов мужской одежды, от костюмов до футболок. Во время сеанса, ближе к концу недели.

Но обещания своего не сдержал.

Глава восемнадцатая

Крамеры поехали домой, к Дженни. Я вернулся к жене – она плакала на нашей кровати, в руках у нее была синяя толстовка с изображением красной птицы.

Ни дома, ни в машине Крамеры не разговаривали, потому что, во-первых, злились друг на друга, а во-вторых, потерялись в той новой реальности, которую создали новые воспоминания их дочери. Они представляли собой два поезда, отправляющихся с одной и той же станции, только в разных направлениях.

Том сел за компьютер и зашел на сайт средней школы. Ему нужны были фотографии учащихся. Он искал синюю толстовку с капюшоном. Шарлотта пошла в комнату Дженни. Дочь читала учебник по истории. Учитель, приходивший к ней, только-только ушел, и девушка, казалось, с головой погрузилась в выполнение домашнего задания.

Момент был сродни тому, который я упустила незадолго до нападения на Дженни. На отклонения в поведении у меня глаз наметанный. К примеру, когда я заставляла ее с ноутбуком в руках, но не видела, что на экране, то входила в комнату, делала вид, что отдергиваю штору или собираю белье для стирки. А если она подозрительно тихо разговаривала по телефону, проверяла счет, чтобы узнать номер собеседника. Примерно так. Да, знаю, вы скажете, я шпионила за дочерью. Но этим занимается каждая мать. Так уж мы устроены. Порой мы с родительницами других ребят обсуждаем это за ланчем, обмениваемся мнениями. Но на этот раз я застыла в коридоре как раз потому, что Дженни вела себя совершенно нормально.

Шарлотта вошла в комнату дочери. Дженни подняла на нее глаза и улыбнулась. Улыбкой не то чтобы счастливой, но и не притворной. Девушка спросила, рассказал ли я им о том, что произошло. Шарлота кивнула. Она не стала вытягивать из Дженни подробности, высказывать свое мнение или давать советы.

Я подошла к ее кровати, забралась на нее с ногами и устроилась рядом. Сначала она посмотрела на меня как-то странно, но потом, вероятно, вспомнила, что раньше я вот так же садилась рядом, поджимала под себя ноги, она клала мне голову на грудь, и я гладила ее по спине. Когда Дженни была маленькой, я часто ей читала. Вас, наверное, это удивит.

– Почему вы так считаете? – спросил я.

Потому что наши отношения изменились. Она больше сблизилась с Томом, а от меня отдалилась. Хотя это, похоже, вполне нормально. По крайней мере, я так думала. Чтобы повзрослеть, ей нужно было от меня дистанцироваться. С девочками ведь всегда так, правда?

– Да, такое поведение действительно может быть вполне нормальным. Но ведь с вами в детстве все было иначе, не так ли?

Что вы имеете в виду? Я ведь тоже дистанцировалась от матери, да еще как!

– Но сделали это не в комфортных условиях, и у вас в случае необходимости не было возможности вновь стать маленькой девочкой.

Шарлотта задумалась над моими словами и неуверенно кивнула.

Верно. Как бы там ни было, я забралась с ногами на кровать Дженни. Она положила голову мне на грудь. Я поцеловала ее волосы и стала поглаживать по спине. У меня из головы не выходил ее шрам. Мне хотелось забраться Дженни под рубашку и прикоснуться к нему.

– Почему? – спросил я, хотя и так знал ответ.

Думаю, я хотела дать ей понять, что тоже знаю о нем. Ей, конечно же, было об этом известно, но она не понимала, что я на самом деле... Что я знаю... Что чувствую его.

Шарлотте не хватало слов, чтобы выразить свою мысль.

– Что вы чувствовали?

Чтобы ответить, ей понадобилось некоторое время.

Когда вы сообщили, что Дженни говорила и как себя вела... что она чувствовала себя животным, которое он оседлал, как ему было хорошо, когда он наконец... ну... вы понимаете... Знаете, поначалу это нелегко. Ему пришлось потрудиться, правда? Приложить некоторые усилия и слушать ее крики, да?

– Да, пожалуй, вы правы.

Может, она подумала, что он не сможет, что у него ничего не получится. Что она даст отпор... что каждая мышца ее тела будет отбиваться, не позволяя ему... Но в этот самый момент он преодолевает ее сопротивление, проникает внутрь, его тело содрогается в экстазе, а ее – от боли и страшной мысли: «Боже, что происходит? Это не просто боль, это неизмеримо больше!»

– Это воля, Шарлотта. Сломленная воля.

Шарлотта смотрела на меня широко открытыми глазами, на ее лице читалось облегчение. Мне не стоило давать столь ясный ответ, следовало лишь подвести к нему так, чтобы она нашла его сама. У нее бы получилось.

И тогда это уже были бы ее собственные мысли и слова, а не мои. И правда тоже ее. Потрясение, пережитое мною в детстве, порождало такие же чувства. Думаю, что это относится ко всем, кто стал жертвой физической агрессии. В тот день, когда она поведала мне о разговоре с Дженни, я пребывал не в лучшей форме. Проявлял нетерпение, причем в момент, для Шарлотты Крамер ставший критическим. Мысли мои были заняты не ею, а собственной женой и сыном.

Да! – сказала она. – Вы правы. Сломленная воля.

Я вздохнул, злясь на собственную некомпетентность. Можно было бы сделать и лучше. В то же время ее ответ, независимо от того, как мы смогли к нему прийти, содержал в себе определенные достоинства.

Вот почему вы чувствуете себя животным. У вас нет сил, ваш голос никто не слышит, а тело больше вам не принадлежит. Да, именно так! Вам кажется, что контроль над организмом утрачен, что вы не можете контролировать свои движения... что... нарушена ваша физическая целостность. Мы же поступаем так с животными, разве нет? Ловим диких лошадей, приручаем их и скачем верхом. Но им-то надо с этим как-то жить, правда? Они торчат в конюшнях, едят сено, испражняются и терпят, когда их чистит тот, кто сломал их дух.

– Да, – ответил я. – Некоторые животные прекрасно себя чувствуют в атмосфере повиновения. Другие нет. О человеке этого сказать нельзя. Нам это наглядно демонстрирует история, правда? Войны, восстания. И что вы тогда сделали? Прикоснулись к ее шраму?

Шарлотта покачала головой:

Нет. Я прижала ее к себе и сказала, что так больше никогда не будет. Что ей нужно представить случившееся в виде океанской волны, которая захватила ее врасплох и выбросила на берег. Вы когда-нибудь испытывали что-то подобное? Мои дети обожают кататься на пляже на волнах. Даже если их выбрасывает на берег, в купальники набивается песок, а на теле появляются царапины, они все равно бегут обратно, ведь это так здорово – поймать волну и почувствовать, что это ты подчинил ее себе, а не наоборот. И тогда ты вместе с волной радостно несешься к берегу. Лучшей аналогии у меня нет. Я думаю, она все поняла. Но это было только начало.

– Причем начало, на мой взгляд, замечательное. Я думаю, что разница между волной и насильником в том, что волна обладает могуществом, и когда несет вас вперед, и когда выбрасывает на берег. Именно таким образом вы испытываете на себе ее силу. Насильник же обладает властью, только когда причиняет своей жертве боль. Изнасилование и секс – очень

разные вещи. Поэтому для начала действительно просто замечательно.

Я знаю, что разные, это вполне очевидно. Но в плане механики – то же самое. Не знаю, называйте это изнасилованием, сексом, да чем угодно, в любом случае здесь имеет место проникновение одного человека в другого.

– Да. Правда ваша. Вполне возможно, что мы говорим об одном и том же, только разными словами. Но самое важное, что вы поговорили об этом с дочерью.

В тот раз впервые после изнасилования, а может, и за гораздо более длительный период, я вновь ощутила тесную связь с ней. Я знаю, со мной в первый раз было по-другому. Но некоторые моменты, например тот, когда она почувствовала себя животным, на котором кто-то едет верхом, лишают человека воли, и в этом плане я испытывала схожие ощущения.

– Стало быть, вы понимаете, что это означает, не так ли?

Не уверена.

– Ну хорошо, вы рассказывали мне, что сами хотели заняться сексом с отчимом. Но если вы испытывали те же чувства, что и Дженни, этого быть не могло. Вполне возможно, что вы не оказывали ему физического сопротивления, и если бы попросили, он был остановился. Но при этом не хотели, чтобы это случилось. Вашу волю сломала потребность в любви, удовлетворить которую не смогла мать.

Шарлотта умолкла. В тот момент она еще не была готова это принять. Сорваться с крючка. Она так привыкла жить двойной жизнью. Но эта Шарлотта, хорошая, была лишь частью ее индивидуальности, была еще и плохая, упорно не желавшая сдавать свои позиции.

– А как отреагировал на случившееся Том?

Вопрос был неискренний и неэтичный. Вам он может показаться совершенно невинным, но ведь я теперь тоже жил двойной жизнью. Доктор, пытающийся помочь своей семье. Отец, старающийся помочь сыну.

По правде говоря, я не знаю. Мне теперь неизвестно, что он чувствует. Он уснул в кровати с ноутбуком на коленях. Не знаю почему, но я убрала компьютер, сняла с себя одежду и отбросила ватное одеяло. Том проснулся и потрясенно посмотрел на меня. Секса у нас не было уже почти год. Единственный раз, когда мы попытались заняться им после нападения на Дженни, я почувствовала, что с мужем что-то не так. Он будто не мог испытывать наслаждение от близости до тех пор, пока с Дженни не будет все в порядке, а насильника не упрячут за решетку. По правде говоря, мне тоже не хотелось, просто я подумала, что для этого

пришло время. Но прошлой ночью мне было наплевать. Я взгромождалась на него, у нас был секс. Не знаю, понравилось ли ему. Впрочем, это меня тоже не волнует. Тому, похоже, мое поведение пришлось не по душе, но он не сделал ничего, чтобы меня остановить. В нашем браке так всегда. Он пошел у меня на поводу, я почувствовала себя дерьмом. Не знаю, зачем я это сделала. Как вы думаете, может, мне тоже хотелось лишить его воли?

– Нет, мне так не кажется.

Тогда что?

– Думаю, вам хотелось почувствовать, как волна радостно несет вас к берегу.

Наш сеанс проходил на следующий день после того, как я пообещал Тому попытаться восстановить воспоминания о синей толстовке. И как жена нашла синюю толстовку в шкафу моего сына.

Но я опять забежал вперед. Давайте вернемся назад в тот день, когда я встретился с Крамерами и рассказал им, что Дженни кое-что вспомнила.

По дороге домой я испытывал глубокое удовлетворение. Мы с Дженни смогли восстановить фрагмент памяти, и я поделился этой новостью с ее родителями. Я надеялся, что к ней будут возвращаться и другие воспоминания. Все больше и больше, пока она не вспомнит даже малейшие подробности того вечера – как впервые почувствовала его руку на своем теле и поняла, что он собирается причинить ей боль; как кричала и звала на помощь, все еще надеясь и веря, что ничего плохого не случится; как заструился по коже холодный воздух, когда он сорвал с нее одежду. Включая и то, что она уже воскресила в своей памяти: как он проник в нее, лишил невинности, сломил волю и поколебал веру в людей. Что еще я ожидал обнаружить? Боль. Признание неизбежного. Палочка, царапающая кожу, вонзающаяся в нервные окончания сначала под первым слоем кожи, потом проникающая глубже и глубже, посылая в мозг все больше сигналов о боли. Агония. Безысходность. Полное крушение. С подобными вещами я работаю уже давно, поэтому знаю.

Время перевалило за полдень. После Крамеров мне принимать было некого. Я стараюсь не назначать встречи другим пациентам после Дженни и ее родителей, на тот случай, если нам придется поработать дольше. То же самое и с Шоном. Как вы уже убедились, их сеансы непредсказуемы. В тот день мне не терпелось поделиться с женой удивительными новостями об отбеливателе и о том, как он помог восстановить фрагмент памяти. Я еще ничего не говорил ей, не зная, стоит ли это делать. А потом решил позвонить ей по дороге домой. Просто не мог держать все в себе до вечера.

– Джули? – позвал я, пройдя на кухню. Там горел свет. Машина жены стояла в гараже. Мне никто не ответил. – Милая? – вновь позвал я. На этот раз я ее услышал. Она крикнула мне со второго этажа:

Алан! Алан! Алан!

В ее голосе одновременно звучали удивление, облегчение и паника. Она не ждала меня, хотя и нуждалась в моей срочной помощи.

Я, конечно же, бросил сумку, ключи и взлетел вверх по лестнице.

– Джули? Где ты?

Здесь! Я здесь!

Я пошел на голос, который привел меня в нашу спальню.

Было бы слишком легко сказать, что, увидев ее сидевшей на нашей кровати с синей толстовкой в руках с искаженным от страха лицом, я сразу понял – у нашего сына неприятности. Не знаю, сталкивались ли вы когда-нибудь с чем-либо подобным. Большинство из нас в той или иной степени сталкивались. В некотором роде это напоминает процесс, описанный Дженни, когда человек медленно складывает в одно целое факты и вдруг приходит к ужасному выводу о том, что с ним происходит. На какое-то мгновение мозг восстает и отвергает полученную информацию. Она слишком ядовита, это вирус, требующий активной перестройки чувств и эмоциональных связей, которые приносят нам радость или хотя бы обеспечивают спокойствие духа. Он вот-вот нас погубит.

Информация достигла мозга. Синяя толстовка с капюшоном. Опасения жены в связи с тем, что наш сын тоже был на той вечеринке. Ее страх заразил и меня, заставив позвонить адвокату. Опасность, нависавшая над нашей семьей с того злополучного вечера, приобрела черты реальности. Но вот мозг получил новые факты, и бунт в течение нескольких секунд уступил место адаптации эмоций к новым условиям. Несколько тягостных мгновений. Примерно то же самое, что вырвать зуб.

Я нашла это у него в шкафу.

Джули встала, подошла ко мне и с силой прижала толстовку к моей груди.

Утром звонил адвокат. Сказал, что сегодня полицейские говорили с одним из ребят. Спрашивали о синей толстовке с красной птицей. Потом добавил, что тот же вопрос зададут и Джейсону, и поинтересовался, знаю ли я, как он на него ответит.

В прошлом году я купила ему на день рождения толстовку, помнишь?

Я не помнил. Но это уже было неважно.

Мы купили ее, когда ездили в Атланту. У тебя там была конференция, помнишь? Пошли на игру баскетбольной команды «Атланта Хокс»^[7]

и купили эту толстовку. Красная птица – это ястреб! Взгляни!

Она протянула мне толстовку. На груди и на спине действительно красовалось по ястребу. Название команды было написано белыми, но маленькими буквами. Причем только спереди – сзади, кроме красной птицы, ничего не было. Я взял ее за руки и строго посмотрел в глаза.

– Что ты ему сказала?

Правду. Что у Джейсона есть синяя толстовка с красной птицей.

– О господи! – Я выпустил ее руки, отвернулся и глубоко задумался.

Ты знал об этом? Знал, что полиция ищет парня в синей толстовке? Она вспомнила? Ты бы мне сказал, правда?

– Я ничего не знал о толстовке. – Мне, конечно же, это было известно. Черета лжи не прекращалась.

Джули все говорила и говорила:

А что мне было делать? Он же наш адвокат! Мы не можем допустить, чтобы Джейсон солгал. А если кто-нибудь вспомнит? Эту вещь он носил всю весну. Если он скажет неправду и они об этом узнают, его сочтут виновным.

– В чем? – спросил я. – Ни одна живая душа не поверит, что это он изнасиловал Дженни Крамер.

Подумай, Алан! Он пловец и поэтому бреет ноги и руки... Не исключено, что и все остальное... Что, если это действительно так? А если они его спросят и ему придется признаться, что он сбрасывает с тела волосы?

Я отмахнулся от нее:

– Так делает вся их долбаная команда! Из них половина были на той вечеринке. Это ровным счетом ничего не значит!

А это! – Джули протянула синюю толстовку. – Положив трубку, я помчалась вверх и стала рыться в его вещах. Не могла вспомнить, надевал он ее хоть раз после той весны. Ее нигде не было. Ни в прачечной, ни в комодах. Я стала переворачивать вверх дном его комнату. Подумала даже, что она куда-то пропала. Может, он ее потерял, причем еще до вечеринки! Надеюсь, что он не мог быть в ней в тот вечер. А потом... Господи! Стала рыться среди тряпья в самом низу шкафа. Нашла этот пластиковый пакет, а в нем толстовку!

– А почему в пакете? Кроме нее, там было что-то еще? – Я перешел в режим защиты от повреждений.

Несколько брюк от спортивного костюма, носки и пара боксерских перчаток. Время от времени ему приходится переодеваться в бассейне, он складывает вещи, в которых идет в школу, в пакет и надевает другие.

– Где они? Я имею в виду остальное?

Я прошел за Джули в прачечную – она сложила остальную одежду в стиральную машину, но включать ее еще не стала.

Я не знала, что делать, выстирать все или выбросить. Вещи пахнут бассейном.

Джули протянула мне толстовку, и я машинально прижал ее к лицу. От нее исходил запах бассейна, в котором Джейсон проводит большую часть свободного времени. Запах хлорки. Вы уже поняли, к чему я веду.

Я прислонился к стене, закрыл глаза и стал мысленно перечислять доводы, почему нужно все рассказать Джули, хотя истинная причина в данном случае не имела никакого отношения к рассудку. Она заключалась в моем эгоистичном нежелании оставаться один на один с агонией.

– Сегодня Дженни Крамер кое-что вспомнила о том вечере, когда ее изнасиловали.

Джули бросила на меня настороженный взгляд.

– После отбеливателя, Джули. От него пахло отбеливателем.

Ее глаза распахнулись, рука медленно проплыла в воздухе и закрыла рот.

Одежда. Ее смогут использовать против него!

– На той вечеринке было много пловцов, я тебе уже говорил. Половина команды.

Мы с Джули уставились на толстовку.

– Он этого не делал, – сказал я.

Я знаю.

– В самом деле? Так же, как я? На уровне чувств? У меня это знание в сердце, я пропитан им до мозга костей. Тот человек был социопат. Понимаешь?

Конечно, понимаю!

– Он вдавил ей лицо в землю. Схватил за шею и в течение целого часа делал свое мерзкое дело!

Я знаю... Знаю.

– А потом взял остро заточенную палочку и стал втыкать ее в плоть девушки, пока не пронзил ею все до единого слоя кожи!

Хватит! Остановись! Не надо. Я прекрасно знаю, что насильник сделал с несчастной девушкой!

– Тогда тебе не стоит переживать, что это дело рук нашего сына.

Она сделала глубокий вдох и подождала, когда я успокоюсь. Я негодовал, и с моей стороны было неправильно направлять свое возмущение на нее. То, что мы знали и думали о сыне, не имело никакого

значения. Все вокруг станут его подозревать и обвинять. И поверят. Том Крамер поверит. Шарлотта поверит. Дженни поверит. В голове пронеслась какая-то мысль, но я был слишком потрясен, чтобы ее удержать.

– Как бы там ни было, лечить ее мне больше никто не даст. Если так пойдет дальше, меня к этому делу больше никто не допустит. И я не смогу помочь ей восстановить память.

Джули презрительно посмотрела на меня:

Как ты можешь сейчас об этом думать? Нашего сына могут обвинить в жестоком изнасиловании. Вся его жизнь может пойти под откос, а ты думаешь о своем?

– Он этого не делал.

Неважно, Алан. Ты знаешь, что будет дальше. Дело заглохнет, и его будут подозревать до конца жизни!

Джули была права по всем фронтам. Не знаю, почему мои мысли переключились на расследование и лечение Дженни. Мой эгоизм оказался сильнее, чем я думал.

– Ты права. Извини.

Что будем делать?

Ответов на все вопросы у меня не было.

– Перезвони адвокату. Скажи, что ошиблась. У Джейсона белая толстовка с красной птицей. Придумай что-то еще. Главное – сообщи, что ошиблась и что теперь вздохнула с облегчением. Я ему не верю. Он может попытаться помочь другим, сунув Джейсона под поезд. Теперь конфликт приобрел невероятный размах. Мы сами поговорим с Джейсоном. И найдем действенный ответ. Нет, не ложь, просто ответ.

Джули согласилась и задала мне вопрос. О чем? Конечно, поинтересовалась, что будет, если кто-нибудь вспомнит о толстовке. А потом о хлорке и бритье – взятые вместе, эти обстоятельства вполне могут сработать, не так ли? И Парсонс с Томом Крамером выйдут на след пловца. Вполне логично. В результате каждый парень из команды, присутствовавший на вечеринке, будет носом землю рыть, чтобы не оказаться на пути этого поезда.

Как я уже говорил, ответов на все вопросы у меня в тот момент не было. Но потом я их нашел.

Глава девятнадцатая

Вспоминать те дни и рассказывать о них чрезвычайно трудно. Они были пропитаны эмоциями. Главным образом страхом. В моей голове они структурированы не очень хорошо.

С Дженни я встретился в среду. Она сумела восстановить фрагмент памяти и вспомнила об отбеливателе. На следующий день я увиделся с Крамерами и рассказал им об этой находке. Круз Демарко на тот момент уже признался, что был на вечеринке и видел, как парень в синей толстовке с красной птицей направлялся в лес. Об этом мы тоже поговорили. Том вырвал у меня обещание попытаться восстановить воспоминание о синей толстовке, тем более что одна деталь того вечера у нас уже была. После полудня Крамеры поехали домой. Это было в четверг. Остаток дня Том провел за компьютером в поисках синей толстовки с красной птицей. Шарлотта обнаружила связь между историей своих отношений с отчимом и тем, что случилось с ее дочерью. После того как Дженни восстановила маленький фрагмент памяти, мать, сидя в кровати рядом с дочерью, вновь мысленно пережила ту свою ночь, а потом прижала ее к груди, попыталась утешить и обнадежить.

Затем сделала себе некий подарок, занявшись любовью с мужем. Я вернулся домой к жене и синей толстовке с красной птицей.

На следующий день, в пятницу, на прием пришла Шарлотта. После нее я ждал Тома. Я вам уже немного рассказывал о том, как миссис Крамер поведала мне о своем разговоре с дочерью и как я оказал ей медвежью услугу, подтолкнув к определенным выводам. Теперь вы понимаете, почему я повел себя столь некомпетентно.

Пообщавшись с Шарлоттой в половине девятого утра в пятницу, я представлял собой сгусток нервов. Принял двух других пациентов, старательно делая вид, что их проблемы представляют для меня интерес. То утро было какое-то несерьезное. Миссис С. поссорилась с соседкой. Она страдала от хронической депрессии, но обсуждать хотела именно это. Соседку. И забор, через который они ругались. Мистер П. опять мучился от бессонницы. Но принимать «Золпидем» не хотел. Я битый час пытался разобраться в его идиотских проблемах. Вы хотите спать или нет? Вот что я хотел ему сказать. Но не сказал. Лишь проявил сказочное самообладание в ожидании звонка жены.

Она позвонила в четверть двенадцатого. Я снял трубку, даже несмотря

на то, что в тот момент у меня в кабинете сидел мистер П. Сказал ему, что это пациент, нуждающийся в неотложной помощи. Ложь, ложь и снова ложь.

Я сказала адвокату, что толстовка оказалась темно-пурпурного цвета, а красным на ней изображена не птица, а буквы. Сделала так, как ты велел. И добавила, что чувствую в душе невероятное облегчение.

– Он тебе поверил?

Думаю, да. По крайней мере, мне так показалось. Сказал, что полицейские сегодня допрашивают трех других парней и что разговор с Джейсоном на повестке дня пока не стоит. Брандино говорил непосредственно с детективом Парсонсом.

– Он не сказал, сколько у нас времени?

По его словам, как минимум неделя. Но я полагаю, если мы скажем, что в следующую субботу у Джейсона соревнования по плаванию и сошлемся на экзамены, то может, даже больше.

– Отлично, милая. Это хорошая новость.

Джули умолкла. Я слышал, как из ее груди вырвался вздох. Она всю ночь переживала и очень устала.

Поговоришь с Джейсоном вечером?

– Да. Как только вернусь домой. Скажи ему, пусть никуда не уходит, хорошо?

Скажу. А как быть с одеждой?

– С какой еще одеждой?

Ну... с одеждой... с той, что... Ладно, все в порядке.

– Ты все поняла?

Да. Сегодня просмотрю фотографии на компьютере. А ты? Покопаешься в его телефоне?

– Да. Вечером, когда поговорю с ним. Заодно посмотрим социальные сети. Нужно будет все проверить.

Хорошо. Я люблю тебя.

– Я тебя тоже. Пока.

Это все, что у меня было на тот момент. Избавиться от одежды и этой злосчастной толстовки. Избавиться от всех фотографий, на которых Джейсон в ней запечатлен. Я все ему расскажу, и потом мы, основываясь на событиях того вечера, придумаем, что говорить полицейским. Я всегда считал, что этот мир далеко не такой уж справедливый. И вспоминаю об этом каждую неделю, когда отправляюсь в Сомерс. А еще когда думаю о своем пациенте Гленне Шелби. Полагаю, я уже говорил, что Шелби в конечном итоге покончил с собой.

Я отнюдь не хочу сказать, что в мире нет места справедливости, законности и правде. Но полагаться на что-то подобное не стоит, и человек должен защищать себя всеми доступными способами. Я знал, что мне придется сесть напротив сына и открыть ему глаза. Объяснить, что он забыл, в чем ходил на ту вечеринку, не был в лесу и не видел синего автомобиля Круза Демарко. Растолковать, что он не помнит, что случилось с его синей толстовкой и покупали ли мы ему такую вообще. У него их больше дюжины. Донести, что эти мелкие нарушения закона вкупе с его непоколебимостью необходимы для того, чтобы выжить в этом несправедливом мире. Я убедил себя, что это пойдет на пользу и даст мне возможность чему-то научить сына до того, как с ним что-нибудь случится. Я начал немного успокаиваться. Джейсон не совершал этого преступления, и какому-то слизняку, торгующему наркотиками, теперь не удастся его обвинить.

Потом я позвонил детективу Парсонсу. Это было неблагоприятно, потому как мозги мои соображали не лучшим образом. Но имея доступ к нему, к его информации и располагая надежной легендой, я не смог удержаться. Знание механизмов функционирования мозга, даже своего собственного, еще не наделяет человека способностью его контролировать.

Этот звонок чуть не довел меня до сумасшествия.

Привет, Алан. Рад слышать вас. Как там у вас? Что-нибудь новое накопили? Дженни вспомнила синюю толстовку?

– После того сеанса, в среду, я с ней больше не виделся. Она будет у меня сегодня после обеда. Думаю, Том рассказал вам, что случилось во время нашей последней встречи?

Да, Дженни что-то там почудилось. После того, как она понюхала отбеливатель.

– Ничего ей не почудилось. Она восстановила маленький фрагмент памяти. Подлинное воспоминание о подлинном событии.

Вот и славно. Называйте это как хотите. Это в любом случае принесет только пользу. Плохо, что она не видела лица. Ведь не видела, да? Я тут подумал, что нам надо бы присмотреться к команде по плаванию. На той вечеринке было много пловцов. Я усадил одного своего парня почитать прошлогодние допросы. Попросил школу прислать список, теперь вот жду.

– Отлично, здорово. Но здесь нам нужно соблюдать предельную осторожность. Перед тем как делать какие-то выводы, я хотел бы поработать с Дженни еще. Воспоминания о том или ином событии склонны группироваться вместе. Примерно как главы в книге. И вполне возможно,

что запах отбеливателя относится к четвертой главе, когда девушка была в ванной, а изнасилование, к примеру, к десятой. Если мне удастся заполучить все главы, мы сможем сложить их в правильном порядке и...

Делайте, что считаете нужным, Алан. Если мы возьмемся за команду по плаванию и тех, кто в тот вечер мог с ними контактировать, вреда не будет. Давайте будем решать проблему сразу с двух сторон, хорошо? Поверьте, мне это совсем не нравится. Я не собираюсь занять первое место в рейтинге популярности среди жителей Фейрвью, проверяя наших детей. Но свою работу все равно делать должен.

– Да, конечно. – Я был напуган до смерти и чуть было не сказал ему о Джейсоне – не о толстовке, а о том, что мой сын входил в команду по плаванию и тоже присутствовал на той вечеринке. В прошлом году я еще не был знаком с Парсонсом. Когда Джейсона допрашивали, я сидел рядом, но с нами разговаривала молодая женщина. Происходило все у нас дома. Беседа получилась очень непринужденной. Она записала буквально несколько слов, потому что Джейсон не заметил ничего интересного. Я ожидал, что подобное откровение Парсонса поразит. И чем дольше я буду об этом умалчивать, тем больше будет его удивление. А удивление в той или иной степени перерастает в подозрение.

Но тут заговорил Парсонс:

Послушайте. Том сказал, что сегодня будет у вас. У меня есть для него новость. Это касается Демарко. Не передадите ему?

– А в чем дело?

За него поручились. Но дело не в этом. Мы поднажали на этого парня, Джона Винсента. Вы должны его помнить, он покупал у Круза наркотики неподалеку от школы. Пригрозили обвинить его в соучастии. Адвокат в ответ сообщил нам сведения, которые опровергают причастность Демарко к изнасилованию. Там говорится, что в момент совершения преступления Винсент и Демарко были совсем в другом месте.

– В другом месте? Но это невозможно! Он же сказал, что видел, как парень в синей толстовке около девяти часов направился в лес. Соседский мальчишка в восемь сорок пять видел его машину, в которой никого не было. Кстати, вы спросили, не заметил ли он парня в толстовке? Демарко все это насочинял, вы разве не понимаете?

Должен признать, что в тот момент я глупо подумал, что нашел выход из положения. И быстро поправился.

Ну да... да... конечно понимаем. Нет, Тедди не видел, чтобы кто-нибудь направлялся в лес. Но послушайте. Около половины девятого Демарко разговаривал с несколькими ребятами у черного хода в дом. Двое

из них признались, что он предлагал им травку. Уверен, что эти маленькие ублюдки немного у него прикупили, но речь не об этом. У нас есть независимые доказательства того, что в половине девятого Демарко был на вечеринке. Джон Винсент утверждает, что еще раз встретился с ним в его машине в четверть десятого и они вместе поехали в Крэнстон за кокаином. Думаю, что Винсент мог работать на Демарко. Надо было взять его в тот день у школы. Бьюсь об заклад, что в его сумке тогда было явно больше, чем пара косячков.

– Погодите. Что конкретно вы хотите до меня донести?

Что Демарко около девяти вернулся в машину – уже после того, как Тедди Дункан прошел мимо. В тот самый момент, когда он увидел парня в синей толстовке, направлявшегося в лес. Несколько минут спустя Джон Винсент, как и было запланировано заранее, вышел из дома, сел к нему в автомобиль, и они поехали в Крэнстон за кокаином. Их не было около часа.

– Но это... это всего лишь слова. Хотя на мой взгляд звучат вполне убедительно. Они просто подтасовали уже известные факты. Подумайте сами! И не верьте всему, что эти два типа говорят.

Но послушайте, Винсент сказал, что они остановились заправить машину и купить сигарет. Расплачивался он своей банковской картой. Мы запросили распечатку в банке – в вечер изнасилования в 9 часов 37 минут с его счета были сняты десять баксов. К тому же у нас есть запись камеры наблюдения, а на ней «Сивик», Демарко и Винсент на заправочной станции. Демарко не хотел признаваться нам, что повез подростка покупать кокаин, потому как в этом случае ему грозит обвинение в другом тяжком преступлении, ведь он подверг опасности ребенка. Но теперь мы его прижали, и окружной прокурор, не исключено, отпустит Винсента за то, что тот дал показания. А Демарко придется немного посидеть.

– Однако не за изнасилование.

Вы правы, не за изнасилование. Но ведь у нас есть толстовка, правда? А также отбеливатель и воспоминания, которые потихоньку возвращаются к Дженни. Знаете, я ведь тоже очень расстроен, уж можете поверить. Мне казалось, что стоит нам найти «Сивик», и дело можно закрывать.

– Да, Том тоже так думал.

У меня такое ощущение, что все надо начинать сначала. Пора повнимательнее присмотреться к команде пловцов. Боже праведный, никогда бы не подумал, что кто-то из наших ребят на такое способен. Проявить жестокость. Оставить шрам с помощью той палочки. Вот дерьмо! Я хочу найти этого парня, страх как хочу. Но не желаю, чтобы им оказался

кто-то из наших. А лица Дженни, похоже, не запомнила, да? Впрочем, это зависит от обстоятельств.

Я был на грани паники. Это далеко не то состояние, в котором следует принимать важные решения. Я убедил себя ничего не говорить Парсонсу о Джейсоне. К счастью, я обладал достаточной внутренней дисциплиной, чтобы лишь попрощаться и больше ничего не говорить. Потом положил трубку, выдвинул ящичек стола, достал таблетку «Лоразепама» – самую малость, всего полмиллиграмма, – и выпил ее. Нужно было успокоиться, чтобы вновь обрести способность думать.

В тот день порог моего кабинета должны были переступить две благоприятные возможности – сначала Том, потом Дженни. Я дождался, пока таблетка не провалилась, и успокоился. Дыхание стало размеренным и ровным. Я устремил взор в одну точку – на этикетку на горшке с тюльпаном. Это первое, что пришло в голову. Затем перебрал в уме все, что нужно было сделать.

Сначала Том. За три месяца совместной работы мы добились значительных успехов. Вы уже знаете, что у него были проблемы с собственным «я», которые уходили корнями в детство и не самым лучшим образом отражались на его семейной жизни и работе. Разработанный мною план его лечения я тоже описывал. К моему удивлению, он уже нащупал способ избавляться от гнева на родителей. Вспомнил некоторые вещи, которые они говорили ему, когда он был еще мальчишкой. Как отец повторял: «А что ты сам думаешь о своем поступке?», а мать талдычила: «Не каждому дано быть хорошим во всем. – А потом добавляла: – Человек должен принимать себя таким, какой он есть, и учиться любить себя со всеми изъянами». Но при этом ни один из них так и не смирился с собственными недостатками. Когда отца даже не раз, а три раза подряд не избрали руководителем кафедры, они стали злобно критиковать членов комиссии и даже высмеивать лично каждого из них: у той дурацкий шиньон, у этого воняет изо рта, у того кривые зубы, да к тому же уродливая жена. А мать так же нелестно высказывалась о своих партнерах по теннису – все они были ленивые, жирные и неизменно тупые. По сравнению с ними самими все были глупцы. Том припомнил множество случаев скверного поведения родителей, противоречившего их словам и той снобистской философии, которую они назойливо проповедовали.

Да пошли они, – сказал Том примерно три недели назад. – Нет, я серьезно. Пусть идут на хрен. Алан, у вас тоже есть дети. Вы когда-нибудь говорили им, что они ограничены в своих способностях? Может, лучше ориентировать ребенка на достижение жизненного успеха? Меня

всегда преследовало ощущение, что любое мое достижение – хорошие оценки, зарплата, карьерный рост и даже жена с детьми – является ошибкой. Будто я кого-то одурачил, убедив, что все это заслужил. Впрочем, примерно то же я чувствую и сейчас.

Тому казалось, что он недостоин такой прекрасной жены, столь прелестных детей и жизненного успеха, каким бы умеренным он вам ни казался. Он сделал вполне достаточно, чтобы жить в Фейрвью и быть членом загородного клуба. У него были деньги на обучение детей в колледже, густая копна волос на голове и стройное, мускулистое тело. Он обладал прекрасной репутацией и отменным здоровьем. А еще любил автомобили – и те, которые продавал, и те, на которых ездил. И каждый день с удовольствием отправлялся на работу. По крайней мере, до тех пор, пока его дочь не изнасиловали.

Наконец я решил, что он готов услышать слова, которые я не мог не произнести.

– Том, – произнес я во время нашей последней встречи на минувшей неделе, – позвольте мне задать вам один вопрос.

Задавайте...

– Как по-вашему, вы заслужили, чтобы Дженни была изнасилована?

Что... что вы сказали? – Том был шокирован. Сказать, чтобы он «пришел в ужас», было бы чересчур, но все же был к этому весьма близок.

– Вы не заслужили, чтобы у вас были дочь, Лукас и Шарлотта. Не заслужили свою работу. Так может, вы попросту присвоили то, что отнюдь не должно вам принадлежать, и за это мир на вас ополчился? Может, причина случившегося – вы сами?

Боже мой! Это жестоко! Что вы такое говорите?! Как вы смеете?!

– Том, вы прекрасно знаете, что я так не думаю. Но не находят ли мои слова отклика в вашей душе?

Отклик, конечно же, был. В тот момент я еще не был убит, как сейчас, да? Восемь дней назад? И присущие мне способности еще не затуманила опасность, нависшая над моей собственной семьей. Том откинулся на стуле и позволил этой мысли пропитать его до мозга костей. Глаза его расширились, а лицо, как всегда, пошло красными пятнами и скукожилось. Сопровождаемые громкими всхлипами, по щекам скатились две слезинки. Том плакал почти на каждом нашем сеансе.

Вот он, тот этап, которого мы достигли в работе. Том чувствовал вину. В определенной степени это вполне нормально – испытывать вину за то, что ты не смог защитить свою маленькую девочку. Но в основном это чувство носило абстрактный характер – Тому казалось, что причиной всего

является он сам. А это уже иррационально. Если нужно, если вы сами подсознательно в это не верите, гоните от себя подобные ощущения. У меня нет ни времени, ни желания что-то объяснять вам или убеждать. Мне еще нужно сделать очень и очень многое.

Вина – очень мощное чувство, и в том расстроенном, маниакальном состоянии духа, в котором я пребывал в ту пятницу, мне казалось, что я смогу им как-то воспользоваться.

Я собрался было подумать немного о Дженни, но время бежало слишком быстро. На прием пришел Том, и голова моя была забита вопросами, которые мы обсуждали с начала совместной работы и о которых я вам только что рассказал. Я услышал, как хлопнула входная дверь. Наступило время сеанса. Я был очень расстроен, что так и не выработал план спасения моего сына. Но Тому вскоре предстояло все изменить.

Глава двадцатая

Том был явно возбужден. Ночью спал плохо. Ему не давала покоя мысль о синей толстовке, его эго никак не могло решить, как относиться к сексуальным демаршам жены, а сердце разрывалось от жалости к дочери, которая осталась в своей комнате, – воспоминание о том, что ее изнасиловали, теперь вырвалось на волю и подвергло их всех жестокой пытке.

Он сел на краешек дивана, расставил ноги и положил на колени ладони, по которым то и дело пробегала нервная дрожь. Он втянул голову в плечи, дыхание его было судорожным и отрывистым.

Я немного успокоился.

– Сегодня вы выглядите неважно. Что-нибудь случилось? – спросил я.

Нет. Ничего. В том-то и проблема.

– Понятно.

Что вам понятно? У меня такое ощущение, что я один надрываюсь в поисках насильника дочери. Я полночи не спал, все разглядывал снятые в Фейрвью фотографии, просматривал каталоги одежды...

– Искали синюю толстовку с красной птицей?

Да. Да! А вы как думали? Боже мой, неужели вы не понимаете, что это ключ к поимке этого чудовища?

– Вы, похоже, очень расстроены.

Том немного успокоился и попросил прощения за свою вспышку.

– Вы обнаружили что-нибудь, способное навести нас на след? – Ответ на этот вопрос я уже знал от Шарлотты.

Вы хоть представляете, сколько в мире синих толстовок? Что же до красной птицы, то это вообще может быть что угодно. Дубонос. Крылья военно-воздушных сил. Ястреб...

– Но в Фейрвью вы ничего так и не нашли? – Я перебил его, как только услышал слово «ястреб». – Ни спортивных команд, ни клубов... В нашем городе ничего такого нет?

Ничего. И ни одной фотографии человека в такой толстовке. Просмотрел все снимки на сайте школы, пробежал глазами публикации в «Еженедельном рекламодателе»... Но сотни и сотни прошли мимо меня. Почему этим не занимается полиция? Для одного человека, у которого работа, дети да еще и Шарлотта, это слишком... Слишком!

Слезы во время этого сеанса брызнули рано, и я сделал то, что делаю

всегда. Дал ему выплакаться. Том откинулся на подушки, сжал колени и закрыл руками лицо. Плакать ему было стыдно. Да-да, это, опять же, восходит к его родителям. Они даже не предполагали, что их дети имеют право на чувства. В том числе и на слезы. Книги, содержащие в себе подобные семейные советы, увидели свет лишь в 1980-х годах.

– Том... а что будет, если этого мужчину не найдут?

Слово «мужчина» я использовал в разговорах со всеми с того самого момента, как застал жену прижимавшей к груди толстовку Джейсона. Именно «мужчина», а не «мальчишка», не «юноша» и даже не «парень». Термин «мужчина» рисует в воображении человека постарше, чем мой сын.

Том покачал головой.

Этого не может быть. Просто не может – и все.

– Ну хорошо.

Я протянул ему бумажные салфетки.

Я читал о том, как восстанавливаются после изнасилования – со слов не докторов, а жертв. Без обид – я отнюдь не пытаюсь умалить того, что вы для нас сделали. Но голос моей дочери украли эти недоделанные лекарства. Она не может сказать, что ей нужно, чтобы почувствовать себя лучше, поэтому я попытался разобраться сам.

– Отлично. Учиться всегда полезно.

Что им приходится пережить... ощущение, что нападающий сильнее тебя... а потом... Я до сих пор не могу произнести этого вслух...

– Проникновение. В человека проникают вопреки его воле.

Да. Это остается с ними надолго. Некоторые жертвы чувствуют себя так, будто у них отняли человеческое достоинство. Именно это пришло мне в голову, когда вы рассказали нам о том сеансе. О вернувшемся воспоминании. Как она ощущала себя животным, как он ее оседлал и как ломал ее, будто скотину.

Том больше не плакал. Не потому, что больше не чувствовал в душе отчаяния. Просто у него больше не было слез.

Дело вот в чем. Я забыл все, о чем мы с вами говорили. Перестал слушать Шарлотту и выбросил из головы все ее слова. Я не рассматриваю правосудие как волшебное снадобье, которое излечит Дженни, но все эти женщины, или почти все, в один голос говорят, что выздоровеют после того, как их насильник понесет наказание. Некоторые из них исповедуют принцип «око за око, зуб за зуб» – понимаете, им важно знать, что эту мразь в тюрьме тысячу раз оттрахают так, как он оттрахал их, и что он при этом будет испытывать точно те же чувства. Впрочем, они выражаются иначе, так что прошу прощения за терминологию.

– Все в порядке. Скажите, а чего вы хотите таким образом добиться, Том? Ведь вопрос именно в этом.

Я не хочу сказать, что они почувствуют себя лучше, зная, что насильника тоже будут насиловать в тюрьме. Но он потеряет свои права, свободу и человеческое достоинство. А когда выйдет, всегда будет носить на себе клеймо за совершенное преступление. Его жизнь уже никогда не будет прежней. Их – тоже. Они обречены пребывать в некоем подобии тюрьмы. Вот что они говорят. Что в собственной голове чувствуют себя будто в камере. Думаю, вы и сами часто слышите это от своих пациентов.

– Да, слышу.

Думаю, мне было необходимо узнать об этом самостоятельно от жертв. Многие из них говорят, что мир слышит их, узнавая о происходящем. Слышит и верит, потому что в момент, когда все случилось, их голос был бессилён. Их волю нарушили, и когда насильник отправляется в тюрьму, к ним будто возвращается сила. Вероятно, одним это помогает больше, другим меньше. Но ни одна из этих женщин еще не сказала, что осуждение виновного не оказало на нее благотворного влияния. Так что я согласен, у вас есть возможность помочь Дженни вернуть память, чтобы она смогла...

– Связать свои эмоции с истинными фактами.

Да, чтобы она стала работать со своими воспоминаниями и разложила их по нужным ячейкам. Сейчас она уже не хочет умереть. И никогда не захочет в будущем. Такое больше не может случиться. Никогда.

– Надеюсь, Том, что так оно и есть. Как по-вашему, ей стало лучше?

Не знаю. Иногда мне кажется, что да. По-моему, она чувствует себя лучше, когда возвращается домой после занятий вашей группы. Я был неправ, когда возражал против ее участия и опасался, что она будет ощущать себя неуютно в компании всех этих людей.

– А теперь?

Теперь я понимаю – ей нужно, чтобы кто-то выслушал ее историю. Примерно то же, как мне нужно было прочесть о них в книгах. Понимаете, она будто вновь ожила, и в ее глазах я снова вижу искру жизни.

Я тщательно скрывал охватившее меня волнение. Транквилизатор мне в этом помогал. У меня не было времени рассказать вам об искре в глазах Дженни. И о том, что искра эта была непосредственно связана с женатым «морским котиком».

Это вы можете сделать для нее. А как быть со мной? Я ее отец. Мне нужно что-то делать. Но все, что я могу, это помочь найти насильника и наказать его. Даже если это принесет лишь малую толику покоя, облегчения, успокоения, называйте как угодно. По крайней мере, это сделает не кто-то, а я.

– Вы думали о нашем предыдущем разговоре? О том, что вы не заслуживаете дочери? О чувстве вины?

Уж конечно! Такое разве забудешь? Не знаю. Меня и правда гложет чувство вины за то, что я не смог ее защитить. В остальном же... если вспомнить ваши слова, что мир меня наказывает... По большому счету, я чувствую себя бессильным.

– Вы не могли бы объяснить поподробнее?

Том закатил глаза, и на лице его отразилось отчаяние.

Не знаю. Минувшей ночью Шарлотта решила заняться со мной любовью. По какой-то неизвестной мне причине. Я чувствовал себя так, будто ко мне это не имело ни малейшего отношения. А потом та секретарша в салоне по продажам «Ягуаров» на 26-й автомагистрали...

– Знаю я этот салон.

Я не понимал, к чему клонит Том. Но был уверен, что раньше он с той юной секретаршей не спал. И если бы ошибся, то сдал бы свою лицензию.

Мне позвонил клиент. За последние четыре года этот парень купил у меня четыре машины. Он из тех, кому просто нельзя отказать. Я уже ехал домой, но он позвонил мне и сказал, что хотел бы посидеть за рулем новой модели «Ф-тайп» с откидным верхом. Салон я уже закрыл и уехал. На улице совсем стемнело, стало быть, стрелки часов перевалили за восемь. Моим девчонкам на следующий день надо было на работу, поэтому я ушел последним. Но после звонка того парня повернул обратно и двадцать минут спустя уже был в салоне. Клиент должен был приехать только через десять минут. Я вошел внутрь и услышал этот звук. Его ни с чем не спутать. Парочка, занимающаяся любовью. Мне нужно было включить свет, чем-то громко стукнуть, сделать вид, что я ничего не слышал, дать им возможность убраться восвояси или одеться. Хоть что-нибудь.

– Но вы ничего такого не сделали. Понимаю. Стремления все знать у человека не отнять.

Хотя гордиться здесь нечем, я все же поступил именно так – вошел в салон и прислонился к стене. А потом увидел их. Свет уличных фонарей, проникавший через окно, падал прямо на них.

Воспоминание об увиденном заставило Тома содрогнуться. Я

несколько мгновений помолчал, давая ему собраться.

Это был мой хозяин. Боб Салливан. Он был с Лайлой, той молодой женщиной. А если по правде, то совсем еще девчушкой. Боже мой, ей всего двадцать лет! А ему пятьдесят три. Не знаю почему, но больше всего меня расстроило, что Боб каждые выходные играет с ее отцом в гольф. Они дружат вот уже несколько десятилетий. Растили детей в одном городе, встречались в одном клубе. Она лежала грудью на капоте серебристого «Ягуара ХК». Юбка была задрана до пояса, Боб руками прижимал девушку к полированной поверхности, одной за плечо, другой за шею. Неприятное зрелище. Он пристроился к ней сзади, она делала вид, что в восторге от происходящего. Стонала и все такое прочее. Но я видел ее лицо. У меня на глазах он своими толчками вдавливал Лайлу в капот. И каждый раз я видел, как она при этом морщилась от боли. Боже мой, вы можете подумать, что я наблюдал за ними в течение долгого времени. Откровенно говоря, это продолжалось всего несколько секунд. Но все равно довольно долго. Думаю, я не скоро забуду эту картину. Боб знал Лайлу, еще когда она была совсем ребенком. Ходила с косичками и играла в кукол Барби. Но теперь у нее было тело взрослой женщины, и он мог уложить ее животом на капот.

В этот момент внутри у меня все сломалось. Сердце остановилось. Душа умерла. Профессиональная честность куда-то улетучилась. Работал только мозг, причем работал быстро.

– И что же вы сделали?

Вышел обратно на улицу. Сел в машину. Отъехал от черного хода и сделал круг, осветив фарами салон.

– Чтобы дать им время скрыться?

Совершенно верно. Я сделал то, что должен был сделать с самого начала. Открыл своими ключами дверь, включил свет и кашлянул. С багрово-красным лицом мне навстречу вышел Боб. У меня было такое чувство, будто я его избил.

– И что было дальше? Он объяснил, почему так поздно там оказался?

Ну разумеется. А я сделал вид, что поверил ему. Даже глазом не моргнул. Вранье давалось мне легче, чем я думал. Он в моих словах не усомнился. Мы поговорили о цене для клиента, который должен был вот-вот подъехать, и о том, какую скидку я могу ему предложить. Я уверен, что Лайла выскользнула через другой служебный выход.

– Когда это случилось?

Том пожал плечами:

В прошлый вторник.

– Вы с кем-нибудь об этом говорили? С Шарлоттой, например?

Нет. Ни с кем. И предпочел бы, чтобы и вы сохранили мои слова в тайне. Это моя работа. Карьера. Под моим началом находятся все его автосалоны. Я его правая рука и не намерен рисковать.

– Даже ради этой юной девушки? Вы поэтому ощущаете себя бессильным? Почему вы мне об этом рассказали?

Том задумался.

Да, думаю, так оно и есть. Я чувствую себя... Да нет, я просто бессилен. Лайла уже взрослая. Молодая, но все же взрослая. Вероятно, надеется от него чего-то добиться. Я знаю, ей нужны деньги. Может, она рассчитывает получить приличную прибавку к зарплате. У его отца был трудный период, а ей хочется пойти учиться в колледж. А что мне еще остается делать? Пригрозить, что расскажу обо всем его жене? Я такими вещами не занимаюсь.

– А если бы вы не работали на Боба Салливана? Если бы, к примеру, были простым покупателем?

Думаю, тогда... ну... я не знаю. Вполне возможно, что чувствовал бы себя точно так же. А может, и нет.

– Но ведь у вас был бы выбор. И вы могли бы принять собственное решение, не продиктованные соображениями карьеры.

Да. Верно. Так оно и есть.

Я кивнул. Мне было приятно произнести то, что я обычно говорил в таких случаях. Тем не менее, я оставался ребенком, играющим с коробком спичек.

– Том, – обратился я к нему. – Я лишь хочу убедиться. Вы говорили, что он одной рукой схватился за ее плечо, другой за шею. И что вы видели ее лицо.

Да. Я ведь сказал, что он держал ее за волосы. Может быть, даже тянул, хотя и не сильно...

– Вы уверены, что все происходило по взаимному согласию?

Боже мой, да! После всего случившегося... Я бы выбросил его в окно, если бы решил, что он ее насилует. А почему вы об этом спрашиваете?

Я сделал вдох, чтобы притормозить носившиеся в голове мысли и обдумать свой план. Том не знал всех подробностей того, что вспомнила Дженни – что одной рукой насильник вцепился ей в плечо, а другой в волосы на затылке. Я собирался рассказать ему об этом сегодня, но передумал – момент для этого был явно неподходящий. Для мужчин во время секса это обычное дело. Они любят тянуть женщину за волосы или наматывать их на пальцы. К тому же им нужно за что-то держаться для

устойчивости. В этом нет ничего такого. И все же в сложившейся ситуации рассказ Тома был очень полезен. Чрезвычайно полезен. Я стоял на пороге важнейшего открытия.

– Простите, Том. Я лишь хотел убедиться. Данный инцидент никоим образом не должен отразиться ни на нашей работе, ни на вашем эмоциональном состоянии, вызванном проблемами с Дженни. Вы правы – Лайла уже взрослая. По всей видимости, она прекрасно знала, что делает, и на то у нее были свои резоны, какими бы жалкими они ни казались. А Боб, по-видимому, полагал, что доставляет ей удовольствие.

Теперь, казалось, Том уже был не так уверен в своих ощущениях. Я больше ничего не сказал. Потом мы поговорили о Шарлотте, о той работе, которую предстояло проделать нам с Дженни, о родителях Тома и его детских проблемах. Я дал ему наговориться вволю, потому что сам без устали обдумывал следующий ход. Работу с Томом я закончил. По крайней мере, на данный момент.

Глава двадцать первая

До сеанса работы с Дженни оставалось полтора часа. Я не видел ее с тех пор, как мы восстановили тот обрывок памяти – маленький фрагмент, который станет ключевым моментом, откроет нам доступ к другим воспоминаниям и позволит досконально воссоздать события. То есть все вспомнить.

Но тогда я думал не о Дженни.

Боб Салливан. Вот кто не выходил у меня из головы. Тот факт, что он спал с другими женщинами, меня не удивил. Мы с Шарлоттой обсуждали их любовную связь, и женщина верила, что он действительно ее любит. Что она у него единственная. Что любовь к ней была для него пыткой. Но я в это не поверил. Ни на секунду. Самомнение у него было столь же огромным, как его рекламные щиты на обочинах автострады. Мужчинам не нравится любить только одну женщину.

Мы не возвращались к этой теме с тех пор, как я рассказал вам о той ночи на парковке, когда Шарлотта встретила с Бобом, еще не смыв с себя кровь дочери. Здесь нужно добавить кое-что еще. Прошло три месяца – три месяца лечения и три месяца еженедельных свиданий Боба и Шарлотты. Мы еще раз обсудили это в то самое утро, когда она рассказала мне о сексе с мужем.

– Как ваши отношения с Бобом?

В последнее время мы говорили об амурных делах Шарлотты с той же легкостью и небрежностью, что и о ее партиях в теннис. С моей стороны это было преднамеренно. Ее увлечение Салливаном представлялось абсолютно нормальным. Но к этому выводу она должна была прийти сама. И в моем мнении, которое лишь мутило бы воду, не нуждалась. Я тщательно придерживался нейтралитета.

Ох, я даже не знаю, – с тяжелым вздохом ответила она. – После того, как мы нашли Дженни на полу в том домике у бассейна, все изменилось. Теперь встречаемся в доме на западной окраине Крэнстона. Один его друг уехал путешествовать по Европе и попросил Боба за ним приглядеть. Я еду туда, только когда к нам приходят уборщицы. То есть по понедельникам. Потому что больше не оставляю Дженни одну. По крайней мере, не больше чем на час, и то если мне надо съездить за продуктами или чистящим средством. С друзьями я больше не встречаюсь. В теннис не играю. А когда сажусь в машину и отъезжаю от дома, то единственное, о

чем могу думать, это Дженни, лежащая в том домике на полу...

Чтобы собраться, Шарлотта сделала глубокий вдох и закрыла глаза, всего лишь на секунду. Она слегка вздрогнула, словно отгоняя демонов.

Так что по понедельникам, когда приходят уборщицы, я сажусь в машину и сорок минут еду на свидание с Бобом, которое длится около часа. По правде говоря, теперь мы с ним практически не разговариваем. Здороваемся. Потом он спрашивает о Дженни. Я сообщаю ему последние новости и спрашиваю, как он, как его ребята. Потом мы занимаемся любовью.

– Из ваших слов я могу сделать вывод, что у вас чего-то поубавилось. То ли энтузиазма, то ли интереса.

И в самом деле, поубавилось, но вот чего конкретно, я не знаю. Говоря по правде, на минувшей неделе я на него разозлилась. Он пыхтел дольше обычного. Я симулировала оргазм, чтобы он тоже мог дойти до конца. Не знаю почему, но в тот день мне не понравилось ощущение его рук на моем теле. Причем это отвращение становится все явственнее с того самого вечера, когда мы встретились с ним на стоянке. С того страшного вечера. Во мне будто что-то умирает медленной смертью.

– А как вы полагаете, в ком причина – в вас или в нем?

Шарлотта покачала головой:

Я правда не знаю. То есть... он говорит мне те же слова, что и раньше. И делает то же самое. До сих пор присылает мне текстовые сообщения.

– С какими-нибудь намеками?

Это не просто намеки. Некоторые из них я тут же удаляю, потому как это не что иное, как порнография. Фотографии его торчащего члена. Описание того, что он хотел бы со мной сделать.

Рассказывая об этом, Шарлотта, казалось, испытывала в душе отвращение. Хотя раньше лишь терялась и смущалась.

Он по-прежнему говорит, что любит меня. Но теперь что-то изменилось.

– Такие вещи всегда даются с большим трудом. Ведь Боб был очень значимой частью вашей жизни.

Благодаря ему я ощутила себя целостной личностью, мои две ипостаси слились в одну. Мы с вами об этом уже говорили. Он знает о моем прошлом, но по-прежнему меня любит. И хочет.

– Что же в таком случае изменилось? Почему эта магия больше не срабатывает?

Шарлотта пожала плечами. Она не знала. Я взглянул на нее и тоже

вздыхнул. Она спросила, не расстроила ли меня, и я ответил, что нет. Сказал, что просто устал. Я никогда не рассказываю пациентам о собственных чувствах, но в тот момент меня все больше и больше охватывало нетерпение – не забывайте, что «Лоразепам» я к тому времени еще не принял и никак не мог собраться с мыслями, чтобы перейти к более приятной и значимой части нашего сеанса.

Я дал Шарлотте время подумать, от чего изменились ее отношения с Бобом. Мне, конечно же, ответ был известен. Той ночью, в машине, припаркованной рядом с магазином «Хоум Депо», он так и не произнес этих четырех слов. Так и не сказал: «Это не твоя вина». Запас ее смирения и прощения иссяк, и теперь ей приоткрылась истина – что все это время, когда Боб сжимал ее в объятиях и говорил, что любит, несмотря на то, что она спала с отчимом и из-за этого впоследствии уехала жить к тетке, ее обманывали. Боб просто лжец. Которому хочется ее трахать. Деспотичный и коварный. Должен признать, что на какую-то частичку моего естества он произвел впечатление. Он знал, чем ее поманить и чем прикормить, чтобы эта «плохая» Шарлотта согласилась на все и, не заботясь о собственном удовлетворении, раздвигала ноги до тех пор, пока у нее будет эта прикормка. Но теперь его слова превратились в пустышку. Прикормка, которой он ее пичкал, стала вызывать тошноту, и Шарлотта глотала ее с большим трудом.

Я подумал, на чем он подловил Лайлу в салоне по продажам «Ягуаров». В чем она нуждалась так остро, что легла грудью на капот серебристого «ХК» и безропотно позволила вдавить свое лицо в полированную поверхность, в то время как он пристроился сзади, будто животное? Наверное, деньги, если верить Тому. А может, она нуждалась в отцовской любви? Причин может быть великое множество. И Боб, этот хитрый пес, смог ее вычислить. Да, он действительно меня впечатлил.

Когда Том в тот день покинул мой кабинет, мысли в моей голове проносились с головокружительной скоростью. «Слишком заманчиво, чтобы быть правдой», – без конца думал я. Да, так оно и было. Слишком уж заманчиво и великолепно.

Вы, вероятно, себе такого представить не можете, но я встал и принялся расхаживать по кабинету – туда и обратно, будто дикий зверь по клетке. Сначала ко мне на прием пришла Шарлотта. Затем еще два пациента. Потом был сеанс с Томом, в ходе которого я узнал о Бобе и той маленькой шлюшке в салоне по продаже «Ягуаров». Надеюсь, вы следите за моей мыслью. Той пятнице суждено было сыграть ключевую роль. В своем стремлении защитить сына и не допустить, чтобы против него

выдвинули обвинение, я впал в мономанию. Жена была права – обвинение само по себе навсегда изменит его жизнь. Обсуждение этой темы в социальных сетях оставит после себя неизгладимый, пагубный отпечаток. Я также должен признаться – но только вам, а не Джули, потому как это лишний раз ее расстроит, – что невозможность и далее лечить Дженни тоже давила на меня тяжким грузом. Никакие родители в здравом уме не позволяют заниматься с их ребенком специалисту, над которым нависло столь тяжкое подозрение. Поэтому работу с ней нужно было довести до конца. Я эгоистичный ублюдок, да? Боже мой, как бы мне хотелось, чтобы этого дня никогда не было!

Однако я был не до такой степени убит, чтобы отказаться от реализации зревшего в голове плана. После четырех пришла Дженни. Трое Крамеров за один день. Я с головой погрузился в истории их жизни, что невообразимо помогало мне соединить все детали в одно целое. Я слышал, как они вошли в приемную. Дженни всегда сопровождала Шарлотта. С ними был и Лукас, хотя это и не играло никакой роли. Стоит мне открыть дверь, как они тут же уйдут и оставят нас с Дженни одних. На час. А если надо – то и больше.

Я оторвался от компьютера и открыл дверь.

У меня такое ощущение, что я поселилась здесь навсегда, – пошутила Шарлотта. Она выглядела грустной. Полагаю, эта женщина стала догадываться, почему на нее больше не действует магия Боба.

Я улыбнулся, но ничего не ответил. Дженни прошла мимо меня и села на диван.

– Я сейчас вернусь, Дженни. Лишь скажу пару слов твоей маме.

Хорошо, – сказала она и тут же вытащила телефон, как и подобает тинейджеру. Сидеть спокойно они попросту не могут. И тихо у меня сегодня точно не будет.

Я закрыл дверь, и Дженни осталась в кабинете. Одна. Я поговорил с Шарлоттой о дате следующего сеанса и для отвода глаз поинтересовался, не изменилось ли с того дня поведение Дженни. Долго женщина думать не стала. Вытащила телефон и сверилась с какими-то датами. Я напомнил ей, что по вторникам работаю в Сомерсе.

– Привет, Лукас, – сказал я, пожал мальчику руку и посмотрел в глаза. Он не был моим пациентом и по-прежнему смотрел на меня так, как дети смотрят на доктора. У них есть все основания для опасений, ведь само понятие «врач» подразумевает, что с вами что-то не так. Доктора иногда делают человеку неприятно, а то и больно. Так что я не обиделся.

Все это заняло не больше трех минут. Но больше мне и не

требовалось. Я попрощался с ними и вернулся в кабинет.

На экране компьютера без конца крутился рекламный ролик автосалонов Боба Салливана. Снова и снова звучал его голос. Дженни это никоим образом не тревожило. Я подошел к столу, девушка улыбнулась.

– Прости. Я оставил его включенным.

Все в порядке, – сказала она.

Я выключил ролик, подошел к стоявшему напротив дивана стулу и сел.

– Время от времени я люблю смотреть новости. Но эти рекламные ролики ненавижу. Я знаю, что в этой фирме работает твой отец. Но, похоже, просто ненавижу рекламу.

Дженни снова улыбнулась, и я поудобнее устроился на стуле, довольный, что выполнил эту часть своего плана, своей миссии. Но потом увидел ее лицо. Глаза. У меня перехватило дыхание.

Раньше я уже описывал мои впечатления о Дженни и говорил о том, насколько эта девушка поставила меня в тупик, когда я увидел ее несколько месяцев назад в перерыве между изнасилованием и попыткой самоубийства. И упоминал, как она не походила на жертву психической травмы. В моих глазах это имело смысл, ведь примерно в то же время я узнал о том, как ее лечили. Думаю, я тогда даже сказал, что не утратил профессионального чутья. Потом мы с ней стали работать, но, говоря по правде, после встречи с Шоном она изменилась опять. В среду, во время нашего последнего сеанса, мы осуществили прорыв, тьму пронзил лучик света. Воспоминание. В тот момент, когда она вновь внутренне пережила тот кошмар, я видел, что ее накрыла волна паники. Заметил в ее глазах проблеск боли, ужаса и шока. Но потом все это унесли с собой изнеможение и усталость. Когда Дженни ушла, заметить по ней что-либо было очень трудно. Прошло два дня. Два дня, которые она прожила с этим воспоминанием.

Изучая ее лицо, я старался вежливо улыбаться. И в этот момент увидел. Впервые за все время. Увидел в ее глазах изнасилование, соседствовавшее рядом с жизнью.

– Как ты себя чувствуешь после среды? – выдавил я из себя. Ох, какой же жуткий я человек! Я не мог поверить в то, что сам же и сотворил. Не мог смириться, что запустил механизм самого мерзкого предательства. Я открыл путь, ведущий обратно к той ночи. Пациент лежал на операционном столе, и я собирался заразить его вирусом лжи. У меня была возможность продемонстрировать ей истину в чистом, незапятнанном виде. Но вместо этого я намеревался приступить к реализации своего дьявольского плана и исказить ее в соответствии с моими собственными

целями. Чтобы спасти сына. Чтобы спасти семью. Я сказал себе, что могу пойти на эту маленькую ложь, но остальное сохраню в целостности и сохранности. Но разве так бывает? Моя маленькая ложь поставит на истине крест. Вирус вызовет инфекцию, которая будет питаться здоровой плотью до тех пор, пока та не умрет. Истина упокоится с миром. Меня охватило глубокое отчаяние. Ирония бросалась в глаза. Если я сейчас отступлю, моего сына допросят, а у меня отнимут пациента. Чтобы спасти сына, мне придется испортить собственное детище. Вы меня понимаете? Да или нет?

Дженни заговорила о своем воспоминании и о том, как оно все яснее и яснее представало в ее памяти. Рука на спине. Рука на затылке. Запах отбеливателя. Его член, проникающий в нее, и шок, нарастающий по мере того, как он напирал все сильнее и сильнее, разрывая ее внутренности. Жестокость. Боль. Сломленное животное. Тело животного и его дух. И то, и другое сломлено. То, как ее память сосредоточилась на том моменте, было просто изумительно. От этой мысли меня отнюдь не тошнит. Это было изумительно, потому что происходило в реальности. Я всегда был рядом, бдительно стоял на страже, и теперь мои усилия приносили плоды. За эти два дня Дженни не только вспомнила несколько фактов, но и ассоциировала их с чувствами, которые они породили. Описанные Шоном Логаном призраки больше не бродили в закоулках ее души. Они нашли пристанище, теперь их можно распознать, а потом с ними справиться. Мой метод сработал! Дженни плакала. Даже рыдала.

Я ненавижу его! – кричала она у меня в кабинете. – *Ненавижу!*

– Ну хорошо! – сказал я. Мне и самому хотелось плакать. Мощь внутренней энергии девушки, которую мы выпустили на волю, меня потрясала.

Почему он это со мной сделал?

– Потому что он ничто без той силы, которую у тебя отнял. Он ничто, а ты все. Разве ты этого не чувствуешь? С каким отчаянием он пытался взять твою силу? Как жаждал ее? Это он животное, Дженни. Он, а не ты. У него нет души.

Значит, он отнял у меня силу. Украл.

– Да, попытался. Но отобрал только небольшую часть.

Пусть вернет обратно! Слышите? Я хочу, чтобы он все вернул мне обратно!

Ох, как же в тот день меня тронула ее сила! Я кивнул и сказал единственное, что пришло в голову:

– Я знаю.

А потом на несколько мгновений оставил ее в покое и позволил себе

насладиться моментом. Полакомиться им. Вкусил до конца незапятнанной истины и приступил к выполнению своего плана.

– Сегодня я хочу сосредоточиться на звуках. Возможно, на голосе.

Девушка согласилась. Она всецело мне доверяла. В голове вертелись мысли о событиях того дня в домике у бассейна. Отчета следователя у меня тогда еще не было, зато был рассказ Шарлотты. Я узнал от нее, что они тогда говорили. И как с уст Боба постоянно срывалось одно и то же восклицание. Боже праведный!

– В определенных обстоятельствах люди говорят те или иные вещи. Например, в состоянии эмоционального возбуждения. Думаю, что нервы у этого животного в тот вечер были взвинчены. Я сейчас приведу тебе некоторые подобные восклицания, а ты просто закрой глаза и пусть слова парят в воздухе. То же самое, что мы с тобой делали с запахами. Ни к чему их не принуждай. Просто посмотри, не находят ли какие-то из них в твоём мозгу отклика.

Дженни открыла сумку и вытащила свои вещи. Привычно положила их на колени, кивнула и закрыла глаза. Музыку я включать не стал. Нюхать отбеливатель тоже не давал. Мне хотелось, чтобы она вернулась не в ночь в лесу, а в день в домике у бассейна.

Теперь посмотрим. Проверим теории и результаты исследований в сфере памяти. Дженни не знала о том, что Боб Салливан стоял над ней и перевязывал запястья, стараясь спасти ей жизнь. Найдется ли его голосу место в воспоминаниях девушки? Вычленил ли сознание слова из огромного набора файлов? Смогу я извлечь их из одной ячейки, соответствующей дню в домике у бассейна, и переместить в другую, связанную с событиями того злополучного вечера?

Дженни закрыла глаза.

– Ты готова? – спросил я.

Она кивнула. Я вздохнул и покачал головой, испытывая отвращение и к себе, и к тому, что собирался сделать. Затем стал произносить слова.

– О боже... Господи... Да... Ну что, нравится?.. Да... О боже... Ммммм... Ааааах... Да!.. О боже... Боже мой... Боже мой... Боже праведный, боже праведный, боже праведный...

Глава двадцать вторая

Я не вложил в мозг Дженни ложных воспоминаний о голосе Боба Салливана, она не «вспомнила», что слышала его в тот вечер, когда ее изнасиловали. Думаете, это легко? Тот сеанс стал лишь началом. Маленьким зернышком, посаженным в плодородную почву. Для этого потребуются не только наши сеансы. И не только трюк с проигрыванием перед началом работы рекламного ролика Боба. Если бы все было так легко, подобную работу мог бы проделать любой болван. Нет, это не просто. Да и сам мой план не прост. Но до понедельника я больше ничего сделать не смогу.

В тот вечер я вернулся домой с надеждой в душе. И в то же время полностью уничтоженный.

Сын меня ждал. Ему не нравилось, что мать вечером в пятницу попросила его остаться дома.

– Привет, – сказал я. Он сидел в гостиной и играл в «Иксбокс». Жена нервно поздоровалась, чмокнула меня в щеку и ушла на кухню.

Я встал в дверном проеме, не осмеливаясь переступить порог. Он сидел ко мне спиной в оглушительно вопящих наушниках и ничего не слышал. На экране солдаты убивали каких-то террористов в урбанизированной деревне. Сын ножом перерезал им горло. И орал на друзей, игравших с ним через интернет. Но лишь понарошку – крики тут же сменялись смехом. Сзади вынырнул террорист и ударил Джейсона ножом. Он закричал, затем расхохотался и сказал другу:

Идиот несчастный. Где ты был? Что? Ах, застрял у моста. Братан, чтобы перебраться на другую сторону, нужно было сесть в автобус. Ты меня убил. Вот дерьмо. Ха-ха-ха.

Два дня прошло с того момента, как я узнал, что у моего сына есть синяя толстовка с красной птицей. И как осознал, что в тот вечер, во время вечеринки, именно он направился в лес. После этого мы с женой обсудили, что нужно сделать, чтобы уберечь его от беды.

Меня всегда восхищали узы, связывающие родителя и ребенка. Уверен, что вы тоже знаете о них не понаслышке. Это присуще каждому из нас. Мы для того и пришли в этот мир. Заниматься любовью, рожать детей, а потом умирать, их защищая. В этом отношении нас можно назвать животными. В то же время у нас есть мораль, которая и отличает нас от представителей фауны. Мне плевать, кто и что говорит о животных. У них

морали нет. И если поведение тех или иных зверушек наводит нас на мысли о нравственности, то это всего лишь совпадение. Ими движет врожденный инстинкт выживания, который и заставляет их вести себя «морально». Когда они защищают слабого члена своей стаи. Когда сбиваются в кучу и отгоняют льва, желающего полакомиться одним из них. Когда принимают в свою стаю чужаков. Но ведь примеров аморального поведения тоже великое множество. Кабан убивает своих отпрысков, чтобы мать перестала кормить их молоком и могла зачать новое потомство. Старых носорогов изгоняют из стаи, потому что от них больше нет никакой пользы. Собака пожирает новорожденных щенят, если с ними что-то не так. И так далее в том же духе. Что-то подобное мне доводилось наблюдать в тюрьме, где с человека быстро слетает налет цивилизации. Наблюдать при наличии у пациентов патологий второго типа, которым незнакомо чувство сострадания. У социопатов. От животных мы ушли недалеко. И граница, которая нас разделяет, очень тонка. Но все же реальна.

Жена не исключала, что Дженни Крамер изнасиловал наш сын – к такому выводу я пришел, наблюдая за ней. Смириться с этим мне было нелегко, ведь я знал, что парень невиновен, поэтому ее колебания действовали мне на нервы. Это не значит, что Джули его не любила. Я знаю, что обнаружил бы, если бы копнул глубже. Она не смогла бы ничего ответить, если бы ее спросили, как он оказался в лесу, почему бреет тело или пахнет отбеливателем. Должен признать, что подобный барьер преодолеть действительно очень трудно. Поэтому Джули пошла по пути наименьшего умственного сопротивления – по пути оправданий. Может, он был в состоянии наркотического опьянения. Может, сначала у них все было по обоюдному согласию, но потом что-то пошло не так. Может, к этому был причастен кто-то из его друзей, как раз и проявивший себя таким жестоким. Наш сын точно ничего этого не делал. Но ведь девушка ничего не помнит, правда? «Факты», связанные с изнасилованием, до сих пор остаются чистой воды спекуляциями, и дыры в этой истории можно заткнуть кем угодно.

Джули вспомнила печально известную историю в южной части штата, когда парень приглашал на свидание девушек и потом насиловал. Мы оба помнили, когда его посадили. Помнили свидетельства, данные в ходе судебного процесса, как травили жертв, опровергая на корню их показания. Насильник знал их еще со школы. И они шли с ним добровольно. Он отправился за решетку, но сомнения все же остались. Для его защиты любящие родители потратили целое состояние. Мы для своего сына чего-то подобного сделать точно не сможем.

Когда через несколько лет он обратился с просьбой о досрочном освобождении, слушания дела передавали по одному из кабельных каналов. На экране он предстал милым молодым человеком – раскаявшимся, терзавшимся угрызениями совести и перевоспитавшимся. В этот момент заговорили его жертвы. Впервые им удалось рассказать обо всем без вмешательства ушлых адвокатов. То, что мы с Джули услышали, потрясло нас до глубины души: страшные истории, пронизанные жестокостью, с насилием, содомией, словесными оскорблениями и попытками удушения.

Во время судебного процесса над ним средства массовой информации искажали факты и из кожи вон лезли, чтобы подогреть интерес к противоречиям между показаниями преступника и его жертв. В досрочном освобождении ему отказали. И милый молодой человек в одночасье преобразился. Впал в агрессию. Джули сказала, что увидела в его глазах «безумие». Я был зол на себя, что не разглядел психического расстройства второго типа. Сейчас, проработав несколько лет в Сомерсе, я бы его точно определил.

Я считаю так: этот вопрос Джули подняла, чтобы убедиться, что я буду защищать нашего сына с тем же рвением, с каким эта семья защищала своего. Что пойду до конца, даже если выяснится, что он изнасиловал мою пациентку. Даже если он окажется социопатом. Моя убежденность ее успокоила. Но меня ее допущения встревожили.

Я все размышлял о той семье. Они знали, что он виновен? Им на это было наплевать? Или же они цеплялись за каждое противоречие в показаниях, убеждая себя, что жертвы были всего лишь шлюшками, которые внушили окружающим жалость, заставили поверить в их невиновность и оправдать свои действия? Помимо прочего, я также признаюсь, пусть даже только себе и в весьма эксцентричной манере, что проявил бы настоящие чудеса в таком деле, как поиск оправданий. С моим-то арсеналом знаний в области психологии! Мне не нужно было отвечать на все эти вопросы или проверять собственные убеждения. И двойственного отношения жены к нашему сыну я тоже не разделял.

Я встал перед телевизором и перекрыл Джейсону обзор. Пытаясь увидеть, что происходит за моей спиной, он дернулся вправо, затем влево, по-прежнему тыча пальцами в джойстик. Наконец посмотрел на меня и понял, что наступило время разговора, о котором ему говорила мать, – именно из-за него он в пятницу вечером остался дома.

Я ухожу, – сказал он друзьям. После чего ткнул еще пару кнопок и отложил джойстик. Его аватар тут же исчез. Я выключил телевизор.

Не стану утомлять вас деталями того, что каждый из нас в таких случаях не раз говорил. Сообщу лишь, что я рассказал ему о Крузе Демарко. О парне из синего «Сивика». Что тот видел, как какой-то человек в синей толстовке с красной птицей направился в лес перед тем, как была изнасилована Дженни. Изложил все факты, которые превратят его в подозреваемого, если о них кто-нибудь когда-нибудь узнает. Сбритые волосы. Отбеливатель. Толстовка. С толстовкой мы могли что-то сделать.

Я видел, как он переваривал полученную информацию. И понимал, что под черепом у парня мозги его матери, но никак не мои.

– Ты понимаешь, о чем я? Тебе опять будут задавать вопросы.

Знаю. Они собрались допросить всю нашу команду.

– Давай четко установим один факт, – сказал я. – Мне известно, что ты не сделал Дженни Крамер ничего плохого.

Я ничего не делал! – В его голосе чувствовался страх.

– Я знаю. Но ты прекрасно понимаешь, как все будет выглядеть. Тебя спросят, бреешь ли ты тело, причем не только ноги, но и все остальное. А потом поинтересуются толстовкой.

Он ничего не сказал, и в этот момент я понял. Он действительно сбрасывал волосы на всем теле, а на вечеринку отправился в той толстовке.

– Джейсон. По прошествии всего этого времени ты же мог что-то забыть, правда? – Он как-то странно на меня посмотрел, но потом в его глазах отразилось понимание. Я произнес перед ним тираду о несправедливости этого мира. Объяснил, какие факты свидетельствуют против него, и увидел: он понял, что нужно делать. Мы немного поговорили на темы морали и обсудили те редкие исключения, когда черту можно и переступить, на время превратившись в животное. Одним из таких исключений было стремление человека уберечь себя от гибели.

– Ты ничего не сделал и заслуживаешь, чтобы тебя считали невиновным. Вот что главное.

Да, папа.

– А теперь, чтобы удостовериться, что мы ничего не забыли, я хочу задать тебе один вопрос. Мне нужно знать, что ты делал в лесу.

Сын лгал. И при этом смотрел прямо в глаза. Полагал, что сможет меня обмануть. Меня в этом доме явно недооценивают.

Я не был в лесу. И из дома не выходил.

– Джейсон, пожалуйста. Тебя видели.

Но меня там не было! Клянусь тебе!

– А толстовка? Как она оказалась на самом дне твоего шкафа?

Не знаю. В моей комнате бардак. Иногда, возвращаясь домой, я

просто зашвыриваю вещи в шкаф.

Я в который раз поразился могуществу уз, связывающих меня с этим слабым, жалким лгуном.

В тот момент он был мне противен. Но я все равно не собирался отказываться от своего плана защитить его любой ценой. Отдать за него все что угодно. Где-то внутри шевельнулась ненависть к себе. Мысль о том, какие усилия в один прекрасный день придется приложить, чтобы простить себя, была невыносима. Поэтому я ее отогнал.

Мы договорились, что будем делать. Он ушел к себе в комнату удалять из социальных сетей любые фотографии в той толстовке. Похоже, он понял, какие рамки я установил. Предел моей готовности лгать и прикрывать его. Тот факт, что я делаю это лишь потому, что уверен в его невиновности. Я умолчал, что на самом деле это не имело значения. И что Джули моей уверенности не разделяла.

Через час он ушел тусоваться с друзьями. Не знаю, что на меня нашло, но я выпил приличный стакан виски, затащил жену на второй этаж и оттрахал ее так же, как Боб Салливан свою секретаршу.

В постели мы долго не задержались. Джули поцеловала меня, улыбнулась, встала и отправилась принять душ. В венах пульсировала кровь, и я умолял ее вытащить на свет божий мысль, которая, как я знал, пряталась внутри. Изводила меня. И тот факт, что я оттрахал жену, будто животное, меня от нее не избавил.

Я закрыл глаза и подождал, пока она не вынырнула из мрака. Все это время мне не давал покоя тот факт, что сын был в лесу, ведь его могли обвинить в изнасиловании.

Да, Джейсон был в лесу. Вместе с насильником.

Из моей груди вырвался протяжный вздох. «Боже мой», – подумал я.

Жертвой мог стать мой сын.

Глава двадцать третья

Выходные выдались трудными и в эмоциональном плане принесли немало боли. Жена несколько раз плакала, порой запершись в ванной и открыв воду. А потом выходила с красным лицом и опухшими глазами. Сын был необычно спокоен, большую часть времени тренировался в бассейне или тусовался с друзьями. Проводить время с нами ему не хотелось.

Что же до меня, то я, по примеру жены, переборол свой страх, положил его в коробку и поставил на полку. Моего сына никто не изнасиловал, и без конца думать о том, что это могло случиться, было бесполезной тратой мысленной энергии. Все свое внимание я сосредоточил на том, что могло нести для него угрозу.

Время, которое я потратил на перезагрузку мозгов, пошло на пользу. К тому моменту, когда в понедельник ко мне на прием пришел Шон Логан, я уже обдумал следующий аспект своего плана.

Шон застрял у той красной двери. Несмотря на то что мы с головой ушли в этот процесс, к нему больше не вернулось ни одно воспоминание. Разочарование постепенно уходило, и я стал свыкаться с мыслью о провале. Шон находился совсем рядом с эпицентром взрыва. Но принял его на себя его товарищ, Гектор Валансия. Дознатели сообщили, что он стоял, склонившись над самодельным взрывным устройством, будто пытаясь его разглядеть. Но ведь Шон потерял сознание. И вполне возможно, что воспоминания о взрыве вообще не запечатлелись в его памяти.

Порог кабинета он переступил с улыбкой на лице и выглядел при этом необычно спокойным.

– Как вы себя чувствуете? Как прошли выходные? – спросил я.

Шон сел и хлопнул себя по коленкам.

Отлично, док. Просто замечательно.

– Рад слышать. О чем-нибудь особенном не хотите рассказать?

Не знаю. Погода налаживается.

– Да. Снег наконец сошел, правда? В этом году он подзадержался.

Так оно и есть. В субботу температура поднялась до шестидесяти градусов^[8]. В небе сияло солнышко, и я повез сына на бейсбольный матч команды «Бриджпорт Блюфиш». Пожалуй, возьму его и на игры Мировой серии, парень так разгорячился.

– Звучит здорово. А Тэмми?

Держится. Вы же знаете.

– Как насчет ваших приступов агрессии? Были?

Нет. Ни одного. Лекарства, похоже, все же принесли результат.

– Дело не только в медицинских препаратах, Шон. В таком режиме вы живете уже больше года. Это результат проделанной вами работы.

Шон был самым скромным и непритязательным парнем из всех, кого я когда-либо знал. Несмотря на достигнутый нами прогресс в деле восстановления его памяти, он выбивался из сил, чтобы контролировать свое поведение, укрощать эмоции, ставшие его «призраками», и гнать их взад, пока он не разнес в доме еще одну стену. Он никогда не бил ни жену, ни сына. Перед тем как пойти на это, сначала пустил бы себе пулю в лоб. Но оказаться рядом с ним, когда он терял голову, когда бой выигрывали призраки, было ужасно.

Шон пожал плечами и уткнулся взглядом в ковер.

– Надо признать, вы добились значительных успехов. Как по-вашему, что вам помогло?

Ответ я знал. Мне было интересно, произнесет ли его он.

Не знаю.

– Не могли бы вы, к примеру, описать, что чувствовали во время того бейсбольного матча? Раньше вам доводилось лишь следить за передвижениями игроков и притворяться, что вы испытываете от этого удовольствие. Просто чтобы сын не чувствовал себя отвергнутым. А как было в эту субботу?

Совсем по-другому. Там был один момент. Раннеры нашей команды заняли первую, вторую и третью базы. Я толкнул сына локтем и сказал: «Вот оно, старина! Наши раннеры на первых трех базах!» У него широко распахнулись глаза... он вскочил, схватился за поручень и принялся орать: «Давай! Давай!» Я в этот момент крикнул что-то вроде «Да, дружище! Так их, давай!». Думаю, сынишка совершенно не понимал, что происходит. Он посмотрел на меня, его переполнял восторг, и он... просто не мог себя сдерживать, будто был готов вот-вот лопнуть от радости...

Голос парня дрогнул.

– Все в порядке, Шон, – сказал я.

Вооружившись моим разрешением, он всхлипнул. Всего пару раз, имейте в виду.

Ох... извините, док. Я лишь... меня просто переполняют чувства. Они все еще живут у меня внутри.

– Отлично, Шон. Ощущения такого рода прекрасны. Я знаю, мы

потратили много времени на то, чтобы вы распрощались с «чужими» для вас эмоциями. Но чувство радости вам принадлежит. И вы имеете на него полное право.

Ох, док. Будь она неладна, эта чертова жизнь.

– Итак, Филипп стал прыгать от радости. Что же было потом?

На лице Шона расплылась улыбка – от уха до уха:

Ох, док... погодите минутку... потом... он сказал... «Папочка! Как же я тебя люблю!»

По щекам Шона скатились еще две слезинки. Я протянул ему бумажную салфетку. Видеть это было восхитительно.

Несмотря на трудные выходные и изъяз, поселившийся в моей душе, вид этого крупного, сильного человека, полностью раздавленного любовью своего ребенка, меня крайне взволновал.

– Шон, – сказал я, – то, что вы сейчас испытываете, прекрасно. Это чувство – любовь к сыну.

Знаете, я вам так благодарен. Так благодарен, черт возьми. Крохотный мальчонка, маленький комочек жизни, обретающийся в этом безумном мире... и мне каким-то образом удалось наполнить его сердце радостью. Просто свозив в Бриджпорт и купив хот-дог.

– Не только! Неужели вы не понимаете? Он почувствовал вашу любовь, ваше желание быть с ним и от этого обрадовался! Ощутил связь. В этом сумасшедшем мире его любит большой, сильный человек, поэтому он может чувствовать себя в безопасности. Теперь он знает, что у него будет дом – не стены и окна, а дом в сердце другого живого существа. Это и называется быть человеком!

Шон как-то странно на меня посмотрел, и я понял, что позволил себе разволноваться больше обычного. Чтобы овладеть собой, сделал вдох. Мои нервы были истрепаны, своим поведением я выдавал себя с головой.

– Вспоминая об этом, вы испытывали в душе эмоции. Теперь вам понятно, как тесно связаны человеческая память и чувства? – Я переключал скорости быстро и с восхитительной точностью.

Тут вы правы. Прошу прощения, что не обратил на это внимания. Вот дерьмо. Знаете, док, я никогда не плачу. Никогда.

– А теперь представьте, что вы испытываете очень яркое чувство, но понятия не имеете, чем оно вызвано.

Шон засмеялся:

Да. Скорее всего, я подумал бы, что влюбился в вас или что-то в этом роде. Правильно, док?

Я тоже улыбнулся:

– Так оно и есть. А если не в меня, то в какую-нибудь незнакомку на улице. В любом случае вы пребывали бы в большом затруднении.

Ага, дошло. Это был бы очередной мой призрак, они вечно шляются где-то поблизости.

– Полагаю, каждый из нас имеет право на малую толику спонтанной радости. Может, поработаем немного над восстановлением памяти?

Да, давайте.

Я встал, подошел к столу и взял ноутбук. Для работы мы с Шоном всегда воссоздавали обстановку того дня.

– Отлично. Но сначала позвольте спросить, придете ли вы на этой неделе на занятия группы?

Я внимательно наблюдал за его лицом. Там он встречался с Дженни. После того, как девушка стала членом группы, ни он, ни она не пропустили ни единого занятия.

Конечно, приду.

Ответ прозвучал подозрительно небрежно.

Я догадывался, что они сближались все больше и больше. Разумеется, здесь можно было бы сослаться на эффективность моей работы, но чрезмерные изменения в настроении Шона и Дженни никак не согласовались с прогрессом либо его отсутствием, в деле восстановления памяти. Я спрашивал Дженни об этом. Боюсь, даже слишком часто. Она стала задаваться вопросом о том, не делают ли они чего-нибудь плохого. В ее голосе явственно слышались сомнения.

Нет, ничего плохого в этом не было. Да и как могло быть, если я помогал им обоим? Но от обмена смсками и общения по скайпу они перешли к кофе и долгим прогулкам. Шон работал не каждый день. Дженни в школу не ходила. Она садилась на велосипед, направлялась в Фейрвью, там они встречались и ехали на машине туда, где их никто не знал. Шарлотта думала, что она ходит по магазинам или встречается с подругами. В последнее время она обожала, когда Дженни куда-нибудь уходила. Говорила мне, что дочь, отправляясь в город, выглядела абсолютно счастливой и что в таких случаях она за нее никогда не беспокоилась. Через пару часов девушка всегда возвращалась домой.

Дженни призналась мне в этих тайных свиданиях, и я посчитал своим долгом никому о них не рассказывать. Только вот Шону было двадцать пять, а Дженни шестнадцать. Дома его ждала жена. Передо мной стояла одна из тех дилемм, которые болтаются где-то на периферии сознания, будто маленькие трещинки в потолке. Среди жизненной суеты вы о них забываете. Но спустя какое-то время они вновь напоминают о себе, и в

голову тут же приходит мысль, не изменилось ли что в худшую сторону. Может, проблему пора бы уже решить? Я не допущу, чтобы их отношения приобрели сексуальный характер. И не позволю потолку свалиться им на головы. Но откуда нам знать, когда эти трещинки его обрушат? За штукатуркой ведь не видно.

Шон почувствовал любовь к сыну *благодаря* отношениям с Дженни. Их объединяло уникальное явление – понимание, выходящее далеко за рамки сочувствия, с которым каждый из нас сталкивается в жизни. И в рамках этого понимания между ними возникла связь, которая дала Дженни дом, то есть место, где она чувствовала себя в безопасности, а Шона наделила силой.

Когда Шон, раздираемый яростью, звонил посреди ночи Дженни, сжимая кулаки, она понимала его чувства. Ей не надо было ничего ему говорить. Только слушать. То же самое и с ней. Еще до того, как к ней вернулись воспоминания о том фрагменте изнасилования, она рассказала мне, как чувствует себя рядом с Шоном:

Я думаю о нем целыми часами. Закрываю глаза и представляю, как мы сидим в ресторане или гуляем у озера. Вижу его лицо и перебираю в уме все, что хочу ему сказать. Будто репетирую спектакль или что-то в этом роде. Я не могу думать ни об уроках, которые задал учитель, ни о том, что меня просила сделать мать, вообще ни о чем. Представляю, как беру все отрицательные эмоции и бросаю их в мусорную корзину, в огромный черный пластиковый мешок. Одну за одной – жжение в животе, бешеное биение сердца, страх по поводу и без повода, ощущение, что все совсем не такое, как кажется, дезориентация – словом, все то, что мы с вами здесь обсуждали и что довело меня до такого сумасшествия, что я даже попыталась покончить с собой. Я бросаю все это в мешок, кладу его на велосипед, вижу машину Шона, он выходит, в следующую секунду хватает мешок, запикивает его в багажник, и все время, которое мы проводим вместе, его попросту нет. Он исчезает! На самом деле! Мы можем говорить о всякой ерунде, я могу всю дорогу плакать, Шон может рассказывать о том, что его так разозлило на прошедшей неделе – это не имеет ровным счетом никакого значения, потому что мешок с мусором заперт в багажнике.

– А что происходит, когда вы возвращаетесь в город, он паркует машину и ты открываешь замок велосипеда? Он отдает этот мешок с мусором обратно? – спросил я ее. Обычно я знаю ответы на свои вопросы. Но не в этот раз.

Нет, не отдает. Он бы никогда этого не сделал. Но мусор

накапливается снова и снова.

– Прости, Дженни. Наверное, очень трудно осознавать, что мусор никуда не денется, когда Шон увозит его с собой.

Но все обстоит именно так, я знаю, что через неделю или десять дней я смогу дать ему новый мешок и на какое-то время от него избавиться. И когда плохие эмоции ко мне возвращаются, я просто представляю, как бросаю их в пластиковый мешок. Еще и еще. Я просто заполняю мешок под завязку, сажусь на велосипед и везу его Шону.

Я брать у Дженни мешок с мусором не могу. Как и родители, друзья или другие члены группы. Только Шон. Представляете себе такую силу?

Шон свой мешок с мусором Дженни не отдает. Я его об этом не спрашивал, как и о Дженни в целом – не надо обременять этого достойного молодого человека дополнительным чувством вины. Но знаю, что Шон никогда не испытал бы радости, перекладывая свою ношу на плечи других. Его радость – это возможность забирать мусор у Дженни. Она дает ему мешок, и у него появляется причина, основание для того, чтобы каждое утро вставать с постели. Повод бороться дальше. Повод жить.

Да, Шон любил сына. Я не знаю, любил ли он жену или же оставался с ней единственно из чувства долга. Они не прожили ни одного спокойного, мирного дня. Но несмотря на это, Филиппа парень любил, и это чувство в его душе высвободили отношения с Дженни. Он нашел червоточину в чувстве вины и слабое звено в строю своих призраков. Сила, которой девушка его наделила, была им не по зубам. Это могущество стало своеобразным невидимым силовым полем, которое окутало его любовь и встало на ее защиту. Именно оно принесло Шону ощущение безопасности, благодаря которому он перестал таить свои теплые чувства к ребенку.

Я недоволен, потому как сваливаю в одну кучу слишком много метафор. Как же отчаянно я стараюсь вам все объяснить.

Как бы там ни было, мы, по меньшей мере, должны единодушно признать, что их объединял очень специфический жизненный опыт.

Проблема вот в чем: он мужчина, она женщина – да, юная, но все-таки женщина. Когда между двумя людьми устанавливается столь мощная связь, они готовы идти хоть на край света. А край света для мужчины и женщины подразумевает секс. Не «иногда» и не «может быть». *Всегда.*

Я сел за стол, разделявший меня с Шоном. Движения мои были медлительны. Телефон зазвонил на пять минут позже, чем я просил утром.

– Прошу прощения, Шон. Я должен ответить. Подождете?

Да, док, все в порядке, – сказал он.

Я взял трубку, перешел в небольшую комнатенку между кабинетом и

ванной, и прикрыл дверь – не до конца.

– Детектив Парсонс, спасибо, что перезвонили, – сказал я, стоя у самой двери и говоря достаточно громко.

Без проблем. Вы сказали, что я должен кое к кому присмотреться. Это связано с Дженни? Она вспомнила что-то еще?

– Что-то в этом роде. Но сначала выслушайте меня. Это должно остаться между нами. Вы меня поняли? Когда я вам скажу, вы и сами в этом убедитесь.

Я весь внимание, Алан. Что случилось?

Сердце чуть не выпрыгивало из груди. Я чувствовал себя гадко. Утром Шон наполнил мою душу таким счастьем. Я услышал о его чувствах к Филиппу, увидел его слезы и чуть сам не прослезился. На меня снизошло ощущение святости и чистоты. А теперь я собирался сделать следующий шаг на избранном мной дьявольском пути.

Шон воплощал собой свет, я тьму. Он служил символом добра, я – зла. Он был чист, я – испачкан и мерзок.

Я проглотил эту горькую пилюлю и двинулся дальше. Ребенок с коробком спичек. Одну из них теперь предстоит зажечь.

Алан, вы меня слышите? Кто тот человек, к которому я должен присмотреться?

И тогда я сказал. Просто произнес. Причем достаточно громко для того, чтобы меня услышал Шон.

– Боб Салливан.

Глава двадцать четвертая

Следующий день был вторник, и я по обыкновению поехал в Сомерс. Мне предстояло работать с преступниками, они будут на меня орать, обманывать, проявлять неуважение. От этого я чувствовал в душе облегчение, которое немало меня беспокоило. Неужели мои собственные злодеяния были настолько презренны, что я заслуживал столь дурного к себе отношения? Неужели теперь всю жизнь буду мучиться и платить за то, что когда-то преступил закон? Я скорее лягу в могилу и встречу с Гленном Шелби, чем буду жить такой жизнью.

День в Сомерсе выдался нетрудный. Или просто показался мне таковым по сравнению с минувшей неделей в Фейрвью. Традиционно явились охотники за психотропными препаратами – испытывать мое терпение. Те, кто действительно нуждался в лечении, не шли ко мне и не желали наслаждаться тем относительным комфортом, который им обеспечили бы мои назначения. Персонал напоминал мне, какой жалкой может стать жизнь, когда человек вымостит себе не тот жизненный путь – не построит хорошего дома. Как бы там ни было, тот день не принес мне никаких огорчений.

Я почти ничего не рассказывал о моей собственной семье, о родителях и сестре. К нашей истории они не имеют непосредственного отношения, но, как я уже вам объяснял, многие наши проблемы неразрывно связаны с детскими драмами и травмами.

Чтобы понять, почему я так поступил, мне, пожалуй, стоит раскрыть вам несколько дополнительных фрагментов головоломки.

Как вам уже известно, мои родители – люди хорошие и великодушные. Каждое лето я их навещаю. Джули этим очень довольна. К ним нужно лететь на самолете, поэтому подобная поездка требует определенных усилий и ее нужно планировать заранее. Теперь они уже в возрасте и сами никуда ездить не любят, поэтому обязанность отправляться в путешествие лежит на нас. Сестра на десять лет моложе меня, у нас с ней мало общего. Она преподает историю в Лондоне. Никогда не была замужем, но своей жизнью, похоже, вполне довольна. Каждое Рождество присылает нам открытку и фотографию, на которой она неизменно изображена со своими двумя лабрадорами.

Пока тем и ограничимся. Надеюсь, я убедил вас, что в основе моего стремления помочь сыну лежал эгоистичный, но вполне нормальный

инстинкт отца, защищающего собственное дитя, а не что-то более гнусное и порочное. Я ощущаю потребность оправдать себя и свои действия. Это не что иное, как проявление вины. Я всегда говорю пациентам, что вина как таковая ничего хорошего не дает. Мы должны двигаться вперед, в то время как она толкает нас на другой путь, идти по которому совсем не нужно. По самой своей природе это чувство тянет человека назад. Посмотрите, как даже сейчас она отвлекает меня от решения стоящих предо мной задач!

Те дни требовали огромного напряжения, а я достаточно сведущ, чтобы понимать, в какой помощи нуждаюсь. Говорят, врачи – худшие в мире пациенты. А все потому, что мы обладаем невероятным могуществом. Могуществом исцелять, если, конечно же, доктор компетентен. И могуществом наносить вред, если нет. Чтобы разделить судьбу с теми, кто находится в твоей власти, требуется смирение. Некоторым оно не по плечу. Для поддержания уровня доверия, необходимого, чтобы это могущество употребить, требуется очень сильное «я». Колебаниям и сомнениям здесь места нет, в противном случае мы не сможем функционировать и выполнять свою работу. Представьте, что у вас в руке скальпель, а под ним – мягкая, податливая плоть. От движений вашей руки зависит сама жизнь пациента, лежащего на операционном столе. В моем случае рука сжимает ручку, которая пишет рецепт, посылая в организм пациента медикаменты, воздействующие на его мозг. Тот самый мозг, который контролирует тело. Признавая слабость и принимая от коллег помощь, я чувствую себя так, будто качусь по наклонной плоскости к своей смерти как специалиста.

В жизни я принимал очень мало лекарств и принимать в будущем не собираюсь. Ограничиваюсь лишь незначительными дозами «Лоразепама». С тревогой справляюсь так же, как Дженни или Шон. Чтобы лучше лечить своих больных, я велел себе развивать в душе чувство сострадания. Но при этом в моей голове достаточно извилин, чтобы видеть разницу. Дженни вполне могла позволить себе плакать целыми днями напролет или запихнуть свои эмоции в мешок для мусора и отдать его Шону. У Шона тоже было преимущество в виде стен, в которые можно лупить, или дорог, по которым можно бежать долгие мили. Была Дженни, благодаря которой его жизнь приобретала смысл. У меня подобной роскоши не было. Мне приходилось каждый день являться на работу. Принимать больных. Улыбаться жене и ходить на соревнования команды по плаванию, в которую входил мой сын. Быть Джейсону опорой, но проявлять строгость, когда он вел себя плохо. А еще постепенно и точно воплощать в жизнь мой план.

Вновь наступили выходные. В пятницу ко мне на прием пришел Том.

Он все больше и больше злился на детектива Парсонса за то, что тот не мог найти парня в синей толстовке. В четверг я виделся с Шарлоттой. У нее состоялось еще одно свидание с Бобом, не принесшее никакого удовлетворения, и очередная стычка с Томом. Но больше всего она была поглощена недавно родившимися узами с дочерью. Женщина рассказала мне, что после занятий группы в среду вечером Дженни была чем-то расстроена. Шарлотта спросила меня, что случилось, и я ей солгал. Мы с Дженни работали над голосами и фразой «*Боже праведный! Боже праведный!*» А с Шоном – над красной дверью. Оба они выглядели рассеянными. Каждый из них что-то от меня скрывал. После занятий группы в тот вечер они о чем-то долго говорили в коридоре. Шарлотта ждала на улице в машине. Мимо них прошли другие пациенты. Закончилось все долгими объятиями, за которыми я наблюдал, никем не замеченный.

О том, что случилось за стенами моего кабинета, я узнал лишь неделю спустя. Но все произошедшее, конечно же, было результатом моих усилий.

Первые сведения поступили от Шарлотты. Она позвонила в понедельник и попросила о встрече. Влетела в кабинет и вихрем промчалась мимо, пока я закрывал дверь. Не дожидаясь, когда я сяду, расплакалась и стала без конца повторять.

Какой ужас! Какой ужас!

– Сделайте глубокий вдох, Шарлотта. Закройте глаза. Время у нас есть, сейчас вы мне все расскажете, но пока... просто подождите пару минут и соберитесь с мыслями.

Да-да, хорошо...

Она сделала, как я просил. Я ждал, сгорая от нетерпения. Джейсона должны были допрашивать на следующей неделе. Парсонс уже знал, что мой сын тоже входил в команду по плаванию и присутствовал на той вечеринке. Но об этом позже. Я уже начал волноваться, что все мои усилия пропали зря. Что спичка, которую я зажег и бросил на землю, погасла, ничего не воспламенив. Времени у меня не было. Может, я ошибся? Может, пожар все же вспыхнул? Шарлотта открыла глаза и справилась со слезами. А потом ответила на мой вопрос.

Все пошло наперекосяк. Ваша работа с Дженни, вернувшиеся к ней воспоминания – все теперь смешалось в одну кучу и она думает... О боже... она вам не говорила? По ее словам, она никому ничего не сказала... но рано или поздно это все равно случится... не может не случиться!

– Шарлотта, успокойтесь, – ответил я. – Что вам сообщила Дженни? Просто повторите ее слова, и тогда я скажу вам, что мне об этом известно.

Мысли в голове женщины проносились с фантастической скоростью. Это было видно по ее глазам. Я понял, что они преследовали ее всю ночь и теперь сплелись в тугой клубок спутанных проводов.

Она думает, что это Боб. Дженни считает, что ее изнасиловал Боб! Представляете?

– Понятно. – Тон ответа мне пришлось репетировать несколько дней. Я знаю, что все сделал правильно, потому как Шарлотта не обратила на меня никакого внимания, по-прежнему поглощенная своей бедой.

– Как это случилось?

Вы у меня еще спрашиваете! Дженни сказала, что вы работали с голосами и фразами. По ее словам, она узнала голос Боба. Нашла на «Ютьюбе» несколько рекламных роликов его автосалонов и дала мне послушать. Она видела Боба сто раз как в городе, так и в салонах. Ради всего святого, он же босс Тома!

– Дженни не сказала, когда это случилось? Мы действительно работали над голосами и фразами, но во время сеанса она больше ничего не вспомнила. Я еще подумал, что мы зашли в тупик.

Шарлотта обхватила себя руками и раскачивалась взад-вперед на диване, мотая головой. Типичное поведение при состоянии острой тревоги.

Она сказала, что вспомнила в самый последний момент. Вчера за ужином выглядела абсолютно спокойной. Потом пошла в свою комнату и я услышала рекламный ролик с голосом Боба. Я вошла и спросила, что она делает. Дженни оторвалась от компьютера и повернулась, лицо ее заливали слезы. Выглядела она примерно так же, как в тот день, когда к ней вернулись воспоминания об изнасиловании.

– Значит, она вспомнила что-то еще и теперь считает, что так все и было на самом деле?

Ну конечно, вспомнила! Но это ложные воспоминания! Она помнит его голос после того дня в домике у бассейна... когда Боб помог спасти ей жизнь! Но относит их к вечеру изнасилования! Считает, что слышала этот голос, когда ее насиловали, а не когда спасали! Как вы не поймете?! У нее в голове все смешалось!

Я потер рукой подбородок. Прищурился и отвел глаза в сторону. Изобразил удивление и волнение, но так, чтобы не переборщить.

– Очень может быть. Я не учел, что Дженни могла запомнить что-то в тот день после того, как потеряла сознание. Но такое действительно вполне возможно. Люди слышат звуки даже в коме. И эти звуки формируют воспоминания. Все зависит от того, что в бессознательном состоянии делает мозг. На это влияет много факторов.

Я умолк и сделал вид, что обдумываю план дальнейшего лечения Дженни. Шарлотта внимательно смотрела на меня, будто я для нее был находившимся поблизости спасательным плотом. Сможет ли она до него доплыть? Или же его унесет течением и она утонет?

– Ну хорошо, – сказал я. – Я должен выяснить у вас одну вещь, но мой вопрос вам очень не понравится. Хотя воспоминания Дженни о голосе Боба действительно могли записаться не в ту ячейку, мы, по крайней мере, должны исключить...

Ни в коем случае! – Она перебила меня быстро и решительно. – *Боб Салливан ни при каких обстоятельствах не мог изнасиловать мою дочь.*

– Тогда все в порядке, – сказал я. – Не надо ей было слушать эти рекламные ролики с голосом Боба, вынашивая в голове подобные идеи. За стенами этого кабинета ей лучше работать над своими воспоминаниями.

Ах, вы даже не представляете! Я просмотрела историю ее браузера. Она занималась этим несколько дней подряд – выискивала рекламные ролики, а потом слушала их снова и снова. Даже спросила у Лукаса, не чувствовал ли он себя когда-нибудь неуютно рядом с мистером Салливаном. Будто Боб может причинить вред десятилетнему мальчику! Сведения о нем и его семье она нашла в Гугле и даже внесла их в свои «Оповещения». Сначала вбила себе эту мысль в голову, а теперь убедила себя, что это реальные воспоминания.

– Когда это началось?

В среду. После занятий группы. Дженни впервые за долгое время села за компьютер. Я не знаю... может, у нее есть что-то и в телефоне, но мне не хотелось бы ее за это наказывать. Я не хочу, чтобы она думала, что сделала что-то не так.

Да. В среду после занятий группы. Шон рассказал ей о том, что слышал в моем кабинете. Потом они долго говорили. После чего обнялись. Я спросил Шарлотту, как Дженни вела себя в остальные дни недели. После занятий группы ее дочь дважды ездила в город. У нее накопилось много мусора, чтобы отдать Шону. И много тайн, в которые она меня не посвящала.

Вы можете что-то сделать? Пока еще не слишком поздно? Пока Дженни не сказала Тому? Боже мой, вы даже не представляете...

– А что, по-вашему, сделает ваш супруг, когда об этом узнает?

Вы смеетесь надо мной? Том прижмет Боба, и тому не останется ничего другого, кроме как все рассказать.

– О вашей с ним любовной связи? О том, откуда в голове у Дженни взялся его голос?

Да! Да!

Я кивнул, сочувственно и убежденно:

– Теперь я понимаю, почему это вас так расстроило. А Бобу вы уже сказали?

Что вы! Он бы обязательно поговорил с Томом. Как вы не поймете?! Он же в этом деле чуть ли не главное действующее лицо. Ради всего святого, у него же выборы!

– Но в таком случае он не заинтересован в огласке ваших отношений, не так ли?

Это лучше, чем обвинение в изнасиловании.

– Вы правы, но никаких обвинений против него пока никто не выдвигает. Я сегодня поговорю с Дженни и скажу, что процесс восстановления памяти после прослушивания этих рекламных роликов дал сбой. У меня нет возможности вырвать у нее обещание больше этого не делать. Но я могу попросить ее никому ничего не говорить и дать нам немного времени, чтобы вспомнить, что же на самом деле произошло в тот вечер.

Шарлотта тяжело вздохнула:

Спасибо вам! Ох... спасибо вам, спасибо.

– Но вы, Шарлотта, должны знать одну вещь. Я не собираюсь говорить Дженни, что она неправа. Потому что сам ни в чем не уверен. Конечно же, я уважаю ваше мнение, но с моей стороны было бы неэтично полностью игнорировать ее воспоминания, ничего не зная наверняка. Я лишь попытаюсь указать ей на несоответствие, иными словами, помогу переложить воспоминание о голосе в нужную ячейку. С учетом обстоятельств я не думаю, что она вообще его куда-то поместит, это весьма проблематично. По правде говоря, я встаю на очень зыбкий путь. Честный, целостный подход к лечению должен оставаться неизменным.

Вы лишь помогите ей осознать, что воспоминание о голосе не связано с изнасилованием. Напомните, сколько раз она видела Боба и слышала его рекламные ролики. Может, она слышала какой-нибудь из них в машине, когда ехала на вечеринку? Откуда нам знать? Я не могу допустить, чтобы Боба обвинили в изнасиловании! И не могу признаться мужу в том, что делала и продолжаю делать сейчас. Просто не могу и все. Он сломается. Или бросит меня. И виновата в этом буду только я.

Какая страшная для Шарлотты дилемма. А ведь она на данном фронте добилась таких успехов. Незадолго до этого мы обсуждали ее недовольство Бобом, и она даже стала подумывать о том, чтобы с ним порвать. Я еще не приступил к реализации следующих пунктов своего плана – рассказать

Тому о ее детстве и соединить двух Шарлотт в одно целое. Избавиться от плохой Шарлотты раз и навсегда. Я знал, Том сможет справиться с этой правдой. По сути, если он низвергнет Шарлотту с ее пьедестала и увидит в ней прекрасную, но не лишенную недостатков женщину, какой она, собственно, и была, это позволит ему в большей степени стать мужчиной. Как много еще нужно сделать. И как некстати эта ужасная заминка.

Шарлотта ушла. Я задумался о пожаре, все же вспыхнувшем от моей маленькой спички. Шон сказал Дженни, что на Боба пало подозрение. Ее стали неотступно преследовать мысли о Салливане, она с головой погрузилась в его образ и голос и в результате сотворила ложное воспоминание. Как те экспериментальные пациенты, которые никогда не терялись в торговом центре. Я чувствовал себя героем какого-то романа, блестящим, но злокозненным профессором. Доктором Франкенштейном. Не могу сказать, что я не был доволен собой. Мне удалось создать соломенное чучело, которое отвлечет внимание от моего сына. Я понятия не имел, чем это все закончится, и поэтому покачивался на волнах фантазии: обвинений против Боба никто выдвигать не станет, но его слава, его участие в выборах в законодательный орган штата – все это приведет средства массовой информации в неистовство. Но отстаивая свою честь, он заставлял всех платить дьявольскую цену. Пойдут судебные разбирательства. На Парсонса посыплются шишки. Следствие со скрипом приостановят. Невинных ребят больше никто допрашивать не будет. И «охоту на ведьм» в виде синей толстовки отменят.

Когда приступ моего отвратительного сибаритства прошел, я задался вопросом о том, как все это отразится на Дженни, на Шоне и на моей работе с ними. В ответ солгал себе и решил, что буду лечить их и дальше. Затем мысленно представил, как в моем кабинете происходят волшебные моменты. Как на диване подпрыгивает Шон и во весь голос орет: *Вспомнил! Я знаю, что произошло у той красной двери!* А затем идет домой к жене и сыну, и у них начинается новая, мирная жизнь. Что же касается Дженни, то я даже думать о ней не осмеливался. Это то же самое, как видеть во сне, что ты нашел лекарство от рака или добился мира для всей планеты. В мыслях можно было предположить что угодно. Я просто позволил вспышке света на мгновение озарить мои фантазии, не более того. И не стал без конца прокручивать восторг, который испытал бы, если бы вернул ей воспоминания о той ночи, о худшем в ее жизни кошмаре.

Я все возвращался к мысли, которая не выходила из головы всю ту неделю. Мысли о ребенке со спичками, который считает себя достаточно взрослым, чтобы с ними управляться. Я зажег спичку и отправил ее в

полет. Начался пожар. Но я мог не учесть сильный ветер, способный его разжечь, вдохнуть в него жизнь и наделить могуществом, контролировать которое будет не в моих силах.

Глава двадцать пятая

Встретившись позже в тот день с Дженни, я сдержал данное Шарлотте обещание. Мне больше не нужно было выступать в роли адвоката. Следовало делать то, что я делал бы, если бы был незаинтересованной стороной.

Дженни знала, что Шарлотта рассказала мне о ее воспоминаниях. О Бобе Салливане. Первым делом я напрямик спросил ее, как эта мысль пришла ей в голову.

Мне не хотелось бы этого говорить.

Честность девушки вызвала у меня уважение. Я был ей за это благодарен. Что мне было ей ответить, скажи она правду? Что Шон сообщил ей то, что подслушал у меня в кабинете? Объяснить свой разговор с детективом Парсонсом о Бобе Салливане я мог только двумя способами. Первый заключался в том, что я якобы хотел дать Салливану проглотить крючок. *Шон все понял неправильно... Шон не расслышал...* Второй – привести несуществующее объяснение. Дженни отказалась признаваться и тем меня спасла.

– Ну хорошо. Заставлять тебя я не буду.

Я все равно не смогу вам ничего сказать. Я дала обещание.

– Твоя мама считает, и я с ней в этом согласен, что это воспоминание, вероятно, не соответствует действительности. Во-первых, потому что ты сама натолкнулась на него в ходе лечения методом погружения. А во-вторых, потому что Боба Салливана никто ни в чем не подозревает. Он баллотируется в законодательный орган штата, и ему есть что терять. Он женат уже больше тридцати лет, не замечен в скандалах, и скелетов подобного рода у него в шкафу нет. К тому же он босс твоего отца, поэтому вероятность того, что ты его «узнала» бы, очень и очень высока.

И что из этого? Большинство женщин насилуют те, кого они знают. Над половиной женщин в нашей группе надругались их знакомые.

В тот понедельник голос Дженни был не такой, как обычно. Она говорила со мной не как с человеком, способным ее спасти, а как с жалким непрофессионалом, который ровным счетом ничего не понял. Мне это не понравилось, и я решил сложившуюся ситуацию изменить. Мы не имеем права потерять то, что было достигнуто таким трудом.

– А знаешь что? Ты права. Я буду с тобой совершенно откровенен. Работа, которую мы с тобой делаем, очень и очень противоречива.

Помнишь, я рассказывал тебе, что люди «вспоминали» то, чего на самом деле не было? Что внушение, по мнению ученых, может повлиять на процесс восстановления памяти и сформировать ложные воспоминания, как в случае с участниками эксперимента, которые якобы потерялись в торговом центре?

Да.

– Таким образом, на данный момент мы столкнулись с ситуацией, когда в нашу работу вмешалось внушение. Можешь сейчас ничего мне не говорить, признай лишь, что суггестия имела место и что ты способствовала ей, погрузившись в нее с головой.

Дженни откинулась на подушки. Я видел, что в душе ее идет отчаянная борьба.

– Боюсь, что если мы слишком увлечемся твоей новой теорией и она окажется ложным воспоминанием, то что бы ты потом ни вспомнила, это не будет заслуживать равным счетом никакого доверия. Даже тебе самой будет трудно убедить себя, что так оно и было на самом деле. Поэтому давай забудем о суггестиях, спокойно продолжим работу и убедимся, что все это правда. И только потом обо всем расскажем.

Кому? Полиции?

– Да.

Но папе хоть можно рассказать?

– Вряд ли я могу тебе сказать, что с этим делать. Как, по-твоему, поступит отец, если ты обо всем ему расскажешь?

Думаю, обратится в полицию. А может, и хуже.

– Хуже?

Он очень зол.

– Его можно понять. Это его удел – как твоего отца.

Я догадываюсь. Но он злится даже больше чем я.

– По правде говоря, сегодня ты выглядишь абсолютно спокойной.

Дженни пожала плечами:

Я устала. Чувствую себя так, будто у меня разболелись мозги. Помню, как слышала его голос, но теперь вы с мамой хором говорите, что я все перепутала. Ощущение такое, будто меня кто-то заставляет решить совершенно непонятную математическую задачу, будто я изо всех сил пытаюсь, но у меня ничего не получается. Мне просто хочется поставить на этом точку.

Последние слова девушки встревожили меня сверх всякой меры.

– А как ты себя чувствовала до того, как рассказала обо всем маме? Когда вернулось воспоминание о голосе Боба?

Не знаю. Я была взволнована, будто решила какую-то проблему. Тут же рассказала Шону. Немного поплакала. Стала листать фотографии Боба Салливана, посмотрела несколько роликов. Подумала о его сыновьях, этих придурках, и о том, как им за него будет стыдно. А еще в голову пришла мысль о папе и как ему захочется его убить.

– Погоди... неужели ты не помнишь? На той неделе, понюхав отбеливатель и вспомнив тот момент в чаше, ты буквально потеряла рассудок и впала в отчаяние. Все спрашивала меня, почему он украл частичку твоей души. Но потом – когда ты увидела фотографии мужчины, который, по-твоему, с тобой так поступил, – ничего подобного не почувствовала, ведь так?

Дженни выглядела убитой. Я открыл было рот, чтобы объяснить ей причину: Боб Салливан ее не насиловал. Она не помнила, чтобы он надругался над ней. Никакие ее чувства с его голосом не связывались. Более того – мозг мог сохранить ассоциации с положительными эмоциями, ведь Боб ее спас. В моей власти было все ей объяснить, но я не стал этого делать – мне было нужно, чтобы она и дальше придерживалась своей теории и настаивала на этом ложном воспоминании, хотя на словах я убеждал ее в обратном. Я закрыл глаза, слова застряли в горле. Слова истины.

Я только хочу с этим покончить.

Дженни произнесла эту фразу опять – сквозь всхлипы и слезы. Мне хотелось встряхнуть ее, чтобы она выкинула подобные мысли из головы. В чем дело? Может, это Шон? Это он ее отвлекал и приводил в смятение? Они что, стали близки? В моих глазах в ее позиции не было никакого смысла. К ней вернулось одно маленькое воспоминание об изнасиловании, и она знала, насколько ей это помогло. Признавалась мне, что испытала огромное облегчение. Говорила об этом на занятии группы на минувшей неделе, перед тем, как Шон рассказал ей о Бобе Салливане и ее охватило безразличие. Новые воспоминания позволяют ей почувствовать себя еще лучше и избавиться от призраков, бродивших в ее душе. Впереди было так много работы!

И тогда я разозлился. Сколько раз я вам об этом говорил? То были тяжелые для меня времена. Я был зол на Дженни за то, что она хотела сдаться. Зол на Шона, что своей дружбой он отвлекал ее от дела. И зол на сына, по вине которого оказался в подобном положении и был вынужден саботировать работу с Дженни только ради того, чтобы спасти его жалкую задницу.

Я собрался с мыслями, и мы с Дженни вновь вернулись к тому вечеру

в лесу. На этот раз мы использовали отбеливатель и музыку. Никаких слов я не говорил, и рекламные ролики Боба Салливана мы тоже не слушали. Мне хотелось, чтобы все и дальше шло своим чередом, я жаждал вернуть магию того мгновения и еще раз испытать в этом кабинете момент полного успеха.

Но ничего не случилось. Дженни замкнулась в себе. В одиночку мне было не справиться.

Когда она ушла, я сел за стол и с головой погрузился в свои проблемы.

И вот тогда, в момент отчаяния, раздался звонок детектива Парсонса, поднявший ветер, которому было суждено раздуть мой маленький пожар.

Глава двадцать шестая

Парсонс был явно расстроен. Я слышал это по его голосу. Он не верил в то, что Боб Салливан мог стать реальным обвиняемым. И не хотел этого. Я не мог его в чем-либо винить. Явных улик в этом деле не будет никогда. Следствие в отношении любого подозреваемого потребует решительных шагов, и сделать их, не рискнув карьерой, будет нельзя. Но подвергать себя опасности, выдвигая обвинения против таких парней, как Круз Демарко, или даже ребят, присутствовавших на той вечеринке, это одно, а подозревать Боба Салливана, самого бравого во всем Фейрвью парня, к тому же обладавшего в штате значительным влиянием, совсем другое. Парсонс и все его расследование неизменно окажутся под микроскопом.

Помимо прочего, мне надо было ему напомнить, что мой сын входит в список ребят, которых полиция планировала допросить. Время для этого я подгадал заранее.

– Я тут подумал, что в числе прочих вы собираетесь поговорить с моим сыном, – сказал я, позвонив в минувшую пятницу после обеда. – Он ведь является членом команды пловцов и тоже был на той вечеринке. Прошу прощения, что не сказал об этом раньше.

Парсонс, как и ожидалось, до этого даже не заглядывал в список ребят, которых предполагалось допросить на следующей неделе.

В самом деле? – сказал он. – Сейчас посмотрю... Да-да. Мы собираемся вызвать его в четверг. Нам приходится назначать время заранее, потому что каждый норовит прихватить с собой адвоката.

– Не сомневаюсь. Боюсь, что моя жена сделает то же самое. Лично я к вам не в претензии, ведь вы должны расставить все точки над i. Это самое меньшее, что я могу пожелать Крамерам.

Парсонс на мгновение умолк. Задумался.

Похоже, они знали, что ваш сын... э-э-э... Джейсон, там был? Я имею в виду Крамеров?

– Не знаю. По правде говоря, я стараюсь не мешать в одну кучу дела профессиональные и личные. Полагаю, мне надо сказать им об этом, по крайней мере Тому. Я сделаю это в самое ближайшее время.

Дело было сделано. Жена позвонила в участок и попросила, чтобы допрос перенесли на следующую неделю. Во время одного из сеансов с Томом я сообщил ему, что полиция намеревается поговорить и с моим сыном. В ответ мне пришлось вытерпеть его тираду о некомпетентности

блюстителей порядка, не способных найти синюю толстовку.

Теперь им уже было не до этого. Они пошли по следу Боба Салливана. Мне удалось пнуть банку так, что она полетела в нужном направлении. Но лететь бесконечно она не могла.

Алан, мы провели ряд проверок в отношении Салливана. У вас на этот счет нет ничего нового?

– Ну, если по правде, то есть, хотя я ни в чем до конца не уверен. Не хотелось бы опростоволоситься, действуя преждевременно.

Послушайте... Мне нужно все, что у вас есть... Черт... Это дело постепенно выходит из-под контроля.

– Что случилось? Вы что-то обнаружили?

Порой жизнь делает нам подарки. Вы не знаете, когда это случится, и рассчитывать на что-либо подобное нельзя. Но когда такие вещи происходят, вы почти верите, что это Бог.

Э-э-э... Не хотел вам говорить... Вы можете мне пообещать, что это останется между нами?

– Разумеется.

Ну хорошо. Весна 1982 года. Форт Лодердейл. В Скидморе, где Салливан учился в колледже, завели уголовное дело. Правда, из этого ничего не вышло и обвинений никому не предъявили. Ничего похожего. Но там речь тоже шла о сексуальном преступлении. Жертве было семнадцать лет. Местная девушка, на весенних каникулах отправившаяся на вечеринку вместе с друзьями по колледжу. Все выглядит так, будто на следующее утро она пожалела о том, что сделала накануне. В деле есть фотография... узкая короткая майка, мини-юбка, подведенные черной тушью глаза... Картина понятная, правда?

– Да.

Родители Салливана наняли ему адвоката. Обвинения сняли при условии, что о случившемся будет проинформирована администрация колледжа. И больше ничего. Строго между нами, если бы Том Крамер не сорвался с цепи, то это дело отправили бы в машинку для уничтожения бумаг. Подобные вещи ломают человеку жизнь. Сравнивать эти два случая – то же самое, что путать божий дар с яичницей.

Вот это ветерок, вот это подарок!

– Ясно... Ваша дилемма мне понятна. Могу я чем-то помочь?

Парсонс вздохнул. Я слышал, что он на меня зол.

Мне нужно знать, почему вы пустили меня по этому следу. Знать, что вспомнила Дженни Крамер. Я не могу энергично взяться за этого парня, имея на руках лишь дело тридцатитрехлетней давности, в котором

никому даже не выдвигались обвинения. Это будет выглядеть как травля.

– Но разве ваша работа не заключается в том, чтобы проверять каждый след, даже если он ведет к такому человеку, как Боб Салливан? Может, попробовать накопать что-нибудь еще? У него явно просматриваются неудовлетворенные желания. Возможно, Боб не в состоянии себя контролировать. Он парень агрессивный. Об этом говорят хотя бы его амбиции и жизненный успех.

Вы всерьез предлагаете мне прижать его с подобными доказательствами на руках? Но в таком случае вы и сами вполне могли бы изнасиловать несовершеннолетнюю девочку – с вашими-то амбициями и жизненным успехом...

– Детектив, – перебил я его, – позвольте вас спросить: что вы в первую очередь предприняли по этому делу? Стали искать лиц, совершивших преступления на сексуальной почве, и попытались найти синий «Сивик», не так ли? Если бы в том деле с участием студентов колледжа было выдвинуто обвинение, вы бы наверняка задали Бобу вежливый вопрос о том, было ли у него алиби на момент изнасилования Дженни Крамер, чтобы исключить его из числа подозреваемых. Это как минимум, правда?

Давайте не путать одно с другим. Как я объясню ему, почему взялся поднимать старые дела? Он наймет собственных детективов и целую команду адвокатов. Тогда я уже ничего не смогу контролировать. И боюсь, не только в этом деле, но и в любом другом.

– Но ведь он баллотируется в законодательный орган штата. Поразительно, как до этого еще не докопалась пресса. Пусть думает, что эти сведения вы получили от третьих лиц.

Ну не знаю. Как-то все это притянута за уши. Это же законодательный орган штата. Его соперник на выборах – восьмидесятилетний судья по делам о наследстве, способный наскрести в кармане лишь пару медных монет. Нет... даже если я не скажу, зачем мне понадобилось его алиби, все равно огребу кучу неприятностей. Сейчас можете ничего мне не говорить. Дайте лишь обещание, что в случае нужды поделитесь со мной своими находками, Просто заверьте меня, что у вас есть веские основания отправлять меня охотиться на этих гусей.

Я сделал вид, что размышляю. Потом вздохнул, прокашлялся и с усилием заговорил.

Парсонс был как на иголках.

– Да, у меня кое-что есть. Полагаться на эту информацию нельзя, защитники в суде от нее камня на камне не оставят. Но ее более чем достаточно, чтобы присмотреться к Салливану.

Не думаю, что Парсонс хотел услышать от меня именно это. Полагаю, ему нужна была причина, которая позволила бы поставить на Бобе Салливане крест. Рвение детектива в этом деле то разгоралось, то угасало по мере смены декораций. Пока преступника искали за пределами Фейрвью, он был тигром на охоте. Я вспомнил, как он несколько часов просидел в машине, до смерти желая поймать Круза Демарко. Когда выяснилось, что у того есть алиби, Парсонс переключил внимание на команду пловцов и синюю толстовку, но амбиций у него при этом поубавилось. Он даже не знал имен включенных в список ребят. И был удивлен, услышав про Джейсона. Разве детективы так работают? Не знаю, почему он себя так вел. Может, не хотел плевать в собственный колодец. В течение многих недель он делал свое дело только для того, чтобы доставить удовольствие Тому Крамеру. Хотя тот все равно был недоволен.

Парсонс дал отбой. До того, как Боба допросят и он узнает, что каким-то боком причастен к этому делу, пройдет самое большее несколько дней. Он тут же бросится к Шарлотте, и та расскажет ему, что Дженни вспомнила его голос, но все перепутала в своей голове. Весь вопрос в том, что тогда произойдет. Куда подует ветер? На что еще перекинется зажженный мной пожар? На брак Боба? На его избирательную кампанию? На Шарлотту?

После разговора с Парсонсом я отправился домой. Мне никак не удавалось сосредоточиться. Слышать о чужих проблемах было невыносимо. Я принял еще немного «Лоразепама». Маленькую дозу, которой хватило только на то, чтобы сгладить грани моей тревоги. Возбуждение, вызванное подарком судьбы, ветром и пожаром, который он раздул, прошло. Я понял, что на мой небосвод наползает огромная черная туча. Не знаю, как еще это объяснить. Некоторые из вас наверняка меня поймут. Те, кто приходит ко мне в кабинет и рассказывает, что сделали они или что сделали с ними, добавляя, что сделанного не воротишь. Все наше земное существование – не что иное, как состояние души, не так ли? Мы все медленно движемся к могиле, стараясь не думать об этом, пытаюсь отыскать в этой жизни какой-то смысл и приятно провести время. Посмотрите вокруг. Всех, кого вы видите, через сто лет не будет в живых: вас, супруги, детей, друзей, тех, кого вы любите, и тех, кого ненавидите. Террористов с Ближнего Востока. Государственных деятелей, повышающих налоги и проводящих неправильную политику. Учителей, которые ставят вашему сыну плохие отметки. Семейной пары, не пригласившей вас на ужин.

Когда меня что-то расстраивает, я люблю мысленно до конца пройти путь к могиле. На мой взгляд, это рисует жизнь в ее истинном свете.

Полезно вспомнить, что на самом деле в этом мире слишком много накали. Плохие оценки. Тупые политики. Пренебрежение со стороны общества.

К сожалению, есть вещи и значимые. Вещи, способные напрочь испортить отведенную нам короткую жизнь. Их нельзя исправить или переделать. Человек о них сожалеет. Сожаление коварнее чувства вины. Могущественнее страха. Оно подтачивает больше, чем зависть.

Почему я отвел взгляд от плавательного бассейна? Почему не смотрел внимательно на дорогу? Зачем обманывал жену? Зачем обворовывал клиентов?

Люди каждый день сражаются за контроль над чувством сожаления, не позволяя ему отнимать у них счастье. Иногда сражаются единственно ради того, чтобы жить, возить в школу детей и готовить ужин, а не прыгать с моста в воду. Это мучительно. Страшно мучительно. Тем, кто половчее, удастся это чувство перехитрить. Но когда они идут спать, оно возвращается на трон. А потом наступает утро, и они вновь просыпаются рабами этого неутомимого диктатора.

На подъездную дорожку к дому я тоже въехал рабом собственного чувства сожаления, прекрасно понимая, что исправить последствия предпринятых мною действий и поступков уже нельзя. На мне было пятно, смыть которое уже не удастся никогда. Красное вино на белой скатерти. Кровь на блузке Шарлотты. Я подумал о Бобе Салливане. Мошенник. Лжец. Но к изнасилованию не причастен. Потом в голову пришла мысль о Шоне Логане. Герой. Измученная душа. Теперь внутри его естества пошла язвами ненависть к Бобу Салливану. Я подумал о Дженни. О ее крови, разбрызганной на полу в ванной, о том, что я был в шаге от того, чтобы вернуть ей воспоминания, а вместе с ними и саму жизнь. То, что я сделал, было ничем не лучше, чем въехать на машине в толпу ни в чем не повинных людей, отведя глаза от дороги. Может, даже хуже. Здесь о несчастном случае речи не шло. Просто я ехал по дороге, на одной стороне которой стоял мой сын, на другой – эти невинные души, а возможности безопасно проехать между ними не было.

Жена на кухне готовила сыну бутерброды. Из гостиной, где стоял телевизор, доносились звуки этой долбаной игры, смех сына, автоматные очереди, взрывы. Опять смех.

Что с тобой? – спросила жена. – *Что-то случилось?*

Я плакал, хотя в тот момент этого и не осознавал. Меня душила ярость из-за того, что Джейсона приходится таким вот образом спасать. От страха, вырвавшегося из коробки на полке, защипало глаза. Слез в тот день было много.

Я прошел мимо Джули в гостиную. Задерживаться, чтобы выключить телевизор, не стал. Схватил сына за руки и рывком поставил его на ноги.

Пап... – начал он.

Я выхватил из его рук пульт и швырнул его в экран, который тут же разлетелся вдребезги. Из кухни с криком прибежала жена. В руках у нее была тарелка с бутербродами.

Алан!

Держа сына за руки, я грубо его тряхнул:

– Говори! Сейчас же говори! Как ты оказался в лесу? Что ты там делал?!

Меня там не было! Я тебе это уже говорил!

Я тряс его снова и снова. Жена поставила поднос, подскочила ко мне и схватила за руки, пытаясь оторвать от нашего ребенка.

– Ты даже не представляешь себе, что натворил! И что с тобой могло случиться! Зачем ты туда пошел? Что ты делал в чаще?

Джули устала ждать ответа. Чем дольше он не отвечал, тем больше она спрашивала себя, не он ли изнасиловал Дженни Крамер. Тоска, охватившая ее, явственно читалась в глазах. В гнезде зарядки торчал телефон сына. Я схватил его. Пароль был мне известен – жена сказала. Как и то, что нашла на компьютере Джейсона порнографию. Я открыл домашнюю страницу браузера и просмотрел историю.

Что ты делаешь?! Отдай! – закричал Джейсон.

Он ринулся за телефоном, но я оказался проворнее. Его рука, пролетев мимо, схватила лишь воздух.

Я загрузил изображение – бритые женские половые органы какой-то порнозвезды с приставленным к нему огромным членом, готовым вот-вот ворваться внутрь. Картинка превратилась в видео. На экране запрыгали совокупляющиеся пары. Из динамика слышались стоны и хрипы, столь характерные для полового акта.

Мам... – Сын обратился к Джули за помощью. Она взглянула на него и перевела взгляд на меня. Мое волнение передалось и ей.

– Так вот, как ты строишь свой дом? Ты *это* хочешь показать полиции, когда она доберется до твоего телефона? Собираешься дать им еще одно доказательство того, что ты насильник?

Боже мой, пап! Эту фигню смотрит кто угодно. Обычное дело! Но если я ее смотрю, это еще не значит, что я насильник!

– Обычное дело, говоришь? – сказал я, тыча ему телефон в лицо. – Нет, не обычное. Далекое не обычное!

Джейсон, пожалуйста! – взмолилась Джули. – *Мы любим тебя так*

же, как раньше. Мы поможем тебе. Но нам надо знать. Скажи нам! Просто скажи и все.

Лицо сына сделалось пунцовым, и я понял, что мы его дожали. Он сломался. На мгновение я действительно подумал, что это он сделал с моей милой Дженни все эти страшные вещи. Ах, куда только человека не заведет разум! Как же мы хрупки. Как мы невыносимо хрупки.

Ну хорошо! – крикнул он нам, пытаясь вырвать руки. –пусти меня!

Мы стояли посреди комнаты. В ожидании откровений мы с Джули затаили дыхание. Джейсон собрался с духом. Я выключил телефон и швырнул его на диван.

Да, я был там, ясно! Трахался! Ну что, теперь рады? Рады, что меня упекут за решетку?

Джули от удивления открыла рот:

Что ты делал? Боже мой, что?

– Джейсон... – чуть ли не шепотом произнес я. Контролировать мысли больше не удавалось. Джейсон заплакал. Я уже говорил, что слез в тот день было много.

Сын сел на диван и обхватил руками голову.

Я пошел искать того парня. Который приехал на синем «Сивике».

– Круза Демарко? – спросил я. – Торговца наркотиками?

У меня было сто долларов. И я пошел его искать.

– Откуда у тебя сто долларов?

Я взял их. Из кошелька на кухне. Не знаю, чей он был, просто лежал, а в нем деньги.

– Стало быть, ты решил украсть деньги и купить на них наркотики?

Там была одна девушка. Она спросила, нет ли у меня чего-нибудь такого. Я знал, что этот парень болтается на улице. Ребята без конца о нем шушукались и то выходили, то возвращались обратно. У него можно было купить что угодно.

– И ты решил, что если купишь ей наркотики, она пойдет с тобой?

Я посмотрел на жену. Она чуть не хохотала. Я провел рукой по лицу, вовсю стараясь не улыбнуться. Мы с ней испытали невероятное облегчение.

– И что было потом? Ты пошел по дороге, но почему-то оказался в лесу? Как тебя туда занесло?

Я просто... Подойдя к машине, я испугался. И сделал вид, что просто гуляю... Обогнул машину, направился по обочине в сторону леса, дошел до полянки, свернул, а потом вдоль деревьев вернулся в дом. Деньги положил обратно. А девушке сказал, что тот парень уже уехал.

– Стало быть, в лесу тебя не было? – Голова у меня шла кругом. Задать вопрос – это одно, но вот знать, что ты получишь на него ответ – совсем другое. Именно по этой причине так много вопросов остаются невысказанными. Порой лучше ничего не знать.

Нет!

Слово покатилося эхом, отскакивая от стенок моего сердца. Слава тебе, господи! Боже милостивый, благодарю тебя!

Жена не могла произнести ни слова, не выказав своей радости – истинного счастья, охватившего ее от того, что ее чудесный мальчик так и остался чудесным.

– Значит, вот ты чем занимаешься, – сурово произнес я. Не знаю как, но мне все же удалось скрыть свои чувства. Голова шла кругом.

– Воруешь деньги и даже подумываешь о приобретении наркотиков!

Джейсон без сил упал на диван.

– Иди в свою комнату. Да «Иксбокс» с собой прихвати. А что разбил телевизор, извини.

Это домашний арест?

– Да. До следующих выходных.

Джейсон встал, выдернул из гнезда «Иксбокс», собрал в кучу провода, джойстики и игры, бочком двинулся к лестнице и поднялся в свою комнату.

Джули упала в мои объятия, и мы с ней расхохотались. Страх ушел. Коробка на полке опустела. Мрак не рассеялся, пятно так и осталось, но я решил пройти через эту грязь ради небезупречного, но такого прекрасного создания, которое мы породили.

Глава двадцать седьмая

Я рвался вперед с убежденностью. С определенной целью. Нет, мне не нужны были доказательства того, что мой сын не насиловал Дженни. Все, в чем я нуждался, это чтобы он снова стал хорошим и ни в чем не повинным. Он наврал нам про тот вечер, но теперь признался. О его невинности говорило все – и манера признания, и слова, и выражения, и тон.

Он мой сын. Мой ребенок. То, что останется после меня в этом мире. Мое продолжение. И преследовать Джейсона в моих глазах было то же самое, что преследовать меня. Я ощущал это всеми фибрами души – раньше я ничего на свете так не ощущал. На уровне врожденного инстинкта. Я рвался вперед, как лев, защищающий своего детеныша.

На поводу у собственных желаний я не пошел. И большую часть своего плана придумал на свежую голову. Мне казалось, что я нашел способ не только уберечь Джейсона от подозрений, но и позволить Дженни вновь встать на путь исцеления. Я раздвоился. Один Алан был доктором и лечил пациентов, другой – кукловодом, сжимающим в руках деревянные палочки и заставляющим окружающих плясать под его дудку.

Через два дня я увиделся с Шарлоттой. Она была в ярости.

Вы рассказали полиции! Про Боба и его голос. Вы все им рассказали!

– Успокойтесь, Шарлотта. Я не говорил с ними о воспоминаниях Дженни. Почему бы вам не рассказать мне, что случилось?

Шарлотта овладела собой и пристально посмотрела на меня. Я вам уже говорил, что был непоколебим в своих убеждениях. Как скала. Сомнения и гнев, которые она носила в себе в течение шестнадцати часов, испарились в одно мгновение. Моя власть, казалось, не имела границ.

Он попросил меня приехать. Я имею в виду Боба. Мы встретились с ним в том самом доме, но он ко мне даже не прикоснулся. И при встрече не поцеловал. Был расстроен. Встревожен. И я, конечно же, спросила, в чем дело. Попыталась не выказывать свои страхи. Сделала вид, что не имею ни о чем понятия. Не знаю... думаю, он мне поверил.

– Конечно, поверил, можете в этом не сомневаться. В конце концов, это ведь правда. Откуда вам было знать, что его так расстроило.

Возможно. Но все равно все это походило на ложь, и теперь я чувствую вину за то, что ломала комедию.

– Вы ему рассказали?

Нет, наоборот, выслушала его. К нему мимоходом зашел детектив

Парсонс. По словам Боба, был очень мил, как и полагается, и очень извинялся. Сказал, что в его руках оказалось какое-то дело тысячеклетней давности. Из Скидмора, Боб учился там в колледже.

– В колледже? – переспросил я.

Да. Сказал, что некая девушка, с которой он переспал на весенних каникулах, соврала ему про свой возраст, а на следующий день стала плакаться подружкам. Те рассказали родителям, которые не замедлили поставить в известность папу и маму самой девушки. В итоге пришлось вмешаться полиции, потому как девица оказалась несовершеннолетней. Расследование ни к чему не привело. По признанию Боба, он давно боялся, что кто-нибудь вспомнит о том деле. Но думал, что это случится позже, через несколько лет, когда он будет баллотироваться в парламент страны. Я думаю, что на периферии его сознания всегда присутствовала мысль, что до этого кто-то да докопается.

– А какое отношение это имеет к нашему делу? К Дженни?

Но это же очевидно! Преступление на сексуальной почве, пусть не доказанное, но заявление ведь было. Детектив Парсонс сказал, что ему нужно на всякий случай провести плановое мероприятие, чтобы прикрыть тылы, и вопрос тут же будет закрыт.

– Стало быть, ему нужно было алиби?

Да.

– И что ответил Боб?

Сказал, что не помнит. Пообещал позвонить позже, когда поговорит с женой и посмотрит ее ежедневник. Потом Парсонс ушел, а Боб так и сделал – связался с женой. Она напомнила ему, что в тот вечер они были в клубе. На весенней дегустации вина. Я тоже собиралась туда сходить, но нас пригласили на ужин.

– Я помню. Вы еще сказали, что в машине повздорили по этому поводу с Томом.

Да. Как бы там ни было, Боб перезвонил Парсонсу и все ему рассказал.

– Понятно. Вот оно что. Стало быть, у него есть алиби? – Говоря по правде, подобную возможность я не учел. Не знаю почему, но мне казалось, что Боб скажет, будто был с женой, и полиция не сможет ни доказать это утверждение, ни опровергнуть его. Жена не может быть надежным алиби. Но весенняя дегустация вина обязательно найдет свое отражение в документах клуба. К тому же там было много свидетелей.

Но хватки я не ослабил.

– Мне представляется странным, что он не помнит, где был. В нашем городке каждый знает, что делал в тот вечер. Известие о нападении на

Дженни повергло всех в шок.

О господи! Я даже не знаю что думать. Правда не знаю.

– Вы о чем? Это же хорошая новость.

Она могла бы таковой быть, если бы Боб действительно пошел на ту дегустацию. Или куда-то еще.

– Погодите-ка. Вы хотите сказать, его там не было? Откуда вам это известно?

Потому что я знаю. Его жена, Фрэн, действительно была. Ах... как же это унижительно. Несколько недель спустя мне насплетничала клубная подруга. Попыталась отвлечь меня от мыслей о Дженни. Боб на той дегустации так и не появился. Фрэн сидела вместе с моей подругой и ее мужем и постоянно извинялась, что он не пришел. Если бы это был кто-то другой, я бы наплевала и тут же забыла ее рассказ. Но речь шла о Бобе. Эта мучительная мысль запала мне в душу. Я боялась, что у него появилась другая женщина.

Ветер дул все сильнее и сильнее.

– Понятно. Вы сказали Бобу, что все знаете?

Конечно. То есть о том, что боялась, умолчала, но напомнила, что Фрэн в тот вечер была одна и сидела вместе с моей подругой. Он, казалось, удивился, будто и правда не помнил, где был. Правильно вы говорите – странно все это, не правда ли?

– Для меня – да, для вас – не знаю. Он как-то объяснил, где был?

Нет. На деле лишь несколько раз повторил, что я ошиблась. Фрэн уже подтвердила, что он был с ней на той дегустации. Парсонс поверил. Вопрос закрыт.

– В таком случае вам должно быть легче.

Но Шарлотте легче не было. Она стала сомневаться в невинности своего любовника в изнасиловании ее дочери, хотя полной уверенности на этот счет у меня нет. Вполне возможно, что она просто подозревала, что тот вечер он провел с другой женщиной. Я понаблюдал за ее телом, за лицом, увидел, как она качала в воздухе ступней, закинув ногу на ногу. Сказать, что она пришла в ужас, я не мог. Но выглядела обеспокоенной, из чего я сделал вывод, что ее страдания скорее вызваны мыслями о другой женщине.

Тогда он умолк и обнял меня за талию. Мы занялись любовью. Потом ушли. Я поехала домой и влезла в шкуру хорошей Шарлотты.

– Вы просто Шарлотта. Победа в этой битве вот-вот будет за вами. Неужели вы этого не чувствуете? – Я вновь превратился в доктора. Шарлотта с самого начала взяла на вооружение мой язык – я знал, что

такие парадигмы, как «хорошая Шарлотта» и «плохая Шарлотта», найдут отклик в ее душе. Она чувствовала, что уже не так привязана к «плохой Шарлотте», и вместе с тем перестала без конца стремиться быть «хорошей Шарлоттой». Я надеялся и мечтал, что когда-нибудь она избавится что от одной, что от другой.

Знаю, я использую много метафор. Выбирайте любую: вагонетка «американских горок», ухающая вниз, катастрофа, вызванная столкновением двух автомобилей, волокна сахара, наматывающиеся на палочку и образующие идеальной формы конус. Для конца истории все сгодится, потому как финал – это часть, где события развиваются с головокружительной скоростью.

Мы с Шарлоттой поработали над ее внутренними противоречиями. Доктор в тот день блистал во всем своем великолепии. Хронометраж, слова, то, как он подвел женщину к истине, сокрытой внутри ее естества. У нее болела душа, а собственное поведение внушало отвращение. Плохая Шарлотта сдавала позиции. Я работал над демонтажем Шарлотты хорошей. Мы поговорили об узах, связывавших ее с Дженни, а также о том, что хорошая, идеальная Шарлотта никогда бы не смогла постичь боль дочери и прочувствовать, что испытывала Дженни в тот вечер, когда ее лишили воли. Женщина все поняла. Подобные мысли уже пришли ей в голову, теперь им оставалось лишь там закрепиться.

Перед уходом она сказала:

Да... чуть не забыла. Когда к вам придет Том, приготовьтесь. Он нашел в альбоме фотографию парня в синей толстовке. Лица его не видно, потому как он стоит спиной, да к тому же в толпе. Думаю, там снята футбольная команда. Эта фотография для него превратилась в навязчивую идею. По правде говоря, я понятия не имею, где он ее откопал. Должно быть, рассматривал каждый снимок через увеличительное стекло.

– Уверен, что Том сам мне все расскажет. А он передал альбом детективу Парсонсу?

Позвонил ему в шесть утра. Представляете? Совсем с катушек слетел. Как же я от него устала.

Я улыбнулся. Шарлотта ушла. Я был совершенно спокоен.

– Детектив Парсонс? – Я набрал его номер сразу после того, как за пациенткой закрылась дверь.

Пересказывать наш с ним разговор я не буду. Скажу лишь, что злоупотребил доверием Шарлотты и предложил Парсонсу проверить алиби Боба в клубе. Выпытывать у меня подробности он не стал. То, что вопрос

до сих пор не закрыт, отнюдь не привело его в восторг. Я уверен, что после звонка Тома у детектива Парсонса и без меня был очень трудный день. Хотя меня это не касалось.

Вы когда-нибудь видели в цирке акробатов, которые расхаживают по канату, да при этом еще вращают на двух палках по тарелке?

После обеда пришел Шон Логан. Он был взволнован.

– Что-то случилось? Вы чем-то расстроены?

Нет, – с сарказмом в голосе ответил он. – *Со мной, док, все в полном порядке.*

– Шон. Я понимаю, порой мы переходим границы, в то время как для нашей работы очень важно оставаться в рамках. Но мне кажется, я проявил бы небрежность, если бы обошел вниманием какие-то вещи, о которых знал и которые, вероятно, в течение нескольких дней вас беспокоили.

Парень посмотрел на меня с видом крутого тинейджера. Потом пожал плечами. Еще вчера я почувствовал бы себя от этого плохо. Видеть своего пациента, этого стойкого солдата, получившего ранение на войне, без привычной улыбки, без чувства юмора и без симпатии ко мне было бы очень и очень больно. Но сегодня я превратился в скалу. Да и потом, мне было известно, что старый Шон еще вернется.

– Шон, мне известно, что вы с Дженни очень сблизились. Я также понимаю, что в данный момент она переживает довольно мучительный период, вызванный вернувшимися воспоминаниями. Или того, что она таковыми считает. К тому же ее беспокоит, что я сомневаюсь в их подлинности.

Он засопел. Шон все так же быстро впадал в гнев – внутри его естества бродило и чувство вины, и другие призраки.

Док, я просто обязан вам сказать. Мне неизвестно, почему этот долбаный монстр все еще не за решеткой. Я не понимаю, как вы можете здесь сидеть. У вас есть сведения, но вы ими со мной не делитесь, предпочитая водить ваши мудреные, никчемные разговоры. Почему бы вам не арестовать этого подонка и не посадить под замок вместе с остальной мразью на этой планете? Неужели кроме всего этого хлама в вашей душе больше ничего не осталось? Неужели то, через что пришлось пройти этой несчастной девушке, вас, черт возьми, совершенно не волнует?

Я откинулся на стуле; сердце если и застучало быстрее, то лишь самую малость. Гнев Шона искал выхода, но его нельзя было направить на что-либо невинное, как жена или маленький сынишка. Его можно было выплеснуть лишь на что-то такое, ради чего не надо было бы сдерживаться

любой ценой.

– Волнует, Шон. Но я стараюсь изо всех сил, чтобы мои эмоции никак не влияли на работу с пациентами. С вами. С Дженни.

Я вздохнул и отвел глаза в сторону. Лицо приняло страдальческое выражение, в последнее время уже не раз виденное мною в зеркале и успевшее стать моей второй натурой.

– И интересы Дженни для меня лично – высший приоритет, – с обиженным видом сказал я. – Для меня чрезвычайно важны и ее воспоминания, и человек, которого она вспомнила и в отношении которого сейчас ведется расследование. Больше по этому поводу я не скажу ничего, потому как это не мое дело. Но как профессионал я обязан убедиться до конца, что здесь нет никакой ошибки. Он никуда не денется. Если мы, не торопясь, будем делать все как положено, ничего плохого в этом не будет. И если выяснится, что он виновен – а на данный момент это большой вопрос, то ему не удастся уйти от ответственности за недостатком улики.

Шон вновь посмотрел на меня, на этот раз уже помягче.

– Вы же знаете, как просто исказить ваши воспоминания о том треклятом дне в Ираке, правда? Вспомните, как осторожно мы воссоздаем события и фон, на котором они происходили. Когда мозг извлекает файл, это процесс очень уязвимый и хрупкий. Боюсь, что память Дженни была искажена внешней суггестией.

Она так не считает. И даже уверена в обратном.

– Но при этом, когда она говорит об этом человеке, в ней нет ни страха, ни ярости, ни тоски. Лишь безликая, банальная, продиктованная исключительно мозгом реакция. Вы разве не заметили?

Шон задумался. Он знал, что правда на моей стороне. Я видел это. Из его груди вырвался протяжный вздох. Тело расслабилось, он откинулся на подушки.

Вот дерьмо.

– Вам хотелось бы, чтобы насильником оказался именно он, да?

Да, мать вашу! Ей нужно поставить на этом точку. И вы это прекрасно знаете. Дженни должна жить дальше. Двигаться в будущее.

– В первую очередь она должна вспомнить. Потому что только так сможет изгнать призраков. Как и вы. Может, займемся делом?

Мы с Шоном проработали два часа. Вновь вернулись в пустыню. К его боевому заданию, переговорам по рации и товарищам, которых по одному перебили в той деревне. Еще раз увидели Валансию, шедшего с ним бок о бок. Красную дверь, местных жителей, почему-то не пожелавших спастись бегством. Женщин и детей. Старика, который гневался больше обычного. У

Шона из головы не шли мысли о Дженни. И что еще хуже, она была и в его сердце. Полагаю, он ушел от меня, немного успокоившись. Мне кажется, я вполне осознавал масштаб его ярости и понимал, каким сильным нужно быть человеком, чтобы держать ее в узде. По своей природе он не был жесток. Но хотя я никогда не забывал, что он был солдатом, порой мне каким-то образом удавалось об этом не помнить.

Глава двадцать восьмая

С Гленном Шелби я виделся в Сомерсе зимой, незадолго до того, как изнасиловали Дженни. Но это была не последняя наша встреча перед тем, как он умер. Родители воспитали меня человеком великодушным. Научили творить добро. И помогать нуждающимся.

Я рассказываю об этом потому, что в тот вечер, после сеанса с Шоном, поехал с ним повидаться. Он вышел из тюрьмы около года назад, и с тех пор я постоянно о нем думал. Мысли о нем проникли в мое сознание да там и укоренились – до такой степени, что даже мешали работать. Я нашел его без труда, через сотрудника службы пробации. Он работал на дому в своей крохотной квартирке, обрабатывал на компьютере данные для какой-то паршивой компании, занимающейся маркетингом через интернет, из числа тех, что перехватывают вашу персональную информацию и потом шлют всякую ерунду, которую приходится удалять. Эту работу ему нашла тетя из Бостона. Она же в течение нескольких лет платила арендную плату и коммунальные платежи за его крэнстонскую квартиру. Деньги приносила скромная рента, доставшаяся парню в наследство от родителей. Тетя была женщина пожилая, и если и проявляла интерес к племяннику, то только в рамках долга опекуна, получая за это, насколько я понимаю, символическую плату. Не думаю, что она знала о его последней отсидке, хотя об остальных преступлениях племянника была осведомлена. До этого он дважды попадал за решетку за домогательства и запугивания.

Теперь Гленн день и ночь торчал дома, хотя раньше работал в компании по содержанию и обслуживанию жилья. По примеру любых других ситуаций, требующих взаимодействия с другими людьми, через несколько месяцев его уволили. Это парня ожесточило. Гленн любил землю, запах травы и обожал контактировать с другими людьми. Каждый новый человек давал ему шанс на душевное общение. К сожалению, молодой человек зашел слишком далеко в отношениях с одной клиенткой, замкнутой мамашей семейства из пригорода, ошибочно приняв ее вежливость за проявление неподдельного интереса к нему и его жизненной философии.

Гленн Шелби был жалким созданием. О двух вещах я вам уже рассказывал. Во-первых, он был мастер вытягивать из собеседников истории из личной жизни, которыми обычно делятся лишь с близкими друзьями и любовниками. Я в ходе наших сеансов тоже ему кое-что

выболтал, и это меня беспокоило. А во-вторых, он был единственным пациентом, которого я не сумел спасти.

Тем вечером я поехал к нему домой. Должен признать, что оказаться с ним наедине было не очень приятно. Квартирка располагалась в жилом комплексе, напоминавшем собой мотель, и входная дверь вела сразу на улицу, как в частном доме. Но внутри была одна-единственная комната. Автомобили парковали на улице. В большинстве своем старые, неухоженные развалюхи. Посреди двора располагался плавательный бассейн, доведенный до ручки безразличием здешних обитателей и, если совсем откровенно, здорово смахивавший на выгребную яму под открытым небом. До приюта для бездомных такому жилью было рукой подать. Многие жители комплекса были преступниками или, подобно Гленну, выживали исключительно благодаря помощи родственников. Они делились с Гленном своими историями, а он рассказывал их мне во время наших сеансов в Сомерсе. Я хорошо их помнил.

Он открыл мне дверь в чистеньких брюках цвета хаки и рубашке, будто собирался отправиться на работу в какой-нибудь офис. Изнутри резко пахло смесью чистящих средств и карри. В компании, где трудился Гленн, работало непропорционально много индусов, которые, собственно, и жили в Индии. Для тех, кто недавно звонил в службу поддержки клиентов, в этом нет ничего удивительного. Они нередко проводили в интернете конференции и координировали свои действия, выступая в роли виртуальных коллег. Их культура въелась в Гленна, и он явно с ума сходил по блюдам индийской кухни.

Гленн трясся, хотя губы его расплылись в негодующей улыбке.

Так-так. Посмотрим, кто к нам пришел.

– Привет, Гленн. Можно войти?

Он отошел в сторонку и показал мне на небольшой диван в углу комнаты.

Я сел и спросил:

– Как твои дела?

В квартире царила идеальная чистота. В застекленном шкафчике аккуратно стояла посуда. На кухонном столе, на равном расстоянии друг от друга, в одну четкую линию были выложены газеты. Буфет украшали небольшие фарфоровые безделушки. Навязчивое стремление к чистоте – типичный стереотип пациентов, страдающих от подобных форм психоза. Как и грязь, по иронии судьбы.

Гленн пожал плечами. Затем сел рядом со мной на деревянный стул, скрестил ноги и, наконец, поднял глаза.

Со мной все в порядке, Алан.

– Надеюсь, ты не обидишься, что я к тебе приехал. Обычно врачи так не поступают, но я о тебе все это время волновался.

Гленн откинулся на спинку стула. Охватившее его возмущение уступило место глубинной потребности вновь ощутить контакт со мной. Просто удивительно, как быстро он это проделал.

А я все думал, сколько времени вам потребуется, чтобы меня найти.

Я улыбнулся. Глаза парня расширились, и я вдруг мысленно вернулся назад, к временам наших сеансов в Сомерсе. Сеансов, которые мне пришлось прервать из-за рамок, которые он не пожелал соблюдать. Рамок, которые я сам же глупо позволил ему преступить, желая помочь.

– Гленн, я знаю, что должен был прийти раньше. Мне сообщили, что ты перестал ходить к доктору Уэсткотту. На минувшей неделе я столкнулся с ним в тюрьме, и он рассказал мне, что после освобождения твои дела идут неважно. Может, расскажешь мне, что случилось?

Я все сделал правильно. Стоит один раз нарушить границы – и их уже не восстановить. Это тебе не стены из кирпича и штукатурки. Они у людей в головах, как и слова, проглотить которые обратно, как известно, нельзя. Я попросил, чтобы Гленна направили к другому врачу-добровольцу, и после его освобождения доктор Уэсткотт согласился продолжить с ним работать. Хотя на самом деле он не столько лечил его, сколько наблюдал, следя, чтобы парень не увлекся очередной навязчивой идеей и не утратил над собой контроля.

Гленн уставился в пол и пожал плечами.

С ним все было по-другому.

– Что ты имеешь в виду? Он замечательный врач. И практикует прямо здесь, в Крэнстоне.

Вы же знаете ответ, Алан.

Я почувствовал, как по спине прокатилась волна дрожи. Волосы встали дыбом. Через несколько месяцев после того, как Гленна стал лечить доктор Уэсткотт, парень стал присылать мне домой письма. Я понятия не имею, где он раздобыл мой адрес, узнал, как зовут мою жену и детей. Я поставил в известность доктора Уэсткотта и администрацию тюрьмы. Гленна заставили оставить меня в покое, и я поверил, что пуля пролетела мимо.

У пациентов, страдающих пограничными расстройствами личности, болезненная привязанность к врачу развивается гораздо чаще, чем у остальных. Вероятность этого доходит до сорока процентов. Но здесь важнее не столько цифры, сколько сам факт. Обучение психиатров, помимо

прочего, включает в себя навыки устанавливать и поддерживать рамки. Но как я уже говорил, встретившись впервые с Гленном Шелби, я обнаружил, что вся моя подготовка и гроша ломаного не стоит. Установленные ограничения парень соблюдать не стал, у него развилась ко мне патологическая привязанность, а затем наступил период домогательств и преследований. К счастью для меня, он закончился быстро – из-за страха Гленна перед одиночной камерой и новыми обвинениями, которые не позволили бы ему выйти из тюрьмы.

По ходу замечу, что это отличный пример, опровергающий утверждение о том, что пациенты, страдающие от патологий второго типа, не поддаются действенному лечению. На самом деле легкие их формы можно лечить, используя методику кнута и пряника. Такие больные вполне способны контролировать свое поведение, желая получить вознаграждение и избежать наказания.

Да, их можно лечить. Но излечить полностью – нельзя. В отсутствие кнута и пряника они неизменно возвращаются к старой модели поведения. Больше я от Гленна не получил ничего, даже когда он вышел из тюрьмы. Но потом понял, что теми письмами его попытки чувствовать себя ближе ко мне не ограничились. И тогда поехал к нему, чтобы положить этому конец.

Наш разговор продолжался примерно час. Потом я ушел и поехал домой. Через неделю Гленна нашли повешенным у него дома.

Узнав об этом, я вспомнил некоторые предметы в его квартире, которые по той или иной причине привлекли мое внимание, но ничуть не встревожили. В них не было ровным счетом ничего плохого. Скакалку в углу комнаты, свернувшуюся будто змея. Табуретку на кухне. И железный, вделанный в потолок турник рядом с дверью в ванную. Потолки были высокие, думаю, футов восемь. Я и сейчас могу закрыть глаза и представить, как он висит на том турнике, а у его ног, буквально в нескольких дюймах от пальцев, валяется белый табурет. Скакалка привязана высоко, чтобы тело не касалось пола. Из одежды на нем лишь синие трусы. Я стараюсь на этом не заикливаться. Но получается это не всегда, потому как это был не рядовой провал, который может случиться с представителями многих других профессий. Мое поражение закончилось той жуткой картиной, которую я вам только что нарисовал. Той самой картиной, с которой я теперь живу каждый день. Она всегда со мной, как напоминание о том, что даже я могу вылечить далеко не каждого пациента.

Когда я уходил, Гленн был жив. Трясся, но во всем остальном пребывал в полном порядке. Я вернулся на работу, принял еще одного

пациента и вернулся домой к семье.

На следующий день со мной связался детектив Парсонс. Его звонка я ждал. Не забывайте, на тот момент я уже опять работал, как точная машина, и в голове царила полная ясность. Мне было дано видеть будущее. По той простой причине, что я его контролировал. Куклы на ниточках. Палочки в моей руке.

Вы были правы, Алан. Насчет алиби. Какое вонючее дерьмо!

– Мне жаль. Правда.

На самом деле это было не так.

Откуда вы узнали? Не расскажете? Что еще вы от меня скрываете?

– Не могу. Я уже объяснял вам, что...

Да-да, я помню, священная врачебная тайна и все такое прочее. Так оно и есть, Алан. Но иногда мне кажется, что вы трахаете мне мозги.

– Убивать гонца, который приносит дурные вести, вполне нормально, так что я не в обиде. Не я придумал то несостоявшееся дело с сексуальной подоплекой. И по поводу алиби не солгал. Все это – объективная реальность, к которой я не имею никакого отношения.

Парсонс горестно вздохнул:

Я знаю. Простите меня. Просто я отнюдь не рвусь участвовать в этом дерьмовом шоу. Чую, что оно так или иначе закончится плачевно. Нутром чую. Он направит на мою задницу огромную толпу.

– Но ведь дело как-то надо заканчивать, правда? – спокойно произнес я. – Вы уже спрашивали об этом Салливана и его жену?

Они в один голос твердят, что это банальная ошибка. Но документы клуба не врут. После той дегустации остался счет. Он подписан Фрэн, женой Боба. Так что у Салливана алиби нет.

– Понятно.

Да и потом, эта старая флоридская история. Ее же все проглотят, даже не подавившись. И Бобу придется мобилизовать все силы, чтобы отбиться.

– Похоже, что да, – сказал я. У меня не было никакого желания оспаривать вывод о том, что Боб невиновен. То, что думал Парсонс, было неважно. Значение имел лишь страх в его голосе. Это как раз и было «вонючее дерьмо», способное сломать человеку карьеру.

– И что теперь?

Он уже нанял адвоката. Карла Шумана, прохвоста из Хартфорда. В конце 90-х тот защищал банду юных головорезов.

– Да, я помню это дело.

Сделал на этом имя и теперь работает только с теми, кто может

позволить себе воспользоваться его услугами. Теперь мы больше не можем подобраться к Бобу, разве что официально его задержим или хотя бы вызовем на допрос. Вот тут-то обо всем узнает пресса, и ситуация взорвется.

– Жаль, что вам придется все это разгребать. Могу я чем-то помочь?

Алан, пожалуйста, вы не можете просто сказать, состоятельны ваши сведения или нет? Подмигнуть мне или незаметно кивнуть? Что-нибудь в этом роде. Мне ведь нужно принимать решение.

– Истина, детектив, заключается в том, что ни мои подмигивания, ни кивки не будут играть никакой роли. Все, что происходит у меня в кабинете, в качестве доказательств не годится. Это проблема лечения, которому подвергаются жертвы психических травм. Даже если воспоминания к ним и возвращаются, с точки зрения закона их нельзя считать до конца достоверными. Я читал об аналогичных случаях и о решениях, которые по ним принимались. Подобные пациенты в роли свидетелей начинают нервничать, путаться, и суду приходится с этим считаться.

Парсонс на какое-то время умолк. Ему не хотелось давать отбой в том же состоянии умственного хаоса, в котором он пребывал, набирая мой номер. Его загнали в угол, из которого не было выхода. Если он ничего не предпримет, а журналисты пронюхают, что у него были основания для дальнейших шагов, его обвинят в пособничестве власти имущим и богатым. Но если он вывалит всенародного любимца в грязь без всякой на то причины, посыплются судебные иски и за дело возьмутся частные сыщики. А разборки в суде нередко приводят к отставке. С частными детективами на хвосте его усилия по расследованию этого дела, которого он боялся все больше и больше, станут предметом всеобщего внимания. Что действуя, что бездействуя, он в любом случае был обречен. Выйти из этой ситуации можно было, только если бы Боб оказался виновен. Но это было не так.

Бедный детектив Парсонс.

Глава двадцать девятая

Зерна сомнения прут вверх не хуже сорняков – если у них достаточно солнца, воды и питания.

Когда Шарлотта явилась ко мне в кабинет на следующий сеанс, все ее существо дышало сомнениями в отношении Боба. Они больше не виделись, но Салливан звонил ей, чтобы рассказать о проблеме с алиби и о нанятом им адвокате. Он по-прежнему настаивал, что присутствовал на дегустации, но никаких игривых смс-сообщений больше не было. Как и фотографий его торчащего мужского достоинства. Он демонстрировал редкую осторожность, с какой обычно действуют те, кто действительно в чем-то виновен.

– Прискорбно, что вас по-прежнему волнуют проблемы Боба. Прискорбно по той причине, что я вижу, как вы по этому поводу переживаете.

Да, это так. Я действительно очень переживаю. Мне интересно – а что он скрывает? Я даже спросила его: «Просто скажи мне, где ты был тем вечером. Если с другой женщиной, не волнуйся, я справлюсь». Но он как попугай повторял, что был на дегустации, что его все преследуют, потому что он баллотируется на выборах, что у него есть деньги и все такое прочее. Перегибал палку, понимаете?

– Да. Звучит действительно странно, и теперь я понимаю, почему вы так нервничаете. – Я подождал, пока мои слова не дошли до ее сознания. – Как вела себя Дженни после занятий группы?

Без изменений. Пока она не вспомнила голос Боба, с ней все было отлично. А сейчас такое впечатление, что она сдалась, разуверилась в лечении и решила жить в состоянии непрекращающейся боли. Боже мой, как же мучительно мне на нее смотреть. Смотреть и переживать – снова и снова.

– Я вас понимаю. Мне казалось, что сеанс групповой терапии что-то изменит. Другая моя пациентка, тоже жертва изнасилования, привела что-то вроде наглядного представления. Я хотел было ее остановить, потому что никогда не забываю о возрасте Дженни, но потом передумал. Сами по себе слова этой пациентки не внушали беспокойства, но она говорила о моменте первого проникновения, то есть о единственном воспоминании Дженни о том вечере.

Глаза Шарлотты расширились, она выпрямилась и села на самый

краешек дивана.

Я не знала, что Дженни описала вам все в подробностях.

– Ну разумеется. А вы как думали?

Не знаю. Мне казалось, она просто вспомнила и рассказала вам. Я не стала расспрашивать ее о деталях. Но при этом понятия не имела, что она поделилась с вами... мне кажется... это настолько личное, что... Нет, я не хочу сказать, что это неправильно, но... Ах, что я такое говорю!

– Успокойтесь, все хорошо. Вам, конечно, странно думать, что дочь описала случившееся мне, мужчине, в таком стерильном окружении.

Шарлотта уставилась на этикетку на тюльпане. Лицо ее сморщилось, будто она что-то напряженно обдумывала и мысли причиняли ей боль.

– Вы хотите знать, о чем она мне поведала? Если я поделюсь с вами этим знанием, вам станет легче?

Пожалуй. Да. По правде говоря, я хочу знать все. Все, что она вам сказала.

Это было проще простого.

Я рассказал Шарлотте о проникновении. Описанный мной акт не относился к изнасилованию Дженни, хотя и не слишком от него отличался. Я скорее живописал, как Боб Салливан трахал свою юную секретаршу в автосалоне. Сзади. Схватившись рукой за плечо и вдавив лицо девушки в капот. Запустив пальцы другой руки в роскошные волосы на затылке. Резкие толчки, туда и обратно, будто животное.

Шарлотта откинулась на диван и сложила на груди руки. По ее лицу я видел, что ее Боб Салливан трахал точно так же. И что сейчас она думала только о том, где же он все-таки был тем вечером.

Через пять дней ростки зацветут пышным цветом. Но не будем забегать вперед.

Нас всех очень тревожила и Дженни, и тот факт, что нам, несмотря на достигнутый в работе прогресс, никак не удавалось продвинуться дальше. Воспользовавшись шансом, я подлил масла огонь, и теперь от него было достаточно дыма, чтобы мой сын спокойно ускользнул от внимания полиции. А потом вернулся к эгоистичному стремлению спасти свою пациентку.

– Как ты? – спросил я Дженни во время нашего следующего сеанса. – По-прежнему чувствуешь себя так, будто не можешь решить трудную математическую задачу и хочешь сдать?

Дженни пожала плечами.

– Сегодня ты выглядишь грустной.

Брызнули слезы. Я протянул девушке несколько бумажных салфеток.

– Это все из-за воспоминаний, которые к тебе вернулись?

Нет. В этом плане мне стало легче. На самом деле все примерно так, как вы говорили, хотя я и ненавижу образы, которые проносятся в моей голове. Я хочу сказать, что когда вспоминаю о его руках и... обо всем остальном, с меня будто действительно сползает кожа, из моей груди рвутся крики и плач, мне даже не хочется жить. Но потом я начинаю думать или делать что-то другое, эти мысли уходят, а вместе с ними и чувства.

– Вот оно! – Я был возбужден сверх всякой меры. – Эмоции обрели пристанище. Они ассоциировались с воспоминаниями и прекратили изводить твой мозг в поисках дома. Предполагается, что восстановление после психологической травмы должно осуществляться именно так. Со временем, по мере того, как ты будешь отпускать от себя все эти эмоции и образы, они будут меркнуть и угасать. Потом увидят, что с тобой все в порядке, что провоцировать тебя нет никакого смысла, и тогда ты распрощаешься с ними навсегда.

Дженни в знак согласия кивнула. Но потом из ее груди вырвался вздох.

– Так в чем же дело?

Я не уверена, что должна об этом говорить.

Я все понял.

– Шон? – прозвучал мой вопрос.

Лицо выдало ее с головой.

– Можешь не таиться. Шон знает, что мы обсуждаем ваши отношения.

С ним мы тоже о них говорим.

Правда?

– Да.

Ну хорошо. Я не знаю. Мне кажется, что я для него слишком плоха. Будто он от меня скверно себя чувствует.

– Как это?

Просто Шон очень зол. Он действительно считает, что меня изнасиловал мистер Салливан и...

– И что?

Он просто очень злится. Когда мы встречаемся, я не могу с ним ни о чем говорить, потому что он неизменно переводит разговор на мистера Салливана, на то, что его не арестовали и что он так и не понесет наказания по той причине, что я прошла курс лечения, и то, что я вспомнила его голос, не сыграет никакой роли.

– Понятно. А тебе по-прежнему кажется, что ты слышала его тем вечером в лесу?

Да. Мой мозг думает именно так. Но ничего такого в отношении мистера Салливана я не чувствую. Хотя должна бы, да? Я видела его на прошлой неделе, когда зашла на работу к отцу. Да, от того воспоминания разнервничалась, но больше не почувствовала ничего.

– А как по-твоему, Шон знает, что полиция приходила к нему с вопросами?

Что?

– Мама тебе ничего не сказала? Ах да, вероятно, она боится, что об этом станет известно вашему отцу.

О боже! Это объясняет, почему Боб вел себя так странно, когда мы с ним встретились! – Дженни обхватила голову руками, будто ей стало стыдно. – О господи!

– Все хорошо, правда. Боба спрашивали не о том, что случилось тогда в лесу. Он что-то натворил в прошлом. Во время допроса он солгал в ответ на вопрос о том, где был тем вечером. Полиция ничего не знает ни о нашей работе, ни о твоих воспоминаниях. Я сдержал свое обещание.

Но ведь все так и будет, да? Состоится суд, и тогда все увидят, какая каша царит у меня в голове! И Шон... О боже!

– Ты боишься, что Шон что-нибудь натворит?

Просто... Шон так зол. Он сказал мне, что...

– Что тебе сказал Шон, Дженни?

Я не должна вам этого говорить.

– Не бойся. Ты мне веришь?

Да... дело в том, что... я считаю его своим лучшим другом. Порой даже единственным.

– Тогда позволь мне помочь ему. Расскажи, что он тебе говорил.

Дженни посмотрела на меня с видом маленькой мышки, которой не хочется, чтобы ее слышали, несмотря на то, что она уже открыла рот и произнесла первые слова.

Шон сказал, что хочет убить Боба.

– Всего-то, – пренебрежительно протянул я. – Люди повторяют это на каждом шагу, разве нет? Не далее как сегодня утром я наорал на свою собаку и тоже сказал что-то в этом роде. «Я его убью, этого пса!» Понимаешь? Люди произносят эту фразу, хотя воплощать свою угрозу в жизнь не намерены. Это всего лишь выражение.

Нет. Вы не понимаете. Шон сказал, что в его воображении мистер Салливан рисуется одним из террористов, которых его послали уничтожить. Утверждает, что его надо убить, чтобы он больше ничего не мог натворить. Он сказал, что так и видит, как мистер Салливан

вонзает мне в кожу зажатую в его руке острую палочку. Он просто сидит рядом со мной, и в голове его проносятся эти навязчивые образы. Шон сказал, что у него есть пистолет и что он умеет стрелять из него левой рукой. Тренировался, наверное.

– В самом деле? И где он его взял, этот пистолет?

Не знаю. Он только сказал, что сам убьет Боба Салливана, если тот не понесет уголовной ответственности. А потом добавил, что пистолет у него уже есть, что он просто пойдет и застрелит его. Я ответила, что скорее умру, чем допущу, чтобы он навлек на свою голову такие проблемы. А он... он лишь прижал меня к себе и...

Дженни опять заплакала. Ох уж это смятение чувств! Плакать – это как раз то, что ей нужно. Ей было необходимо по каждому поводу испытывать те или иные эмоции. Вам объяснить, как это работает? Чувства находят воспоминание и ассоциируют себя с ним. В дальнейшем мы можем использовать их с тем, чтобы добраться до других утраченных фрагментов памяти, проследить за ними до той ячейки, где пряталось уже вернувшееся воспоминание, и посмотреть, не скрывается ли там что-нибудь еще. Это всего лишь теория. Но я в нее верил.

Но какая агония для моего несчастного солдата! Происходящее давило на него тяжким грузом, и от осознания этого у меня разрывалось сердце. Все эти факты Шон подсознательно связал с той ночью, когда он потерял руку. Террориста, прятавшегося за красной дверью, нужно было отдать под суд. Убить. Мне вдруг до боли захотелось, чтобы он пришел ко мне на сеанс.

К тому же были и другие заботы.

– Дженни, – строгим голосом произнес я, – ты сказала, что Шон прижал тебя к себе. И что было дальше?

Ничего такого. Просто мы с ним какое-то время так и простояли в обнимку. Я ему как сестра, но вместе с тем и как солдат, один из тех, кто был у него в подчинении. Новобранец. Шон говорит, что умрет, сражаясь и защищая меня.

– Понятно. По правде говоря, ты меня обрадовала. Я боялся, как бы ваша дружба не переросла в нечто большее, а это было бы нехорошо как для тебя, так и для него.

Но я его люблю. Шон – единственное, к чему я в последнее время стремлюсь.

– Ничего, это мы поправим. – Я наклонился и взял девушку за руки. – Мы доведем начатое дело до конца. О том вечере ты вспомнишь все. Мы отправим всех призраков спать, и твоя жизнь наладится. Слышишь?

Дженни посмотрела на меня не без некоторого удивления. До этого я еще ни разу к ней не прикасался, а в моем голосе она никогда не слышала такого волнения. Нет, я не утратил над собой контроля, а лишь дал ей немного того, что она получала от Шона.

– Ты меня слышишь?

Да.

– Ты веришь мне?

Не знаю. Я боюсь на это надеяться. И боюсь все вспомнить. Я кажусь себе ядом, и чтобы никого не отравить, мне остается лишь держаться от всех подальше.

– Нет, Дженни, ты не яд, – сказал я. – Ты лекарство.

Глава тридцатая

С Шоном я увижусь только по окончании этой истории, хотя на тот момент я этого еще не знал. Слишком много кукол нуждалось в своем кукловоде.

Детектив Парсонс вяло проверял информацию о Салливане. Боб упрямо настаивал на своем алиби, вводя в заблуждение и его, и Шарлотту. Мать Дженни поверила в его виновность. Жена Боба его покрывала, а адвокат защищал. Мы с Дженни возобновили нашу работу, а Шон без конца прокручивал в голове образ Боба, жестоко насилующего девушку и вонзавшего ей в кожу острую палочку. Я обошел вниманием Тома. И моего сына.

Сначала о главнейшем. Я проявил крайнюю нетерпимость к Тому и его навязчивым мыслям о синей толстовке. Нет, я не стал относиться к нему презрительно или питать неприязнь. Совсем наоборот. Том казался мне капризным, непослушным ребенком, не пожелавшим выполнять мои рекомендации.

Я не понимаю, почему судебные следователи в упор отказываются обратить внимание на эту фотографию!

Том держал в руке снимок моего сына из школьного альбома. Разглядеть лицо парня было нельзя.

– Это на школьном матче по лакроссу?

Да! Той самой весной, когда изнасиловали Дженни.

– А почему вы считаете, что судебные следователи смогут сообщить что-то новое? На снимке изображен подросток среднего роста и неприметного телосложения в бейсболке с эмблемой средней школы Фейрвью. Я уверен, что вы разглядывали эту фотографию чуть ли не под микроскопом. Дюйм за дюймом. Я прав?

Том уставился на фото.

Да. Разглядывал. Просто... Послушайте, я знаю девушку, стоящую за его спиной, и парня рядом с ней. Если эту фотографию показать всем, кто присутствовал на том матче, кто-нибудь наверняка вспомнит!

– Возможно. Я уверен, что проблема в том и заключается. Полиция вновь стала допрашивать всех, кто был на той вечеринке. Вполне возможно, они боятся, что кто-нибудь увидит в этом охоту на ведьм. Знаете, а ведь ребята не обязаны приходить в участок на допрос. В соответствии с законом. На данный момент они проявляют добрую волю и отвечают на

допросы. Но если окружающие неправильно истолкуют смысл происходящего, все может измениться.

В самом деле.

– Да и потом, мы уже обсуждали ваше чувство вины. Ваших родителей и то, как они повлияли на вашу самооценку. На восприятие вами собственного «я». Если угодно, на ваше подсознание. Если мы даже найдем того, кто изнасиловал вашу дочь, само по себе это ничего не изменит.

Боже милостивый! Неужели мы, имея на руках столь важную улику, будем обсуждать то, что происходит в моем подсознании? Дайте мне поймать этого насильника, а потом я вернусь, выскажу все, что думаю о родителях, открыто выступлю против жены, босса и всех, кого вы мне назовете. Как вам такой вариант?

Его слова с треском лопнули в моей голове. Вот черт!

– Ну хорошо, – сказал я, – возможно, вам действительно надо с этим разобраться. Пока, полагаю, нашу работу следует прекратить. Но перед этим примите во внимание следующее: на этом снимке виден только парень в синей толстовке, не более того. Он сделан под таким углом, что рисунок на одежде разглядеть нельзя. А единственная причина, по которой вас так беспокоит эта толстовка, заключается в том, что какой-то торговец наркотиками назвал ее, желая скостить себе срок. Теперь вы понимаете, что меня так тревожит?

По правде говоря, нет. Не понимаю.

Я сложил вместе руки, уперся локтями в колени, наклонился вперед и опустил голову на грудь, кожей чувствуя на себе взгляд Тома, ждавшего от меня слов, которых я, как могло показаться, никак не мог найти. Это в высшей степени эффективный прием. Когда я поднял голову, мое лицо выражало убежденность.

– Последние несколько месяцев мы с вами копнули очень глубоко и разбередили множество эмоций, которые уходят корнями в ваше детство. Сделав это, вы бросили вызов своему гневу на родителей. Да, Том, гнев налицо, какими бы хорошими ни были ваши отец с матерью и как бы хорошо ни заботились о вашей семье. То, как вы воспитываете собственных детей, идет вразрез с методами, которые применяли к вам и сестре ваши родители. Это подсказывает мне, что в душе вы осознаете: отец с матерью причинили вам боль. Нанесли эмоциональную травму. В результате вам кажется, что вы не достойны в этой жизни чего-либо хорошего, что каждый положительный момент вами украден. При этом подсознательно верите, что все зло, что вам выпадает, является возмездием за эти кражи. И за это вас, Том, опять же гложет чувство вины. Вины и

гнева.

Том потихоньку двигался вперед, и я мягко вел его по избранному мной пути.

Как же я нервничал из-за этой паскудной толстовки.

– И куда же подевался этот гнев? Куда подевалось чувство вины? – Я взял снимок из рук Тома. – А вот куда! – Я помахал фотографией. – Вы направили их на парня в толстовке. И теперь не в состоянии охватить ситуацию в целом, причем это касается как вас лично, так и расследования.

Вы уже устали от описания моих плачущих пациентов. Но уверяю вас, что это сушая правда. Каждый, кто приходит ко мне, плачет почти на каждом сеансе. Так что считайте сами.

Том заплакал. Если вас это раздражает, не обращайтесь внимания. Мы движемся к концу, причем движемся быстро.

Я взял его за руку, а потом чуть подтолкнул в нужном направлении.

– Том. Вы учитываете, что полиция располагает и другими сведениями? И что стражи порядка, не исключено, не хотят принимать вас во внимание из-за снедающей вас слепой ярости? Может быть, ситуация под контролем? Может, вам лучше отдать бразды правления детективам и не мешать им делать свое дело? Вам же самому от этого стало бы легче, разве нет?

Том посмотрел на меня с каким-то новым блеском в глазах.

Не хотят принимать меня во внимание? Но я участвовал в расследовании больше года. С того самого момента, когда это случилось!

Я пожал плечами:

– Не знаю, Том. Это всего лишь предположение, но мне хотелось бы, чтобы вы о нем знали. Я надеялся немного успокоить ваши мысли. Отложите на время ваши щит, меч и остальные доспехи.

Мне пора, Алан. Простите меня. Я знаю, что как пациент веду себя плохо. Мы вернемся к вопросам, которые вы подняли. Но не сейчас. Не сейчас.

Мы встали. Я протянул ему руку, а когда он ее пожал, положил сверху другую.

– Том, прошу вас, подумайте над моими словами. Сложите оружие. Не мешайте профессионалам делать свое дело.

Но Том уже ушел.

А теперь о моем сыне.

Откладывать допрос дальше было нельзя, это могло вызвать подозрения. Джейсона сопровождал адвокат Брандино. К ним присоединился и я. Жене сказал остаться дома, потому как она совершенно

не умела скрывать свои эмоции. Вопросы задавали двое молодых полицейских. Они устали от всего этого – от Тома Крамера, от ежедневных звонков в небольшие города, расспросов о старых преступлениях на сексуальной почве, от необходимости сидеть за столом, прижимая трубку плечом к уху, что заканчивалось судорогами и головной болью, от невозможности обновлять свои странички в «Твиттере», «Снэпчате» и «Фейсбуке». Они тоже жили в этом городе и поэтому отнюдь не стремились лишний раз действовать кому-то на нервы. Прожить день, когда на тебя то и дело бросают неодобрительные взгляды, совсем не весело.

Вопросы были заданы. Но ответов на них не последовало.

В котором часу ты приехал на вечеринку? А в котором уехал? Ты развлекался один или с кем-то еще? Из дома выходил? Один или с кем-то? Дженни Крамер видел? Она была одна или с ней был кто-то еще? И так далее и тому подобное... У тебя есть синяя толстовка с красным рисунком или буквами?

Джейсон держался хорошо. Его чувство вины вполне можно было принять за обычный подростковый страх. Он напоминал мне юношу, который впервые встретил отца своей девушки на выпускном вечере. Он хороший парень? Да. Ему хотелось заняться сексом с дочерью этого человека? Да. И он действительно бы в этом признался? Вероятно, нет. Обычная ложь. Я уже говорил вам, что думаю о честности и обмане в человеческих взаимоотношениях. Если бы этот юнец сказал отцу, что представлял его дочь нагой, рисовал свои ладони на ее груди, свой язык у нее во рту, свои пальцы, забирающиеся ей под платье, мастурбируя буквально за час до этого светского раута, нетрудно вообразить, сколько молодых людей выглядело бы крайне сконфуженными на выпускном балу. Да, я резок, но мне хочется высказать свою точку зрения.

Не думаю, – ответил Джейсон на вопрос о толстовке, слегка пожившись. – То есть сейчас у меня такой нет, а была ли раньше, я не помню.

То была блестящая партия. И он сыграл ее безукоризненно.

Во время вечеринки ты выходил на улицу?

Перед тем как ответить, Джейсон немного помолчал. Потом посмотрел на адвоката, который кивнул ему и похлопал по руке. После чего перевел взгляд на меня. Я тоже его подбодрил. Может, даже сказал: «Давай, сынок. Выкладывай».

Джейсон вздохнул. Не забывайте, что все сказанное им в тот момент не говорило в его пользу.

Лжец из него никакой. Но мальчик он хороший. Замечательный

мальчик. Мой мальчик.

Да, я действительно на несколько минут выходил. Искал того парня. Ну, который сидел в синей «Хонде».

Полицейские в этот момент проявили к его словам некоторый интерес. Проблема лишь в том, что направлен он был совсем не туда, куда надо. Никто из ребят больше не признался, что занимался чем-то предосудительным, потому как доказать ничего было нельзя. Круз Демарко тем вечером сбыл приличное количество дури, но один лишь Джон Винсент признал, что кое-что у него купил. Ответ Джейсона представлял собой что-то вроде небольшого самородка золота, найденного в буханке хлеба.

Понятно, – сказал один из копов. – Стало быть, ты хотел приобрести наркотики?

Джейсон застенчиво кивнул.

Ну и как, приобрел?

Нет. Увидев машину, я испугался, прошел мимо, потом повернул обратно и вернулся в дом с другой стороны, чтобы он меня не заметил.

В котором часу это было?

Не знаю. Наверное, после восьми. Или в половине девятого. Не помню.

Больше ты никого не видел?

Нет. Но ребята весь вечер шастали туда-сюда к тому парню. И постоянно о нем говорили. Думаю, потом он подошел к дому, к черному ходу.

Тут вмешался адвокат Брандино:

Мы закончили? Как видите, мой клиент отвечал откровенно и честно. Не в его интересах было говорить вам о намерении купить наркотики. Думаю, ему вполне можно поставить это в заслугу.

Ну да. В заслугу. Но это было сделано не ради каких-то «заслуг», что бы под ними ни подразумевалось, а чтобы объяснить нервозность и ерзанье Джейсона на стуле в тот момент, когда его спросили о толстовке. Понимаете?

Допрос продолжился. Но обошлось без последствий. Никому и в голову не пришло обратить против Джейсона его ложь о толстовке и ее неумелое исполнение.

Когда мы вернулись домой, жена сидела на кухне перед стаканом вина. Время только-только перевалило за обед, но ведь она представляла собой сплошной комок нервов.

– Радость моя, я могу дать тебе какое-нибудь лекарство. Чтобы не разболелась голова.

Совершенно меня проигнорировав, Джули бросилась к сыну и обняла его.

С тобой все в порядке? Бедный мой мальчик!

Джейсон дал ей немного себя потискать и высвободился из ее объятий.

Со мной все в порядке. Может, я пойду?

Мы его отпустили. Включился наш новый телевизор. Потом началась агрессивная компьютерная игра. Мне на это было наплевать.

Джули посмотрела на меня, вся – один сплошной знак вопроса. Я не заставил ее страдать.

– Все хорошо, – сказал я.

Она упала в мои объятия.

Обещаешь?

– Обещаю.

В это слово я вложил больше прямого смысла, чем когда-либо.

Если мы не в состоянии защитить своих детей, значит, с нами все кончено.

Глава тридцать первая

Вы можете представить себе, что почувствовал Боб Салливан, когда увидел, как на лице Шарлотты буйным цветом расцвел страх?

Они встретились в доме на окраине Крэнстона через пять дней после нашего с ней последнего сеанса. Она помнила руку Боба на своем плече, другую в волосах, время от времени пригибавшую вниз ее голову, пока его бедра хлопали по ее ягодицам. Глубокое проникновение и издаваемые им каждый раз стоны. Порой, когда он это делал, она представляла вместо себя Дженни. Мне ни о чем таком Шарлотта не говорила. Думаю, для нее это было слишком личное. Но я все равно знал.

Я не могла даже на него смотреть. Мне казалось, что я живу в каком-то параллельном мире, где все было точно то же, только воспринималось мной совсем иначе. Думаете, в этом нет никакого смысла? Мне кажется, что так бывает всегда, разве нет? Когда узнаешь, что у твоего супруга есть любовница и он ворует деньги. Боже, до меня только что дошло, что Том будет смотреть на меня, как в тот самый день, да? Когда узнает, чем я занимаюсь, когда ему придется смириться, что хорошей Шарлотты попросту не существует.

– Давайте сегодня не будем надолго задерживаться на хорошей Шарлотте. Лучше сосредоточимся на том, что произошло с Бобом, ведь это очень важно. Но в то же время очень неприятно и болезненно, хотя сейчас вы, возможно, этого еще не осознаете. Вы любили если и не Боба, то того мужчину, которым его считали. И верили, что он тоже вас любит, любит по-настоящему, несмотря на все тайны вашего прошлого.

Я даже не могу сказать, что на самом деле чувствую, Алан. Правда. Поэтому дайте мне возможность просто передать, что между нами произошло. А вы потом скажете, что по этому поводу думаете, хорошо?

Я кивнул:

– Разумеется.

К разговору о вечере дегустации вина я больше не возвращалась. Он стоял на том, что я в прошлый раз ошиблась, и мне захотелось понять, как я буду себя чувствовать рядом с ним. Смогу ли жить с этой ложью и неуверенностью или нет.

– Шарлотта, – сказал я, – вы же задумались о том, не Боб ли сотворил все это с Дженни. Я прав? Или вас волнует лишь, где он пропадал той ночью и не провел ли ее с другой женщиной?

Нет! Я никогда не думала, что это Боб. – Лгала она хорошо. – Но вместе с тем знала, что он прекрасно помнит где был той ночью. Вот в чем проблема. Почему он не сказал мне?

– Все в порядке. Продолжайте.

Он налил мне выпить, порой я соглашаюсь, если для этого, конечно, не очень рано. Налил и себе. Было приятно что-то держать в руках, ведь мы не испытывали ни малейшего желания друг к другу прикоснуться. Я спросила, разрешились ли его вопросы, он ответил, что нет, и добавил, что дело о той дегустации вина вышло из-под контроля. Сказал, что ему пришлось нанять адвоката и что они с ним отказались отвечать на дальнейшие вопросы. Мне кажется, ему не следовало этого делать, как вы считаете?

– Вы правы. Не стоило. Такое ощущение, что он что-то скрывает.

Ну да. Он тоже так сказал. А потом добавил, что теперь полиции не остается ничего другого, кроме как получить ордер, что повлечет за собой немедленную огласку дела. Его адвокат недвусмысленно дал понять, что они сразу же подадут в суд. Ущерб бизнесу, репутации, семье, удар по выборам... Боб с адвокатом уверены, что полицейское начальство на это не пойдет. Ведь на самом деле у них на него ничего нет, правда? Старое дело еще со времен учебы в колледже. И разногласия по поводу дегустации вина в клубе, имевшей место больше года назад. Так что никакого ордера они не получают, не так ли?

– Не знаю, Шарлотта. Но у меня такое ощущение, что он все же беспокоится. Или вам показалось, что Боб уверен в себе?

Нет, он совсем не выглядел уверенным. Все говорил что-то вроде «Как такое могло случиться? Почему все против меня? Как им могло в голову прийти, что я изнасиловал юную девушку? У меня больше двадцати миллионов долларов! Я скоро буду избран в законодательный орган штата! Я даже встречался с нашим долбаным президентом!» Потом добавил, что его голова вот-вот взорвется, в общем, что-то очень театральное. Для его самолюбия вся эта ситуация стала одним сплошным оскорблением.

– Да, надо признать, что все это не очень приятно. Неужели он не может принять их позицию? Неужели не понимает, что они просто вынуждены довести расследование до конца?

Я уже говорила вам, что вся эта история заставила меня взглянуть на него по-другому. Мне не хотелось просто выбросить все из головы, заняться сексом и потом поехать домой... В тот раз я просто не смогла. И высказала все, что думала. Буквально повторила слова, которые вы только что произнесли. Что им нужно все досконально проверить.

Сказала, что он должен сказать, где провел тот вечер, и тогда от него отстанут. И добавила, что не понимаю, почему он сопротивляется.

– И как он это воспринял?

Плохо. Буквально взбесился. Швырнул стакан, лицо его побагровело, глаза обезумели и расширились. Он подошел ко мне вплотную, взял за руки и впери в меня изучающий взгляд. А потом напрямик спросил, не думаю ли я, что это он изнасиловал мою дочь.

Шарлотта судорожно вздохнула и поднесла ко рту руку. Затем, не сводя глаз с этикетки на цветке, медленно покачала головой.

Я ответила, что нет. Сказала, что уверена – он никогда ничего подобного не сделал бы. Но почему тогда он так упорно отказывается сказать, где был? Да и потом, есть же еще Дженни и его голос у нее в голове. Не знаю. Думаю, он мне не поверил.

В этот момент Шарлотта полностью погрузилась в воспоминания о той встрече. Я несколько мгновений ее не тревожил – достаточно долго, чтобы к ним примешалась дополнительная доля сомнений. Вы понимаете, зачем я это сделал, не так ли? Эти воспоминания вернутся в свои ячейки слегка измененными, окрашенными подозрениями в отношении Боба.

– И чем же закончился ваш разговор, Шарлотта? На чем вы расстались?

О-хо-хо. Нехорошо закончился. Он сказал «да пошла ты» и ушел.

– «Да пошла ты»? Он так сказал?

Ага. После трех лет вместе, после торжественных заверений в любви и нежных моментов во время занятий сексом. После того, как он столько раз влюбленно смотрел мне в глаза. Как такое могло случиться? Как мы можем так поступать, чувства ведь постоянны и остаются даже тогда, когда отношениям приходит конец, правда? Теперь я больше ни во что не буду верить, ни в чувства, ни в признания, ни в саму любовь. Ерунда все это. Одни только гормоны, похоть и потребность заполнять пустоту в душах людей. Мы всего лишь используем друг друга, понимаете? И суть никогда не соответствует внешней форме.

– Да, Шарлотта, здесь есть о чем поговорить. Вы правы, люди действительно поступают так друг с другом. Но порой их отношения перерастают в нечто большее. Иногда шаткая любовь, основанная на похоти и стремлении заполнить душевную пустоту, превращается во что-то другое. И тогда мимолетные связи, которые застают нас врасплох, будто налетевший из-за угла порыв холодного ветра, укрепляются и становятся якорем для более постоянного чувства. Именно так большинство людей описывают стабильные отношения. Это как сама связь, так и потребность

ее поддерживать. Потом мы холим и лелеем эти отношения, проявляя заботу и доброту, то есть совершаем акты любви. Так мы относимся ко всему, в чем нуждаемся. Но для одного дня это уже многовато, вы так не считаете? Скажите, а как вы чувствуете себя сейчас, после того как Боб ушел и сказал вам «да пошла ты»?

Я сбита с толку. У меня такое ощущение, что я заблудилась в этой жизни.

– Но это же просто здорово, Шарлотта.

Здорово? Скорее печально.

– Позвольте задать вам один вопрос: если бы Боб сейчас позвонил вам и извинился, вы бы сошлись с ним вновь? Занялись бы с ним любовью?

Я бы хотела. Но не смогла бы. Как после этого я могла бы заниматься с ним сексом? Теперь, после всей этой лжи и жестокости, когда я увидела, какой он человек, как он то становится сентиментальным, то впадает в агрессию. Но то, что мне хотелось бы, это точно. Мне очень тяжело и горько осознавать, что все это позади. Благодаря нашим отношениям я могла хоть как-то жить.

– Я знаю. Вам действительно очень трудно бросить Боба. Вы не могли бы сделать для меня одну вещь? Не ищите ему замену. Просто поживите немного с этим чувством дискомфорта в душе. Погрузитесь в свою боль и посмотрите, как долго вы сможете ее терпеть. Я полагаю, она пройдет. Это примерно то же самое, что удариться большим пальцем ноги о ножку дивана.

Шарлотта согласилась. Бросив курить, от одной сигареты она только что отказалась, по крайней мере, на данный момент. Как же я ею гордился! Да, я с упорством маньяка преследовал цель спасти своего сына. Но в то же время хотел закончить работу с Дженни. Тома и Шарлотту я в расчет не принимал. Для них в моей душе просто не было места. Но это отнюдь не означало, что мне теперь было на них наплевать. Я приложил слишком много усилий. Как сказала бы Дженни, они для меня представляли математическую задачу, которую я мог решить, причем без труда. И как мне было этого не желать? Я же врач, и мое призвание – лечить и исцелять.

Тогда я не принимал во внимание возможный суммарный эффект взаимодействия различных элементов моего плана, но теперь вижу его отчетливо. Чтобы Шарлотта рассталась с Бобом, могли потребоваться годы. Годы! И к тому моменту, когда она на это решилась бы, могло быть слишком поздно. Я был глубоко удовлетворен успехами Шарлотты и доволен собой, пусть даже это звучит несколько эгоистично. С миссис Крамер все будет в порядке, я это отчетливо понимал. Самым трудным для

нее стало расставание.

С Бобом все будет намного хуже.

Глава тридцать вторая

Такие женщины, как Фрэн Салливан, мне по душе. Странное выражение, но, тем не менее, каждый из нас его понимает, правда? Она не была ни хорошим, ни добрым человеком. Но при этом знала себе цену.

Фрэн и Боб познакомились еще в школе. Она была из тех, кто во всем себе потакает, поэтому избегала физических упражнений, не соблюдала диет и даже не пыталась сдерживать себя в своих желаниях. Носила то, что ей нравится. Летом – платья без рукавов, подчеркивающие пышную плоть на плечах и под мышками. Ее полные руки раскачивались, будто бивни слона, когда она шла по улице в окружении своих мужчин – троих сыновей и богатого мужа. Зимой напяливала на себя меха, шубы из убитых детенышей пушных зверей, которые у большинства людей сегодня не вызывают ничего, кроме отвращения. Волосы у нее всегда были пышные, макияж яркий, а запах духов бил в нос за целый квартал. Полагаю, когда они встретились, она была ненамного привлекательнее, чем потом, но при этом хорошо понимаю, почему Боб на ней женился. Она была бесценным членом команды.

Мне никогда не доводилось встречаться с Фрэн Салливан лично. Наши дорожки официально никак не пересекались. Но в маленьком городке такие, как она, всегда важные персоны, и не заметить их попросту нельзя.

Многие утверждают, что Боба, каким он стал теперь, «сделала» именно она. Думаю, так оно и есть. Мне кажется, она разглядела в нем непомерное эго с неумными аппетитами и поняла, что сможет обратить эти качества себе во благо. И Боб, и Фрэн выросли в Крэнстоне. Нижняя прослойка среднего класса. Уставшая от борьбы и роскоши, расположенной всего в паре миль на той же улице, но им недоступной. Поступать в колледж Фрэн не стала. Вместо этого устроилась на работу секретаршей и помогала Бобу оплачивать учебу в Скидморе. Потом он получил работу в одном из автосалонов. Каждый вечер после работы он рассказывал ей истории об украденных комиссионных, о лизоблюдах, интригах – все эти торговцы автомобилями были гладиаторами в Колизее. Они пользуются весьма дурной славой, правда? Фрэн обладала блестящим умом и хитростью, но понятия не имела, что такое совесть. И в каждом сражении Боб оставался на поле боя один среди поверженных врагов.

Конечно же, с моей стороны это лишь предположения, хотя и не очень далекие от истины. Но Фрэн также знала, что с огромным, жадным эго

неизменно приходит и потребность в других женщинах. Моложе, красивее и успешнее ее. Вспомните хотя бы спортивных знаменитостей, путающихся с низкопробными стриптизершами. Почему мужчина готов поставить на кон все только ради того, чтобы еще одна женщина сказала, что обожает его большое и упругое мужское достоинство? Фрэн прекрасно разбиралась и в мужчинах, и в их эго.

Поэтому когда женщина решила, что Бобу пришла пора принять участие в выборах – первых в длинной череде, которая, как ей мечталось, в один прекрасный день приведет их прямо в Вашингтон, она наняла частного детектива, чтобы следить за забавами мужа.

Вот как она объяснила это Шарлотте:

Она сказала, что игра стоила свеч. Иметь в распоряжении все эти записи и фотографии. Она знала, что может заплатить частному сыщику больше любой газетенки. К тому же его лояльность была уже оплачена многолетними щедрыми вознаграждениями. Фрэн сохранила все. Каждую магнитофонную запись, каждый снимок мужа с другой женщиной. Говорила, что они для нее представляют что-то вроде страхового полиса, позволяющего защититься сразу от двух бед. Во-первых, от любых необоснованных обвинений в насильственных действиях сексуального характера. Насколько я понимаю, ей не хотелось повторения того, что случилось на тех весенних каникулах. Представляете? Она пахла как проклятая, а он укатил на весенние каникулы во Флориду. От второй беды пришлось бы защищаться, если бы муж решил ее бросить.

За эти годы Боб состоял в любовной связи с десятками женщин. После каждой из них остались магнитофонные записи и фотографии. Некоторые были девицами на одну ночь. Другие стриптизершами. Третьи, как Шарлотта, переходили в разряд постоянных любовниц. Частный детектив натякал записывающих устройств повсюду, где имел обыкновение бывать Боб. В автосалонах. В спальнях его любовниц. В домах крэнстонских друзей. В принадлежащем Крамерам домике у бассейна. Еще один «жучок» был установлен в портфеле Боба. Большинство из них приводилось в действие голосом. Нередко запись можно было сделать только в радиусе действия прибора, поэтому нанятому Фрэн детективу приходилось следить за Бобом каждый вечер, когда он работал допоздна или устраивал в своем очередном салоне ужин. Аудиозаписи и фотографии он отдавал Фрэн, которая держала их в надежном банковском сейфе. Запасной ключ от него хранился у ее сестры в Хартфорде.

Через два дня после того, как Боб сказал Шарлотте «да пошла ты» и ушел, Фрэн поехала за ней в супермаркет и подождала в машине, пока

она не вышла из магазина.

Я как раз складывала сумки в багажник, когда услышала, как меня позвали по имени. Я повернулась, и мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Лицо Фрэн расплылось в широкой улыбке. Настолько широкой и слащавой, что мне стало страшно. Я поздоровалась, спросила, как ее дела, сказала, что приятно удивлена, и все такое прочее. Мы с ней знакомы не один год. Вполне очевидно, что я нередко пересекаюсь с ней на корпоративных вечеринках и общественных мероприятиях. Мы даже как-то играли в гольф на устроенном компанией Боба пикнике. Она помогла мне уложить сумки, а потом без обиняков обошла машину, открыла дверцу и села на пассажирское сиденье.

– Должно быть, вы очень испугались.

Вы даже представить себе не можете. Она не сказала ни слова. Просто села и уставилась на меня. Потом достала небольшой магнитофон, вставила кассету и включила. Зазвучал голос Боба...

Когда Шарлотта вспомнила этот момент, из глаз ее брызнули слезы.

«Подожди, остановись...» [взволнованный женский голос]

«Что такое?» [встревоженный мужской голос]

«Дверь в ванную... Она закрыта, но под ней... Мне кажется, я вижу полоску света». [женский шепот]

[тихое шуршание, затем все стихает]

[громкий женский крик]

«Боже праведный! Боже праведный!» [испуганный мужской голос]

[женские крики]

«Ей надо помочь! Моя девочка! Моя маленькая девочка!»

«Она жива? Черт! Вот черт! Возьми полотенце и перевяжи ей запястья! Да потуже!»

«Моя девочка!»

«Перевязывай! Тяни! Туже! Боже праведный! Здесь столько крови... Пульс прощупывается! Дженни! Дженни, ты меня слышишь?! Дай мне вон те полотенца! Боже мой! Боже праведный! Боже праведный!»

«Дженни!» [отчаянный женский голос]

«Набирай 911! Дженни! Дженни, очнись!» [мужской голос]

«Где мой телефон?!» [женский голос, шаги]

«На полу! Быстрее!» [мужской голос]

[шаги, женский голос звонит в Службу спасения и называет

адрес, в нем пробивается истерика]
«Уходи! Немедленно! Иди!» [женский голос]
«Но я не могу! Боже праведный!»

Я не сводила глаз с магнитофона, слушая запись, сделанную в тот страшный день. Моя девочка! Вся эта кровь!

– Боже мой, она вас записывала!

Удивить меня нелегко, но в тот раз это ей удалось.

В течение долгих лет. У нее десятки записей. Она так мне и сказала. Потом вставила в магнитофон другую кассету и тоже включила.

«Где твои родители?» [игривый мужской голос]
«Ушли». [шаловливый женский голос]
«М-м-м-м». [громкий мужской стон]
[звук шагов, поцелуи]
«Пока мамочки с папочкой нет, я тебя жестко оттрахаю». [агрессивный мужской голос]
«Нет-нет. Я хорошая девочка. Я не могу». [женский голос]
«Ты что, не слышишь меня? Я сейчас тебя оттрахаю. Нагну и стащу твои маленькие розовые трусики». [мужской голос]
[женский вздох]
«Нет, не надо... пожалуйста...» [женский голос]

Это было отвратительно. Этот человек – грязная свинья.

– С кем это он?

С девочкой из его автосалона. Ее зовут Лайла. Ей двадцать лет! А на тот момент было девятнадцать. Он сто лет знает ее семью. А с отцом часто играет в гольф!

– А почему Фрэн Салливан решила дать вам послушать именно эту запись?

Потому что она была сделана в тот вечер, когда в клубе дегустировали вино.

Я тоже подозревал, что Боб той ночью был с другой женщиной, но не предполагал, что этому найдутся неоспоримые доказательства. Рассчитывал, что ни Боб, ни его подружка не признаются в любовной связи. К тому же я надеялся, что у меня будет больше времени.

Вот где он был той ночью. Он не насиловал мою дочь. Потому что в тот вечер насиловал другую.

– Но ведь вы сказали, что на кассете была ролевая игра.

Она ребенок. Практически подросток. А ему пятьдесят три. Можете называть это как угодно.

– Понятно. Мне жаль, Шарлотта. Да, он оказался страшным человеком. Но я все равно не понимаю, зачем она заставила вас прослушать эту запись.

Шантаж. Банальный, пошлый шантаж. Фрэн сказала, что собирается отнести эту кассету в полицию, детективу Парсонсу. Адвокат настаивает на подписании документа о неразглашении сведений. Запись снимет с Боба все подозрения, поэтому она хочет все сделать быстро и без проблем, потому что все еще надеется избежать огласки. Фрэн сказала примерно следующее: «Думаю, вы так или иначе узнаете обо всем от детектива Парсонса. И почувствуете себя оскорбленной. Я так понимаю, Боб вам изрядно лапши на уши навешал, да? Любовь и все такое? Вполне возможно, вам захочется отомстить. Подставить его, унижить, разрушить карьеру». А под конец добавила: «Занимайтесь своим делом, а все остальное бросьте. Взамен я займусь своими и никому не расскажу о ваших играх с моим мужем».

– Понятно. Стало быть, Том ничего не узнает.

Да. Она сказала кое-что еще. «Теперь мы с вами в одной лодке, не правда ли? Если вы и дальше будете упорствовать в своих нелепых обвинениях касательно своей дочери, эта история выплывет наружу. Целиком».

– И что вы собираетесь делать?

Шарлотта посмотрела на меня. На ее лице ее на мгновение отразилась восхитительная смесь горечи поражения и слепой храбрости – так бывает, когда человеку больше нечего терять.

Я сама скажу Тому. Сегодня же вечером. Не хочу, чтобы Фрэн Салливан диктовала, что мне делать. Пусть идет к черту. Вы были правы. Мне нужно смириться с этой болью и пережить ее. С последней встречи с Бобом, когда он сказал «да пошла ты» и ушел, я только это и делаю.

– Я очень горжусь вами, Шарлотта. Для этого требуется немалая смелость.

Сейчас я могу сказать вам две вещи. Во-первых, Шарлотта лгала, когда говорила, что работает над чувствами, вызванными расставанием с Бобом. А во-вторых, у нее не будет возможности вечером рассказать обо всем мужу. Потому что Тома не будет дома.

Парсонс позвонил мне вскоре после ухода Шарлотты. Фрэн Салливан, по всей видимости, их не дурачила.

Все подозрения с Салливана сняты. Я считаю, вы должны об этом знать. Что бы ни навело вас на его след, это было ошибкой.

– В самом деле? Что же случилось?

Я не могу посвятить вас в подробности. Скажу лишь, что у него есть алиби. Не самое красивое, но вполне надежное.

Парсонс встретился с Фрэн Салливан и адвокатом. Она не заставила его слушать кассету, а лишь рассказала, что на ней, и предложила поговорить с той девушкой. Парсонс, конечно же, опрометью бросился к ее родителям. О той истории они узнали только после того, как заставили дочь объяснить присутствие полиции на пороге их дома. Давний друг семьи, партнер отца по гольфу уже больше года спал с их дочерью. Глава семейства пришел в такую ярость, что Парсонсу потребовался целый час, чтобы его успокоить. Обо всем этом я узнал позже.

– Понятно. Вы, должно быть, испытали облегчение, – сказал я Парсонсу.

Надо думать. Но давайте просто скажем, что он так устроен, этот вонючий мир.

– Ну хорошо... И что же теперь у вас осталось?

Ну... то же, что и раньше. Том Крамер, который так и норовит прищемить мне хвост, и полное отсутствие как подозреваемых, так и ответов. Одна лишь синяя толстовка да фотография из школьного альбома. Есть, правда, кое-что еще...

– Что вы имеете в виду? – Должен признать, что в тот момент я его почти не слушал. Время, отведенное на хитрость с Бобом Салливаном, вышло, но ни шума в СМИ, ни судебных процессов, ни других прелестей, способных заставить всех закрыть лавочку и разойтись, не последовало. А плана Б у меня не было.

Вам известно, что мои ребята обзванивают небольшие городки по всей стране. Один такой звонок, в Орегон, принес результат. Тамошний ветеран вспомнил случай с парнем, которому нанесли точно такой же шрам. Прямая, глубокая линия непосредственно над тазом. Это было давно, но офицер сказал, что попробует отыскать это дело в архиве. Он точно не помнит, шла ли там речь об изнасиловании, но что-то в этом роде было.

– Понятно. Чтобы оставить эту метку, преступнику, вероятно, потребовалось какое-то время. Я веду к тому, что это было заранее спланированное изнасилование, а не нападение с непредвиденным итогом в виде изнасилования. Причем на другом конце страны. Согласны?

Алан, я не премину проверить все факты, имеющиеся в этом деле.

Ну что ж, посмотрим.

Глава тридцать третья

Вот что произошло в ночь катастрофы, когда две машины столкнулись. Когда вагонетка «американских горок» со скрежетом рухнула вниз. Когда сахарная вата была почти готова и осталось всего лишь несколько волокон, которые наматываются на палочку после того, как я вам все расскажу.

Вот что случилось в ту ночь, когда умер Боб Салливан.

Шарлотта мне солгала. Я знаю почему, но это не важно. После расставания с Бобом она не могла пойти домой и смириться со своей болью. Ей никак не давали покоя слова. «Да пошла ты». В голове крепко засело подозрение, что именно он изнасиловал ее дочь. Без меня здесь не обошлось, но давайте не забывать и о последствиях шока, наступающего в тот момент, когда вы узнаете правду о своем любовнике. Когда «я люблю тебя» превращается в «да пошла ты», мозг, чтобы утолить боль, делает из бывшего возлюбленного самого гнусного злодея. Пилюля оказалась слишком горькой, и Шарлотта в тот вечер обнаружила, что никак не может ее проглотить.

Она не может утверждать, что не виновна. Как и я сам в случае с коробком спичек, Шарлотта прекрасно знала, что Том в поисках насильника Дженни потерял голову. Что он не спал и почти не ел. Что перестал делать приятные вещи и позабыл, что такое радость. Даже в общении с Лукасом и Дженни. Притворство и хитрость. Его нерешительные аплодисменты во время матча по лакроссу. Улыбки, которыми он приветствовал детей по утрам. Том пребывал в состоянии острого душевного расстройства.

Разработанный мной план его лечения в том и заключался, что если он преодолеет этот внутренний разлад, то родится к жизни новым человеком. Мужчиной, который мирится с существованием демонов, таящихся в его душе. Вот к чему сводится этот процесс. Вот она, та дорога, которая ведет к психологическому комфорту. Теперь, когда Шарлотта порвала с Бобом, по этой стезе предстояло пройти и ей. Но Шарлотте не давала покоя месть, и она решила ее осуществить.

После сеанса она вышла из моего кабинета и направилась домой. На тот момент Фрэн Салливан еще не садилась к ней в машину и не давала прослушать записи, поэтому Шарлотта не знала о том, что Боб невиновен. Она злилась на него и, что намного важнее, подозревала, что именно он изнасиловал Дженни. Она дождалась, когда дети легли спать, и все ему

рассказала.

Я ушам своим не поверил. Боба Салливана, моего босса, с которым мы больше трех лет дружим семьями, подозревали в изнасиловании моей дочери! Вы, Алан, вложили мне в голову мысль о новом подозреваемом. Он вполне мог оказаться той причиной, по которой полиция не проявляла интереса к фотографии из школьного альбома. Я попытался выяснить что-нибудь у Парсонса, однако он ничего мне не ответил. Зато рассказала Шарлотта. О девушке, написавшей на Боба заявление много лет назад. Об отсутствии у него алиби, о том, что он лгал полиции. Но поверил я этому, только когда узнал, что Дженни вспомнила голос Боба. Я мог убить его в тот же вечер. Сел на кровать и представил себе, как расправлюсь с ним. Как возьму в гараже бейсбольную биту и проломлю ему череп.

Когда Дженни уснула, я вошел к ней в комнату. Взял ее телефон и прочитал переписку с тем солдатом, с которым она подружилась. Членом вашей группы, прошедшим в Ираке этот злосчастный курс лечения. И в этот момент увидел. Слова. «Думаю, это был он. Я слышу в голове его голос». Подобных текстовых сообщений за последние две недели накопилось несколько десятков. Мне никто ничего не сказал. Теперь я понимаю почему. Знали все, кроме меня, правда? Вы, Дженни, Парсонс, Шарлотта. Все до единого, но только не я.

Весь следующий день в душе Тома kloкотала ярость. Больше он терпеть не мог.

Мне было известно, что в тот вечер у него была назначена встреча с клиентом в салоне по продаже «Ягуаров». Я поужинал с семьей. Съел стейк, картошку, зеленую фасоль. Проглотил все, но так и не насытился. Впервые после того, как мою дочь изнасиловали, во мне проснулся аппетит. Я сказал домочадцам, что должен поехать в салон и оформить кое-какие документы. Запечатлел на губах жены долгий поцелуй. Достаточно долгий, чтобы она удивилась. Затем поцеловал в макушки детей и с силой прижал их к себе. Потому как знал, что в последний раз вижу их вот так в нашем доме. Спустился вниз по лестнице, с совершенно ясной, как всегда, головой. Взял биту. Положил ее в машину. И поехал.

Тем вечером в путь отправился не только Том.

С Шоном Логаном я не виделся с тех пор, как он рассказал мне, что чувствует к Бобу Салливану. Как поверил, что Боб изнасиловал Дженни и как стал смотреть на него точно так же, как на своих врагов в Ираке. Боб был террористом, а Дженни Валансией, новобранцем, которого ему полагалось защищать. Его так удручало отсутствие прогресса в нашей работе. Мы застряли у той красной двери, а Шону обязательно нужно было

знать, не он ли стал причиной смерти товарища, человека, вверенного его заботам. И ярость, вызванная этой пыткой, теперь была направлена на Боба Салливана.

Теперь я понимаю, что взял свой гнев и перенес его на другого человека, на иную ситуацию, которую было в моих силах воспроизвести. Я не сумел уберечь Валансию. Но защитить Дженни было в моих силах. Я почувствовал себя лучше. Помните, как на меня накатил волна любви к сыну благодаря моей внутренней силе, позволившей помочь Дженни? Вы дали мне это понять. Но из-за Салливана моя сила превратилась в пылающий костер. Эта мысль зрела в моей душе не один день. Внутри меня произошел взрыв. Я не ходил на занятия группы, потому что знал – вы прочтете все по моим глазам и попытаетесь меня остановить. Единственное, чего мне хотелось, это прекратить агонию, мою и Дженни. Так или иначе, но этому нужно было положить конец. Я зарядил пистолет. Написал жене записку и положил ее на самое дно шкафа в надежде, что она рано или поздно ее найдет. Лишь бы не в тот вечер. Весь день я следил и наблюдал за Бобом, пока не стемнело. Провел в ожидании много часов, не спуская глаз с автосалона.

Том остановил машину в нескольких кварталах от магазина.

Сердце бешено колотилось. Я думал, оно если и не лопнет, то, по крайней мере, выпрыгнет из грудной клетки. Дыхание было учащенным, воздух проникал в легкие, но я его совершенно не чувствовал. Я задыхался. Меня одолевали мысли. Давай, не тяни! Крики, плач. Образы моей девочки в том лесу. Картина Боба, трахающего на капоте юную девчушку. Все смешалось в одну кучу. Но я не двигался с места. В голове зазвучали голоса говоривших обо мне родителей. И сразу за ними, в унисон, слова жены. «Он этого не сделает. У него не хватит храбрости... Не каждому дано быть солдатом... Каждый из нас должен смириться с пределами своих возможностей...»

Шон увидел, как клиент уехал. Когда его автомобиль скрылся из виду, а габаритные огни угасли в ночи, он вышел из машины, снял пистолет с предохранителя и уверенно двинулся к автосалону.

Первое видение вспыхнуло в голове, когда ноги коснулись земли. Оно было четким, как белый день. Улица. Старик с трубкой. Трое ребят с мячом, неподвижно уставившихся на меня. Все вокруг замерло. Никто не двигался и никуда не бежал. Я видел их. И не только потому, что вы мне об этом читали. Я увидел и много другого, что было в тот день. На той улице с красной дверью. Я остановился и попытался стряхнуть с себя оцепенение. Посмотрел на залитый светом автосалон. Сначала я

планировал устроить на него засаду. Но потом увидел, как можно попасть внутрь. Служебный вход был открыт. Вполне возможно, дверь забыл за собой закрыть какой-нибудь механик. Я сосредоточился на стоявшей передо мной задаче.

Шон вспомнил. Волнение, пистолет в руке, концентрация внимания на выполняемой миссии, намерение убить человека – мы не могли воссоздать подобные факторы во время наших сеансов. Но в тот момент, вспыхнув у него в голове, воспоминания вернули его к тому дню, к той боевой задаче.

Пока Шон двигался вперед, Том попытался тронуться с места. Включил скорость и выехал обратно на проезжую часть. Проехал еще квартал и опять остановился.

Ярость, которую я в тот момент ощутил в душе, не поддается никакому описанию. Слышать голоса родителей, отзывающихся обо мне пренебрежительно и называющих трусом, потому что я превратился в неподвижную статую. Я собирался убить человека! Думаю, что и трепет, и нерешительность в данном случае вполне оправданы. Я брошу детей на произвол судьбы. Лишу их средств к существованию. У них больше не будет отца. И ради чего? Дженни ведь все равно как была жертвой, так ею и останется. Если я убью негодяя, который над ней надругался, это все равно ничего не изменит. Воспоминания к ней не вернуться, а без них она не сможет полностью прийти в себя. Убийство Салливана не восстановит ее память. Потом я подумал о справедливом наказании, к которому стремился с такой одержимостью. Истории других жертв и то, как свершившееся правосудие помогло им полностью выздороветь. Если я остановлюсь, насильник так и не понесет наказания. Мы отняли у Дженни такую возможность. Я уставился на приборную доску и немного успокоился.

Пока Шон медленно, шаг за шагом, приближался к открытой двери, к нему сполохами молний продолжали возвращаться воспоминания.

Ощущение было такое, будто я схожу с ума. Мне никак не удавалось сосредоточиться на стоявшей передо мной задаче. Я вновь остановился и постарался стряхнуть с себя эти воспоминания, как надоедливых комаров. На этот раз у меня все получится. Я поднял ногу, подался вперед, но тут же поставил ее обратно. Прямо передо мной вдруг вырос Валансия. Я сделал шаг и оглянулся назад, но его там не было, он шел впереди! В окне мелькнула тень Салливана. Я поднял вторую ногу и потащился вперед. «Вот дерьмо, да, приятель?» Это были мои слова. «Хреновы наши дела. Хреновы!» Мои слова! Валансия упорно шагал впереди меня. По его запыленному лицу струились слезы, прокладывая на коже извилистые

дорожки. Страх! Ему всегда было так страшно. Вот черт! Что он делает?! «Я не боюсь!» Думаю, он произнес именно эти слова! Я вспомнил их, когда шел убивать Боба Салливана! Вспомнил!

Когда Том остановился на обочине дороги, мимо него на бешеной скорости пронеслась машина. Потом он о ней вспомнит, хотя в тот момент не обратил на автомобиль никакого внимания.

Что такое быть мужчиной? Что означает быть сильным? Вот какие вопросы проносились в моей голове. Стал бы я сильнее, если бы справился с гневом и следовал правилам? Или же мне нужно было сделать все, чтобы дочь почувствовала себя лучше? Вы не поверите, но на сорок пятом году жизни я по-прежнему этого не знал. И понятия не имел о том, что такое быть мужчиной.

Шон упал на колени. Не специально, просто теперь им управляли эмоции.

Маленький глупый дурачок. Я почувствовал, как коленные чашечки коснулись тротуарных плит. Я положил пистолет рядом и схватился за голову. Закрыв глаза. Мне хотелось, чтобы память вернулась. Вся, без остатка, раз и навсегда. Он отвернулся и опрометью ринулся к красной двери. Я схватил его за руку, но он вырвался. Люди замерли в неподвижности. Они знали, что сейчас произойдет. И что за этой красной дверью, тоже знали. Я побежал за ним. «Не делай этого, салага! Остановись!» Я почти добежал. Я был уже у двери. Но тут замер как вкопанный.

Тишину ночи пререзал крик Шона. Я подумал, услышал ли его Боб Салливан и не насторожил ли он его. Это единственный вопрос, на который мы уже никогда не получим ответа.

Я открыл глаза. Поднял пистолет, бросился обратно к машине и поехал домой к семье. Я не мог этого сделать. Точно так же, как не мог послать Валансию на верную смерть. Понимаете, док? Я не делал этого. Он не шел за мной во время выполнения той самоубийственной миссии. Это я шел за ним. Я!

Том поехал дальше. Он свое решение принял. И больше не останавливался. Полагаю, они с Шоном разминулись самую малость.

Я подумал, что, по меньшей мере, поеду туда, встану с ним лицом к лицу и заставлю во всем признаться. Это был компромисс. Я так и сказал себе. Подъехал к автосалону. В окнах служебного помещения горел свет. Биту я оставил в машине. Не верил себе. Может, я идиот. Может, не способен на убийство. А может, у меня не было никакого желания докапываться до истины. Я открыл дверь и вошел внутрь. По дороге в

салон я все прокручивал в голове слова, которые собирался сказать. А потом услышал тот звук. Мужской плач.

Я обогнул угол, точно так же, как в ту ночь, когда Боб был с Лайлой. Но то, что я увидел... О боже.

Машина, промчавшаяся мимо Тома, принадлежала отцу той девушки, с которой Боб Салливан был в тот вечер, когда изнасиловали Дженни Крамер. Лайлы, секретарши из автосалона. Ее родитель играл с Бобом в гольф. Он и был тот человек, которого Том увидел на полу магазина рядом с окровавленным телом Боба Салливана.

В руке он сжимал лом. Боб лежал на капоте серебристого «ХК», из его черепа текла кровь. «Моя девочка!» – всхлипывал мужчина. Я подбежал к Бобу, стащил его на землю и пощупал пульс. Он хоть и слабо, но прощупывался. Но через рану на его голове сочилось мозговое вещество. На свете нет слов, чтобы описать, в состоянии какого потрясения я находился. Все казалось каким-то нереальным. Я сумел вытащить телефон и набрать 911. Сказал, где мы, сообщил, что человека ударили по голове и он умер.

– Том, – спросил я, – а почему вы не сказали им, что у него прощупывался пульс?

Я отнюдь не горжусь этим поступком. А может, и горжусь. Не знаю. Я даже пальцем не пошевелил, чтобы спасти Боба Салливана. Положил на пол и спокойно смотрел, как он истекает кровью. Сел рядом с отцом Лайлы. Он снова и снова повторял, что Боб изнасиловал его девочку. В тот момент я понятия не имел, кто он такой. Об алиби Салливана мне известно не было. Но эти слова превращали этого человека в мое второе «я», в того Тома, который хотел убить Боба, тем самым свершить правосудие. Я обнял отца Лайлы, плакавшего от отчаяния, и стал его качать. В объяснение могу лишь сказать, что он плакал моими слезами. И что я чувствовал его правоту.

Вот так. Катастрофа произошла. Это было нечто, правда? Но на том история еще не закончилась.

Глава тридцать четвертая

Я отнюдь не сожалею о той роли, которую сыграл в смерти Боба Салливана. Он сам ее звал, понимаете? Боб отличался пристрастием к чужим женам и дочерям. На кассетах их было немало. В конечном итоге в ходе судебного процесса над убийцей, обезумевшим отцом, проломившим ломом несчастному Бобу череп, о существовании этих записей и фотографий стало известно всем. В том числе и тех, на которых фигурировала Шарлотта.

Но их содержимое, в соответствии с заключенным соглашением, огласке не предавалось. В крушении всего Фейрвью не был заинтересован никто. А это случилось бы неминуемо, потому как городок у нас маленький. Я уже говорил об этом раньше, но должен повторить еще раз. Никто не желал усомниться в своем браке, в друзьях, в учителях своих детей, в дочери или матери. Усомниться и встать перед выбором. В Фейрвью не было места гневу, который породила бы огласка подобных сведений. Поэтому были обнародованы только даты и возраст женщин. В итоге записи вернули Фрэн Салливан, которая, надо полагать, хранит их в милом, безопасном месте в своем новом доме в Майами. Остаться в Фейрвью она, конечно же, не могла. Ей еще нужно было поднимать сыновей. Распродав автосалоны (два из них купил Том Крамер), семья Салливанов уехала куда подальше, чтобы начать новую жизнь.

Шарлотта в конечном счете рассказала Тому о связи с Бобом. На следующий день после того, как муж спокойно дал ему умереть.

Я не могла позволить ему барахтаться в чувстве вины. Образы раны в голове Боба, разбрызганных мозгов и крови были еще слишком свежи. И картина человека, плачущего на полу, тоже. Том был потрясен тем, что чуть было не сделал. А от того, что сделал, приходил в ужас. И именно я была тем человеком, который его к этому подвел. Я положила ему в машину битую и заставила поехать в тот автосалон. И исправлять это надо было не кому-то, а мне.

Шарлотта мне ничего об этом не говорила, но я могу сказать, что храбрость Тома и в конце концов его способность сдерживать гнев позволили ей посмотреть на него по-новому, понять, что он человек сильный. Мужчина, способный защитить свою семью, а не только плакаться другим, чем он занимался весь этот год. Но в нем обнаружился и некий изъян, правда? Да, Боб, вероятно, в любом случае умер бы, но ведь

Том не сделал ровным счетом ничего, чтобы его спасти. До идеала ему было еще далеко. И именно это позволило Шарлотте распрощаться с хорошей Шарлоттой точно так же, как до этого она распрощалась с плохой.

Что же касается Тома, то он, узнав о грехах жены, наконец признал, что достоин ее, достоин своей семьи, достоин этой жизни.

Переживать подобные вещи порой бывает трудно. На долю большинства семей не выпадает судьбоносных событий такого рода, неизбежно влекущих за собой потрясения. Инертность, косность, рутина – перед лицом столь могущественных сил трудно измениться.

После смерти Боба Салливана Шарлотта и Том стали другими людьми.

Я, конечно же, сошел с ума. Пришел в ярость. Чувствовал боль. Был опустошен. Без конца ходил с этой язвой в желудке, которая высосала из меня все соки. Я заставил ее рассказать все в подробностях – где они встречались, как часто, сколько времени проводили вместе. Вынудил в деталях описать тот день, когда они нашли Дженни. Она извинилась только раз. Рассказала о своем детстве. Была совершенно спокойна, не вымаливала у меня прощения, лишь хотела, чтобы я понял. Сказала, что вы помогли ей разобраться в себе и объяснили, что она так нуждалась в двух ипостасях своего «я» из-за стыда, который носила в душе. Рассказывая об отчине и о том, как это случилось в первый раз, плакала. Я слушал. Закончив свой рассказ, она просто встала и вышла. Я остался в комнате один. Потом две недели Шарлотта к этой теме не возвращалась.

Шарлотта призналась, что эти две недели стали самыми долгими в ее жизни, дольше даже тех, что последовали за изнасилованием Дженни.

Все потому, что мне больше ничего не оставалось делать. Я не могла ничего предпринять и просто сидела, глядя, как муж, зная теперь обо мне все, решает, любить меня или нет. Мне было тяжело, потому что после исповеди я любила его больше, чем когда-либо. Или, может, просто знала, что на самом деле его люблю. Люблю – и точка.

Том пришел к Шарлотте в четверг вечером. В спальне они были одни, в доме стояла тишина.

Я вошел. Она стояла у шкафа и смотрелась в зеркало. С того места, где я стоял, можно было видеть ее отражение. И тогда она предстала передо мной впервые. Я имею в виду в истинном свете. Совсем не той женщиной, которой я ее считал, когда женился. Боже мой, она была прекрасна! Простите... Потом я долго плакал. Она была так прекрасна – и ранимая девушка, и сильная женщина. Ее лицо несло на себе печать всех этих персонажей. И мне просто захотелось ее обнять.

Шарлотта тоже хорошо запомнила ту ночь. Сомневаюсь, что кто-

нибудь из них ее когда-то забудет.

Я не замечала, что Том в комнате, до тех пор, пока он не встал чуть ли не у меня за спиной. Он обнял меня за талию и положил на плечо голову. Сказал, что любит меня. Добавил, что я самая прекрасная женщина из всех, кого он знал, а теперь, когда я была перед ним как на ладони, стала еще прекраснее, чем раньше. Я повернулась, обняла его и почувствовала, что стена между нами рухнула. Нас больше ничто не разделяло. Мы занялись любовью, а потом я всю ночь проспала у него на груди.

После смерти Боба Салливана Шон тоже восстановил хорошие отношения с женой. Он пришел ко мне на следующий день после того, как сам чуть было не убил человека. После того как к нему вернулись воспоминания.

Я гнал домой как сумасшедший. Но никак не мог доехать. Мне хотелось кричать, что я не смог убить Боба Салливана. И что Валансию тоже убил не я. Наоборот, я хотел его спасти. Я не просто это помню. Теперь мне понятно, что я бежал к той двери лишь из самонадеянности, обуздать которую не в состоянии никакой разум. Примерно так же я чувствовал себя всю жизнь. Жил в постоянной тревоге, что заставило меня совершить столько безумств. Я мог бы стать героем, может, даже захотел бы умереть после всех этих страданий. Понимаете, Док? Но теперь знаю – для меня еще не все потеряно. Я не такой ублюдок, чтобы послать человека на верную смерть.

– Да, Шон, никакой вы не ублюдок. По сути, вы же сами за ним побежали. Пытались его остановить. И были готовы за него умереть. Вы герой, Шон.

Да, я хотел им быть. Подумал, что если убью Боба Салливана, то спасу Дженни. А если бы в тот вечер ко мне не вернулись воспоминания? Представляете? Если бы я убил ни в чем не повинного человека? Ведь я от этого был буквально в двух шагах.

– Не думаю, что вам удалось бы застрелить Боба Салливана. Вы не такой.

Может быть. – Шон уставился в пол. Потом медленно кивнул. – *Может быть, док. Думаю, теперь мы этого уже никогда не узнаем.*

Шон продолжал ходить на мои сеансы, чтобы справиться с тревогой и довести до конца работу по изгнанию призраков. Вернуть несколько воспоминаний о том дне в Ираке было трудной задачей, и ее решение принесло глубокое удовлетворение. Психологическая травма после взрыва и ранения нашла свое место и прекратила скитания в душе Шона. В тот же год он вернулся в колледж. Жена родила ему дочь, которую они назвали

Сарой. При этом он остался близким другом Дженни – парень, способный забирать у девушки черный пластиковый мешок с мусором.

Это примеры счастливого конца. Не стану приписывать себе все заслуги за то, что эти замечательные люди сделали, чтобы изменить свою жизнь. Просто скажу, что благодарен судьбе, которая позволила сыграть мне мою маленькую роль.

А теперь позвольте рассказать о конце Гленна Шелби.

Тело Гленна Шелби нашли висящим на железном турнике в его квартире через семь дней после смерти Боба Салливана. Погода установилась теплая, и он уже стал попахивать.

Покопавшись в его вещах, крэнстонская полиция нашла черную лыжную маску, черные перчатки и блокнот с подробным описанием изнасилования Дженни Крамер.

Гленн работал в компании по содержанию и обслуживанию жилья до тех пор, пока коллеги не почувствовали себя в его обществе некомфортно. Я уже говорил об этом раньше, но вы, вероятно, забыли. Незадолго до увольнения ему поручили ухаживать за двумя домами в Фейрвью. Он делал для них все: пропалывал сорняки, косил газоны, обрезал деревья. И чистил бассейны.

Чистил бассейны.

Эту новость мне по телефону сообщил детектив Парсонс.

С ума сойти, да? Он же настоящий маньяк. Две отсидки за домогательства и преследования. Многочисленные жалобы от коллег и сокамерников в тюрьме. Чокнутый ублюдок. У меня такое ощущение, что он заранее планировал изнасиловать кого-то на той вечеринке. Общался с некоторыми мальчиками в «Инстаграме», используя «фейковый» профиль. Долбанные тинейджеры! Идиоты несчастные! Совсем свихнулись на своих «лайках» и «френдах». Бьюсь об заклад, что они не знают и половины тех, кого впускают в свой мир. В одном из хештегов мы обнаружили чат, на котором обсуждалась та вечеринка. О ней стали говорить за неделю. Дали ему время подготовиться. Похоже, первоначально его целью был мальчик. Мы до сих пор пытаемся определить, когда это началось и кто первым впустил его в свой круг. Это могло бы нам кое-что дать.

Ответ я уже знал. Потому что просматривал профиль Джейсона, удаляя его фотографии в синей толстовке. Сам я «Инстаграмом» не пользуюсь. Но один «друг» моего сына в этой социальной сети снова и снова напоминал о себе, ставил «лайки» его постам, пытался наладить общение и предлагал Джейсону в ответ тоже ставить ему «лайки». Трудно объяснить, почему это бросилось мне в глаза. В профиле и постах того

«друга» фотографии Гленна Шелби не фигурировали. Я просто знал. От экрана, будто ядовитый химикат, страница за страницей исходила безысходность.

На этот раз Шелби преследовал моего сына.

А на ту вечеринку поехал, чтобы изнасиловать его.

Теперь вы понимаете причину того изнурительного страха, который охватил меня, когда я узнал, что Джейсон был в лесу.

Парсонсу я ничего не сказал.

— Это уже кое-что, детектив. И даже немало. У меня к вам просьба. Вы говорите, что нашли записи об изнасиловании?

Ну да. Этот парень хранил что-то вроде подробного отчета. Детали вполне соответствуют обнаруженным нами уликам. Плод большого ума, скажу я вам.

— Это может показаться странным, но ими можно было бы воспользоваться, чтобы помочь Дженни восстановить память. Позвольте мне на них взглянуть? Или, может, вы мне их скопируете?

О господи. В самом деле странно. Неужели ей действительно так нужно знать, что он думал и чувствовал, когда творил с ней все эти вещи?

— Я поговорю с ней и ее родителями. Но мне не хотелось бы давать им надежду, если у нас не будет этих записей.

Я вам их пришлю.

— Спасибо.

Да, чуть не забыл. Помните того ветерана из Орегона? Помните?

Я помнил.

Он говорит, что откопал то дело. Информация поступила из школы. Учитель увидел на рубашке парня кровь и отвел к медсестре. Та сказала, что такой порез вряд ли был случайным. Слишком четкий, будто кто-то сделал его преднамеренно.

— Понятно, детектив. Полагаю, теперь это уже не важно. В те времена Гленн Шелби и сам был еще ребенком.

Ну да. Я сказал ему, что теперь это дело нам ни к чему. Слава богу, теперь все позади и я могу спокойно уйти в отпуск.

— Вы его вполне заслужили.

На самом деле я так не думал.

Как и вы, Алан. Вас Крамерам послал сам бог. Я знаю, что они очень вам благодарны.

— Я был счастлив им помочь. И теперь надеюсь закончить свою работу.

Глава тридцать пятая

Сочувствие определяется как «способность понимать чувства других и сопереживать им».

Женщины часами болтают за ланчем. Мужчины каждое воскресенье прогуливаются по площадке для игры в гольф. Девочки-подростки не вылезают из своих телефонов. Вот когда мы рассказываем свои истории, порой в мельчайших подробностях, и наблюдаем, как меняется выражение лица собеседников, когда они вбирают в себя наши слова. Мы заставляем их радоваться, понимать нас и переживать вместе с нами. Это действительно так, поэтому каждый из нас не одинок на том пути, который медленно ведет его к смерти. Сочувствие лежит в самой основе человечности. Без него жизнь представляет собой лишь страдание.

А теперь о последних сахарных волокнах.

Детектив Парсонс передал мне записи Гленна Шелби. Крамеры, обсудив мой план, пришли к выводу, что он может принести результат. Поэтому как-то вечером, в самом начале лета, когда после изнасилования прошло уже больше года, Дженни Крамер пришла ко мне в кабинет, чтобы наконец узнать, что именно произошло в лесу за Джанипер-роуд.

На ней была такая же одежда, что и той ночью, мы всегда пользовались ею, когда работали в кабинете. Те же духи и макияж. Волосы она подстригла, оставив только небольшую прядь с правой стороны.

События последних двух недель Дженни перенесла на редкость хорошо. Сказала, что ей стало легче, когда она узнала, что насильником был не Боб Салливан, а мужчина, страдавший серьезным психическим недугом. Я поспособствовал этому, в подробностях описав заболевание Гленна. Мне известно, что если бы она увидела его в облике, в котором он обычно представал перед окружающими, то чувствовала бы себя сейчас совсем иначе. С учетом его патологии, девушка сказала, что воспринимает случившееся скорее как несчастный случай, будто она в джунглях столкнулась с хищным зверем. А может, с акулой или огромной океанской волной. Ее слова не говорили ничего о том, простила ли она Гленна Шелби за то, что он ее изнасиловал. Они, скорее, свидетельствовали о способности понять и рассматривать случившееся в контексте, способном сделать более терпимой ее дальнейшую жизнь. Так бывает не всегда. Некоторые факты или события настолько не поддаются пониманию, что ломают сами наши основы, и мы бредем по жизни, содрогаясь от страха упасть на каждом

шагу. Так было бы, если бы насильником оказался Боб Салливан – человек, который улыбался ей, когда она приходила на работу к отцу, и который мог заполучить, стоило ему пожелать, любую женщину. Осознание того, что именно он все это с ней сделал, крайне отрицательно повлияло бы на психику девушки и она больше никогда и никому не поверила бы.

– С чего ты хотела бы начать? – спросил я.

Она нервничала и, похоже, была немного озадачена.

Не знаю. Мне лечь на пол? Или просто сесть и закрыть глаза?

– Сядь и закрой глаза. Если потребуется что-то еще, я тебе скажу.

Я дал ей понюхать отбеливатель и включил музыку. Потом открыл заранее припасенный мешочек с опавшими листьями и прелыми ветками. Дженни поднесла его к носу и медленно втянула в себя воздух. Закрывает глаза. Я вытащил записи, переданные мне детективом Парсонсом, и стал читать слова Гленна Шелби.

Я припарковался в нескольких кварталах и направился на Джанипер-роуд. Из леса вечеринка была у меня как на ладони. В каждой комнате дома горел свет. Ребята пили и хохотали. Некоторые из них закрывались в ванной. Многие подходили к торговцу наркотиками, болтавшемуся у двери черного хода. Тот парень был внутри, я его видел. И знал, что это лишь вопрос времени. Его машина стояла на подъездной дорожке к дому, почти у самого леса. Я знал, что никуда от меня не денется.

Я поднял глаза на Дженни. Она выглядела сосредоточенной. Никаких эмоций пока не было.

Парень вышел, но вместо того, чтобы подойти к машине, зашагал по подъездной дорожке и вышел на Джанипер-роуд. Я потерял его из виду, и это меня разозлило. Тогда появилась девушка. Я слышал, как под ее ногами шуршал гравий. Она плакала. Я тут же переключил внимание на нее. Ей было так тоскливо.

Дыхание Дженни участилось. Мне хотелось знать, что случилось, но прерывать сеанс, какой бы ни была причина, я не желал. Потому что чувствовал – мои слова вернут ее в прежнее состояние.

Я подошел к ней. Она испугалась. Я осознал, что стою перед ней в маске. Когда я подхожу к людям, они, как правило, улыбаются. Я им нравлюсь. Рука потянулась, чтобы сорвать этот клочок материи, но потом я подумал, что этого делать нельзя. «Не бойся. Я пришел сюда не для того, чтобы тебя обидеть. Мне нужен другой человек». Она попятилась, широко распахнув глаза, будто увидела перед собой монстра. «Говорю тебе, не бойся! Почему ты на меня так смотришь, девочка? Неужели не видишь, что я стараюсь вести себя с тобой обходительно?

Девочка! Не уходи! Я не чудовище. Девочка! Девочка!»

В этот момент я слышал тихое бормотание и посмотрел на Дженни. По ее лицу текли слезы. Пересохшими губами она повторяла это слово. *Девочка. Девочка.*

Через заросли я вновь увидел того парня. Он вернулся в дом. Свой шанс я упустил. Из-за этой девочки, которая теперь обо мне знала, оставаться было нельзя. Но и уходить, не сделав того, ради чего я приехал сюда, никакого желания не было. Она кому-нибудь расскажет, и тогда больше не будет ни вечеринок, ни шансов до него добраться. Это было нелегко, но я извлек пользу из общения с одним замечательным доктором и теперь знаю, как остановиться перед лицом навязчивого желания. Он научил меня гибкости. А эта девочка меня разозлила. Я старался вести себя с ней ласково, даже пытался помочь, а она обошлась со мной грубо. Я знаю, что это такое. У нее нет никакого права сначала понравиться мне, а потом оттолкнуть. Со мной уже так было, и больше я этого терпеть не стану. Я с силой хлестнул ее по лицу, она упала на землю. Затем залез на нее и начал делать то, что планировал сделать с тем парнем. Ни в каких наркотиках я не нуждался. Она была такой слабой, а я таким сильным. Мне не пришлось ее утихомиривать, чтобы довести начатое до конца. Я засунул руку ей под рубашку. Какая нежная у нее была кожа. Как давно я не прикасался к чужой коже. *Девочка... Девочка... Не ори... Девочка... Твоя кожа приводит меня в восторг. Я ее обожаю.*

Теперь слова произносила Дженни – слова со страницы, которые я еще не читал. Мое сердце бешено билось в груди! Она вернулась в ту ночь. Ей удалось найти туда дорогу!

Я сорвал с нее одежду. Надел презерватив. Это оказалось проще простого. Она была такой маленькой, что я держал ее одной рукой. Потом занялся с ней любовью. Она плакала, но я был очень нежен. А потом вдруг вспомнил, что не планировал нежностей. Я приехал сюда ради продолжения одной истории. И если буду нежен, то история окажется неправильной. Прости, девочка. Я прекратил заниматься с ней любовью и стало грубо трахать. Попытался представить на ее месте того парня, и тогда дело пошло легче. Потом вытащил из сумки острую палочку. Из той истории память запечатлела каждое слово. Я вонзил палочку ей в кожу и стал наносить узор, прекрасно помня, где это нужно делать.

Я умолк. Содержание этих страниц мне было известно.

Это была моя собственная история. Я закрыл глаза и вспомнил. Мне было так больно, когда он терзал своей палочкой мою плоть.

Об этой истории я рассказал Гленну Шелби, переступив все мыслимые

границы.

Мне в лицо светит яркое орегонское солнце. Я вижу свой дом, он буквально в двух шагах. Слыша мои крики, обидчик смеется. Он хохочет и называет меня сукой.

Мою историю Гленн запомнил, посмаковал ее, а потом причинил этой прекрасной юной девушке столько боли.

Я вытер слезы, открыл глаза и продолжил читать записи Гленна.

Я снял с палочки кусочек кожи и растер его в пальцах. Она была скользкой и в руке пошла комочками, которые потом упали на землю. Я вонзил палочку вновь.

Дженни открыла рот, и на крыльях слов к ней вернулись воспоминания.

Думаю, сначала он меня просто погладил. С силой прижал к земле, упираясь предплечьем в затылок. Мне показалось, что он просто поводит по моей коже палочкой и отпустит. Что на этом все и закончится. Но потом поглаживание перешло в жжение, и я поняла, что он вонзил мне ее в кожу.

Да, Дженни. Да! По моей спине потекла кровь. Я и сейчас ее чувствую, теплую и липкую. Он говорит, что оставит на мне свою метку. Что съест маленький кусочек моей плоти, как какой-нибудь людоед.

Дженни продолжала, будто читая мои мысли, будто мы с ней стали одним целым. В тот момент мы действительно слились воедино, ведь нас объединяла одна и та же история. На меня обрушились угрызения совести. Но я не дал им воли.

Девушка заговорила вновь.

Я почувствовала, что он добрался до нерва, и опять закричала. Он замер, а потом...

Тогда нашу историю продолжил я, вновь обратившись к записям.

«Прости, девочка», – но мне нужно было, чтобы эта история имела продолжение. Я отложил палочку в сторону и стал трахать ее дальше. Она опять закричала. Мне это не доставляло удовольствия. Продолжать ту историю было непросто. Подо мной лежал не мальчик, и мне не нравилось, что на это пришлось потратить столько времени. Я подумал, не перепутал ли я чего-нибудь и не подвела ли меня память. Час – это долго. Руки стали уставать. Как же она орала! «Девочка! Не кричи!» Мне пришлось несколько раз прерываться, чтобы она успокоилась и вела себя тихо.

Дженни опять включилась в разговор. Мы с ней были как оркестр, как два инструмента, исполняющих одну и ту же песню.

Девочка... не кричи. Девочка... О боже!

Я только думаю, но ничего не говорю. Дженни, мне все известно. Когда он вонзается в меня, боль просто невыносима. Мне всего лишь двенадцать, а ему уже семнадцать. Он мужчина. Он заманил меня сюда, чтобы показать змей. Сказал, что я смогу одну поймать. *Смотри*, – говорит он. – *Ты поймал змею*. И тогда я заплакал. Просто заплакал. Гленн спрашивал меня, сколько это продолжалось, и я ответил, что в моем восприятии час. Но не сказал, что на самом деле он действительно издевался надо мной в течение часа – до тех пор, пока мы не увидели машину матери, свернувшую на подъездную дорожку к дому. Тогда он вышел из меня, оттолкнул и бросил истекать кровью.

Я прочел еще один отрывок.

Я на несколько долгих мгновений прервался и посмотрел на часы. Дал ей перевести дух.

Дженни произносила все больше слов, к ней возвращались все новые и новые воспоминания, лившиеся спокойным, тихим шепотом.

Я почти закончил. Осталось семнадцать минут и восемь секунд.

Дженни открыла глаза и встретила со мной взглядом. Ее лицо было в паре дюймов от моего. Мы оба плакали, перед мысленным взором каждого из нас предстали все наши воспоминания.

Я помню, – сказала Дженни. – *Я его помню.*

– Я знаю. Это заметно по твоим глазам. Я вижу!

Я действительно видел. Видел все. Видел себя. И теперь был не один.

Глава тридцать шестая

Родители не пожелали заявлять об изнасиловании. Они не показывали меня врачу до тех пор, пока их не заставила медсестра, сказав, что нужно зашить рану. Боялись, что у них отнимут приемных детей, в том числе и того, который затащил меня в лес за домом. Мать сказала, что мы справимся сами. Что история того парня очень печальна и он нуждается в нашей помощи. Его поведение – она назвала это так – было результатом трудной жизни, и мы не должны судить его слишком строго. Школьная медсестра увидела на моей рубашке кровь, и я сказал ей, что упал. Сообщили в полицию, но на том все и закончилось. Боль от того, что я ни с кем не могу поделиться этой тайной, была мучительной.

Я помню тот день, когда рассказал обо всем Гленну Шелби. Он пришел ко мне на сеанс в тюрьме Сомерса и стал рассказывать о парне, которого преследовал. Как стоял у его дома, как подглядывал за ним из зарослей. Как мечтал к нему прикоснуться. Я сказал ему, что подобные порывы очень пагубны и могут причинить другим зло. Он ответил, что это невозможно, ведь рисовать в голове подобные сцены было так приятно. Потом привел несколько примеров из жизни своих сокамерников. Рассказал, что они делают друг с другом и с ним. Он переспал не с одной сотней человек, мужчин, женщин, подростков. По большей части проституток обоих полов. Некоторые просто находились в состоянии сильного алкогольного или наркотического опьянения. Были и такие, кто, поддавшись его шарму, настолько жаждали любви, что не увидели в его привязанности к ним никаких признаков психоза.

Я попытался объяснить ему, что на мальчиков, даже работающих проститутками, надо наложить табу. Не желая, чтобы у него развилась тяга к подросткам, я начал рассказывать ему историю о мальчике, которого насильник завлек в лес. О его страхе и боли. Он попросил посвятить его в детали. Спросил, почему тому мальчику было больно. Я поделился своей историей в малейших подробностях. До этого я ее никому не рассказывал. Ни одной живой душе. Ни разу в жизни. Передо мной, распахнув глаза, сидел человек, слушавший мою страшную сказку. Я не устоял перед соблазном произнести, наконец, эти слова вслух. Он был мастак выуживать чужие тайны. А я был умирительно слаб. Рассказал ему о физической боли. Повадал, как это лишило мальчика воли. Описал шрам. А потом признался, что этим мальчиком был я.

Наткнувшись в лесу на Дженни, Гленн воспроизвел эту историю как по нотам. Все остальное – что нужно отвести от себя подозрения, побрить тело, воспользоваться презервативом – он узнал из бесконечных историй других заключенных. Я стараюсь не заикливаться на том обстоятельстве, что он поехал на вечеринку, чтобы изнасиловать моего собственного сына. Хотел наказать меня, но потом решил сделать подарок в виде чувства сострадания к девушке, которая случайно забрела в лес. К Дженни. Подумал, что после этого я приду к нему вновь. Презент вместо наказания. Вот о чем он рассказал мне в тот день в своей квартире. По его словам, он проявил гибкость.

В самом начале этой истории я был совершенно искренен, и на первом этапе лечения Дженни мое желание вернуть ей память диктовалось концепциями справедливости и верой в то, что это ее исцелит. Все изменилось в тот момент, когда я прочел в полицейском рапорте о шраме. Я уже рассказывал, какие опустошения в мозгу производит информация, повергающая нас в шок. И сколько времени требуется, чтобы приспособиться к новой реальности. Когда я прочел эти строки, со мной все так и случилось. Когда мозг примерил на себя факты, истина стала неопровержимой. Это не могло быть совпадением. Я достоверно знал, что Дженни Крамер изнасиловал Гленн Шелби. И знал, что сделал он это из-за меня и той истории, которой я с ним поделился.

Но почему тогда я не бросился к детективу Парсонсу? Почему лишил Тома мести, которой он так жаждал? Почему отказал своей юной пациентке в справедливости? Как я могу вам это объяснить, если вы до сих пор ничего не поняли? Я так долго был один. Да, некоторые мои пациенты стали жертвами агрессии и изнасилования. Но все они были постарше. И никого из них не заклеили, будто животное. На всей этой планете не было ни одного человека, способного меня понять. Я существовал один. До истории с Дженни Крамер. Внезапное стремление вернуть ей воспоминания оказалось сильнее совести. А скажи я им правду, у меня все отняли бы.

Осознав, что для спасения сына может понадобиться другой план, я поехал домой к Гленну. Помимо прочего, чтобы убедиться, что он больше на пушечный выстрел не будет приближаться к моей семье. Для этого существует много способов. О том, что Гленн приехал на вечеринку, чтобы изнасиловать Джейсона, как и о том, что он преследовал его в социальных сетях, я узнал только после того, как проверил телефон сына. А до этого наивно полагал, что он просто поехал туда, где были дети, где была возможность найти жертву. Любую. Какую угодно. Мне в голову даже как-

то пришло, что его целью был Тедди Дункан, двенадцатилетний соседский мальчишка. Гленн знал, что я подвергся нападению как раз в возрасте двенадцати лет.

Сейчас я лучше умею держать дистанцию с пациентами, чем в те времена, когда впервые встретил Гленна. И прекрасно понимаю как глубину их патологии, так и размах одержимости тем или иным человеком. А заодно и путь, который они готовы пройти, чтобы причинить нам зло. Перед тем как уйти и оставить Гленна в квартире одного, я сказал ему убийственные слова. Слова, которые и отправили его на тот свет.

– У тебя ничего не вышло, Гленн. Причинить моему сыну боль ты не смог, а тот подарок, который ты якобы мне преподнес, не принес никакого удовлетворения. Дженни девушка. Я был мальчик. Ей пятнадцать, мне было двенадцать. Мы с тобой больше не увидимся. Сегодня – последний раз. И ты ничего не можешь сделать, чтобы это изменить. Какие бы поступки ты ни совершил, в моих глазах тебе навсегда оставаться ничтожеством.

Я поведал Гленну еще одну историю. Об одной женщине из Пресвитерианской больницы Нью-Йорка. Она не была моей пациенткой. Я проходил там интернатуру и не столько лечил больных, сколько их наблюдал. Эта женщина покончила с собой. Помню, что переживал за нее, но лечащему врачу ничего не сказал. Не хотел ошибиться и выглядеть глупо. Она разорвала халат на длинные полоски, сплела их и повесилась на дверной петле в ванной комнате. Я сказал Гленну, что так и не забыл ее, хотя она и не была моей пациенткой. И добавил, что она будет тяжким грузом давить на мою совесть до конца жизни.

Гленн Шелби был опасный человек. Монстр. Мой монстр. Я знаю, что сам сотворил его своим потворством. Своей безалаберностью. И я же потом, надо полагать, его убил.

Я не смог вылечить Гленна Шелби. Может быть, сможет Бог.

Я виноват. Если считаете нужным, можете меня за это ненавидеть. Я постарался привести вам смягчающие обстоятельства. Шарлотта, Том, Шон.

Да, вернул их к жизни, но если бы не катастрофа, это было бы невозможно. Если бы мою историю не узнал эмоционально лабильный пациент. Если бы Дженни не оказалась с ним в том лесу. Если бы я все рассказал в тот самый момент, когда узнал правду. Можете меня ненавидеть. Можете презирать. Но знайте, что я все тщательно взвесил на чашечках весов. И что теперь каждую ночь засыпаю спокойно. А утром встаю и без проблем смотрю на себя в зеркало.

Крамеры ко мне на сеансы больше не ходят. После плодотворного лета

Дженни смогла вернуться в школу. Как и в случае с Шоном, вновь обретенные воспоминания, таившиеся в ее душе, помогли девушке избавиться от призраков, и теперь она проходит более традиционный курс восстановления после психологических травм. К осени она уже была готова двигаться дальше по жизненному пути.

Когда излечивается мой пациент, я чувствую радость и боль. Мне их не хватает. Я постоянно встречаю Крамеров в городе. Мы все стали друзьями. Том с Шарлоттой, похоже, счастливы. С Дженни тоже все благополучно, она вернулась к нормальной жизни. Я часто вижу, как она смеется с друзьями.

Иногда, когда я остаюсь с женой наедине, она, обнимая меня за талию, прикасается к шраму на спине. Порой в такие моменты я вспоминаю Дженни и знаю, что больше не одинок. Боль ушла. Я исцелился.

Практика моя пошла в гору. Я, можно сказать, стал специалистом по восстановлению памяти, и время от времени ко мне приезжают пациенты из самых разных уголков страны. Подумываю открыть собственную клинику. Посттравматическое лечение применяется по сей день. Я стал кем-то вроде крестоносца, возглавившего поход против его использования и теперь делаю все от меня зависящее, чтобы минимизировать его распространение. Я понимаю, насколько оно заманчиво. Взять и стереть прошлое. Проще простого, правда? Но теперь вы знаете, что к чему.

То же самое я говорю и пациентам, которые впервые приходят ко мне на сеанс, убежденные, что до конца жизни их будут изводить призраки, что им никогда не найти ключей от машины. Когда я им это сообщаю, они успокаиваются. Им приносит утешение, что на самом деле... они все помнят.

Примечание автора

Хотя медикаментозное лечение, о котором говорится в романе, пока до конца не разработано, трансформация фактических и эмоциональных воспоминаний о травмирующем событии на сегодняшний день выходит на передний план науки о памяти, ее теорий и методик. Ученые успешно трансформируют фактические воспоминания и значительно смягчают их эмоциональное воздействие с помощью препаратов и приемов, описанных в нашей книге. Более того, они продолжают поиск медикаментов, способных стереть эти воспоминания до конца. И хотя изначально медикаментозная терапия, направленная на трансформацию воспоминаний, предназначалась для лечения солдат в полевых условиях и ослабления симптомов посттравматического стрессового расстройства, сегодня к нему стали прибегать и в обычных больницах – несмотря на крайнюю противоречивость.

Благодарности

Чтобы рассказать об истории создания романа «Я все помню», понадобилась бы отдельная книга. И хотя я писала его десять недель, для того, чтобы он увидел свет, мне потребовалось семнадцать лет работы, четыре других романа, два сценария, квалификация юриста и трое детей, а нервов, которые он у меня отнял, было бы достаточно для того, чтобы на много лет вперед заполнить повестку дня доктора Форрестера. Писать порой бывает трудно. Но знать, о чем писать, еще труднее. Я счастлива и благодарна судьбе, что она предоставила мне возможность поведать эту историю.

В связи с этим я в первую очередь хочу выразить благодарность моему агенту Уэнди Шерман за то, что она всегда знала, о чем я должна писать, а также за терпение, которое она проявила, пока я вникала в новый для меня жанр. Ее способности читать написанное автором, равно как и знание рынка произвели на меня глубочайшее впечатление. Также хочу сказать большое спасибо моему редактору и издателю Дженнифер Эндерлин за ее непоколебимый энтузиазм, Лизе Сенз, Дори Вайнтрауб и всей команде издательства Saint Martin's Press за усилия, направленные на то, чтобы слаженно и вовремя выпустить книгу в свет. Я была очень рада работать с таким количеством талантливых профессионалов. Что касается западного побережья, то я хочу выразить признательность моему агенту, занимавшемуся реализацией прав на экранизацию романа, Мишель Вайнер из Creative Artists Agency за то, что она передала нас в надежные руки Warner Brothers. За переговоры с лучшими издателями практически по всему миру выражаю признательность Дженни Мейер, моему агенту по реализации зарубежных прав на произведение.

Возлагая всю полноту ответственности за вольности, допущенные в тексте при описании психологии и научных дисциплин, занимающихся изучением памяти, я в то же время хочу поблагодарить доктора философии Фелицию Розек за блестящую помощь в воссоздании психологической динамики событий и персонажей, а также доктора философии Эфрат Гино, автора книги «Неврология подсознания: восстановление целостности функций мозга и разума в психотерапии», за помощь в изучении таких явлений, как утрата и восстановление памяти.

В более личном плане хочу выразить огромную благодарность моим коллегам-писателям, Джейн Грин, Беатрис Уильямс, Джейми Бек и Мэри

Пассананти, которые, ежедневно бросая вызов белым страницам, все же смогли прочесть эту книгу, а также «тестировавшим фабулу» читателям, которые, с одной стороны, проявили честность, с другой – одобряли меня и поощряли – Валери Розенберг, Джоан Грей, Даяне Поуис и Синтии Бэден. Кроме того, я хочу выразить признательность друзьям, которые в любых обстоятельствах меня поддерживали, моему спутнику жизни за неизменное терпение, а также моей мужественной, непростой и прекрасной семье, верящей в упорный труд и исполнение великих мечтаний.

notes

Примечания

Free-range parenting – концепция воспитания детей, подразумевающая предоставление им большей свободы и независимости. (*Прим. пер.*)

Пиньята – полая игрушка из легкой оберточной бумаги или папье-маше, наполняется различными угощениями или сюрпризами для детей (конфеты, орехи, конфетти и т. д.), разбивается специальной битой во время празднования дня рождения именинником.

Чарльз Мэнсон (род. в 1934 году) – христианский серийный убийца, лидер коммуны «Семья», члены которой в 1969 году совершили ряд убийств.

«Сиалис» – американское средство для повышения потенции.

«Правило Миранды» – сообщение задержанному о его конституционных правах.

Кэтчер – в бейсболе игрок, который располагается сзади «дома» и осуществляет прием мяча с помощью перчатки-ловушки. «Дом», он же «основная база», представляет собой пятиугольную резиновую плиту белого цвета площадью 900 кв. см в форме домика с основанием в 42,5 см, «стенками» по 21,5 см и со «скатами крыши» по 30 см.

Хокс (hawks) в переводе с английского означает «ястребы».

8

По Фаренгейту. Соответствует примерно 16 градусам по Цельсию.